

Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 4 (5), 2017

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-65656 от 13 мая 2016 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ
по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:

398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.
Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lipetsk State Pedagogical
P. Semenov-Tyan-Shansky
University”
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:

42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.
Publication frequency: quarterly.

**e-mail: gicr-lspu@yandex.ru
<http://lspu-lipetsk.ru/giceros>**

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале,
допускается только с разрешения редакции.

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

07.00.00 Исторические науки и археология

13.00.00 Педагогические науки

22.00.00 Социологические науки

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики, в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

07.00.00 Historical sciences

13.00.00 Pedagogical sciences

22.00.00 Sociological sciences

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews' copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations. The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations.

Редакционный совет

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, проректор по научной работе ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Шевченко Иван Александрович, ответственный секретарь, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат исторических наук (г. Липецк, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Федина Нина Владимировна, и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Mikhail V. Boguslavskiy, editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of management, provost, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Ivan A. Shevchenko, executive editor, Ph. D. (History), docent, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia).

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORRCON AB" (Lulea, Sweden).

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS) (Moscow, Russia).

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), Rector of Voronezh Economics and Social Management Institute, professor (Voronezh, Russia).

Svetlana A. Skvortsova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, chair of mathematics and teaching methods, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine).

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Волков Владимир Алексеевич, профессор Московского педагогического государственного университета; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующая кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАН (г. Тобольск, Россия).

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Емельянова Елена Олеговна, профессор кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Катаев Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Лазарева Мария Васильевна, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующая отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Панин Сергей Борисович, профессор кафедры социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (г. Иркутск, Россия).

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Рослякова Надежда Ивановна, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Фомин Вячеслав Васильевич, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Editorial board

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Vladimir A. Volkov, Dr. Sci (History), professor, Moscow State Pedagogical University, Russian Academy of painting, sculpture and architecture (Moscow, Russia).

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia).

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of pre-school and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of chemistry and chemical technology chair, Tyumen industrial University (branch in Tobolsk), corresponding member of RANH (Tobolsk, Russia).

Vladimir K. Eliseev, Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Elena O. Emel'janova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, Chair of geography, biology and chemistry, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Dmitry V. Kataev, Dr. Sci (Sociology), docent, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Maria V. Lazareva, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of pre-professional education Department, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia).

Sergey B. Panin, Dr. Sci (History), professor, chair of social and economic disciplines, Pedagogical Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University (Odintsovo, Russia).

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of preschool pedagogy and psychology chair, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Vyacheslav V. Fomin, Dr. Sci (History), professor, head of chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Yuri V. Shmarion, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Содержание

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Семенов П.П. Мураевенская волость.
Сборник материалов для изучения сельской
поземельной общины в России (продолжение,
с комментариями проф. Л.И. Земцова).....7

Данилов В.И., Климов Д.С.
Роль Липецкого отделения
Русского географического общества
в изучении территории
Центрального Черноземья.....29

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Волков В.А.
Александр Иванович Юшков – летописец со-
бытий 1917 года.....46

Фомин В.В.
«Советский антинорманизм» на примере
трудов И.П. Шаскольского.....54

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.А. МОСКАЛЕНКО

Хорошилова Т.Б.
Наследие липецкой школы педагогики.....66

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Беляев Е.В., Батищев Р.Ю., Линченко А.А.
Образы России и ее места в мире
в геополитических представлениях
российской студенческой молодежи.....73

Шмарион Ю.В.
Теоретические основы моделирования
и алгоритмизации процедур социального
проектирования адаптивных
образовательных систем83

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....100

TO THE 190TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY P.P. SEMENOV-TIAN-SHANSKIY

Seменов P.P. Muraevensky volost. A collection
of materials for studying the rural land
community in Russia (continued, a review
of professor L.I. Zemtsov).....7

Danilov V.I., Klimov D.S.
The role of the Lipetsk department of the Russian
geographical society to the study of the territory
of the Central black earth region.....29

PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Volkov V.A.
Alexander Yushkov – the chronicler
of the events of 1917.....46

Fomin V.V.
«The soviet antinormanism» by the example of the
works of I.P. Shaskolskiy.....54

TO THE CENTURY OF THE BIRTHDAY K.A. MOSKALENKO

Khoroshilova T.B.
The legacy of lipetsk pedagogical school.....66

CONTEMPORARY ISSUES OF SOCIOLOGY

Belyaev E.V., Batishev R.J., Linchenko A.A.
The images of Russia and it place in the world in
the geopolitical representations
of russian students.....73

Shmarion Yu.V.
Theoretical foundations of modeling
and algorithmic procedures the social design
of adaptive educational systems83

INFORMATION ABOUT AUTHORS.....99

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ

МУРАЕВЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
СЕЛЬСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ В РОССИИ
СПБ., 1880.**

С. 37 – 158

ПРОДОЛЖЕНИЕ
(с комментариями Л.И. Земцова)

НАЧАЛО – В № 3 (4) 2017 ГОДА

II. Обзор экономического положения общин, входящих в состав волости*

В Мураевенской волости 20 общин. Число это не совпадает ни с числом селений, которых 14, ни с числом сельских обществ, которых 16. С числом селений число общин не совпадает потому, что в четырех селениях находятся по две общины, а в одном даже три, так как, по разнопоместности своей, находящиеся в одном и том же селении две или три общины вышли из крепостной зависимости по разным уставным грамотам, при различных наделах и повинностях и даже в настоящее время находятся в совершенно различных условиях. Так, в селе Муравне две крупные общины находятся одна на высшем, а другая на даровом наделе в 1 дес. на душу, в деревне Хорошевке две мелкие общины, одна на высшем, другая на среднем наделе, в дер. Зеркалах из двух мелких общин одна состоит из крестьян, перешедших в разряд собственников еще в 1863 году, другая и ныне состоит из временно-обязанных крестьян на оброке. Наконец, в дер. Савинке из трех мелких общин одна по мелкопоместности¹ перешла еще в 1861 г. в разряд крестьян государственных, другая состоит из временнообязанных крестьян на оброке, третья, временнообязанная, до сих пор удержалась еще на барщине, что составляет, впрочем, крайне редкое исключение во всей местности.

Вообще говоря, раздельность общин главным образом была обусловлена раздельностью надела по уставной грамоте, и не было случая, чтобы крестьяне, хотя бы одного селения, получившие наделы по своей разнопоместности, по разным уставным грамотам, слились в одну общину, хотя в дер. Давлетьевой крестьяне, принадлежавшие поделившимся помещикам (братьям и сестрам), остались в одной общине, но это только потому, что раздел между наследниками произошел так недавно, что ни владельческая запашка, ни община еще не успели распастись, и помещики выдали крестьянам сообща одну уставную грамоту. Наоборот, однопоместные деревни, получившие одну уставную грамоту, но живущие в разных поселках и владеющие землею в разных дачах, разделились на две общины, как это было с частью дер. Хорошевки, которая была вклю-

*В главе этой мы излагаем ответ на отдел I вышеприведенной программы (состав общины), но дополняем его ответами на некоторые из вопросов, заключавшихся в прежней программе географического общества. Вопросы эти следующие: Число дворов в общине? Число рев. душ по уставным грамотам и наличных по семейному списку? Число взрослых работников? При составлении уставных грамот был ли надел уменьшен или остался прежний? Был ли обмен угодий? Было ли перенесение усадеб? Число наличного скота? Есть ли в общине дворы безлошадные, сколько их и какие причины вызвали такое положение дворов? Дворы, имеющие лошадей, имеют ли земельные наделы? Если они земли не держат, то чем живут? Сколько в селении дворов, выдающихся достаточностью или бедностью? Желательно подробное описание, по крайней мере, одного двора разных типов, как-то богатого, зажиточного, среднего, бедного и неимущего.

чена в уставную грамоту Мураевенской общины. Таким образом, каждое однопоместное селение составило отдельную общину, а разнопоместное столько общин, сколько в нем было разных уставных грамот.

Что же касается до сельских обществ, то на основании Положения 19 февр. 1861 года общества эти составлялись всегда из поземельных общин, за исключением слишком мелких общин, которые на основании Положения присоединялись к более крупным, если число душ в них не превышало 21, так как в таком случае общине слишком тягостно было держать отдельного сельского старосту. Впоследствии предоставлено было мелким общинам, имеющим и более 21 души, соединяться в одно сельское общество, вследствие чего в Мураевенской волости каждое отдельное селение образовало сельское общество за исключением села Мураевни, а также Красной слободки, в которых обе поземельные общины достаточно крупны, да и самые поземельные их условия так различны, что им не было причин сливаться в одну административно-хозяйственную единицу.

В нижеследующей таблице приведены все важнейшие данные, характеризующие поземельные отношения каждой из 20 общин, входящих в состав волости².

	Ревизских душ	Наличных		% приращения	Дворов		Надел земли		В том числе				
		М.	Ж.		1861	1878	Дес.	на душу дес.	пах. отн.	усад.	выгонной	луговой	лесн. зарослей.
1) а. Мураевенская, кр. соб. с 1863 г.	258	282	273	25	69	108	642	высш	548	28	20	46	—
б. Федоровская, кр. собств. с 1869 г.	363	451	473	25	78	128	363	1,0	300	43	18	2	—
2) Ольховская, кр. соб. с 1863 г.	383	395	382	3	79	126	816	2,09	730	49	14	23	—
3) Подольховская, кр. собств. с 1863 г.	79	88	84	11	11	25	173	2,19	165	5	2	1	—
4) Заболотская, кр. соб. с 1863 г.	589	613	620	4	110	185	1288	2,19	1170	59	19	40	—
5) Лубянская, кр. соб. с 1872 г.	64	63	75	18	14	25	176	высш	145	4	5	20	2
6) Савинская а.вр. об. оброчн.	30	33	37	10	8	14	63	2,10	50	5	2	6	—
б.вр. об. барщ.	25	21	18	—	5	7	69	высш	60	4	4	1	—
в.кр. соб. с 1863 г.	12	12	12	—	3	3	33	высш	27	2	—	4	—
7) Чернышевская, вр. об. оброч.	43	74	67	72	9	18	118	высш	108	4	3	3	—
8) Гремяченская кр. соб. с 1872 г.	36	123	106	28	24	34	220	2,25	196	8	4	10	2
9) Краснослободская, а. кр. соб. с 1863 г.	61	78	74	28	15	23	162	2,54	138	7	2	5	10
б. Нарышкинская, кр. соб. с 1861 г.	75	95	98	27	16	27	206	высш	197	6	1	2	—

Продолжение таблицы

10) Бабинская, кр. соб. с 1862 г.	42	45	53	7	8	17	39	0,9	32	4	2	1	—
11) Давлетьев., кр. соб. с 1861 г.	70	109	108	56	13	31	193	высш	146	15	2	20	10
12) Зеркальная, а. вр. обяз. обр.	18	24	33	33	4	5	44	2,44	35	3	3	3	—
б.кр. соб. с 1863 г.	21	29	21	38	5	7	27	1,29	24	2	—	1	—
13) Богохранимая, вр. общ. обр.	90	101	107	12	17	32	226	2,51	196	8	5	17	—
14) Хорошевская а. кр. соб. с 1863 г.	22	35	38	59	8	10	55	2,50	46	3	2	4	—
б.кр. соб с 1863 г.	12	23	14	91	4	5	33	высш	27	3	2	1	—
Итого:	22 53	269 4	269 3	17	500	830	4946	—	433 0	272	110	210	24

Независимо от надельной земли у общины 2-ой, Ольховской, 244 дес. земли собственной, купленной крестьянами еще при крепостном праве, на имя владельца, признанной за ними документально уставною грамотою и состоящей ныне в подворном пользовании 58 дворов; у общины 3-й, Подольховской, 55 дес. такой же земли в подворном пользовании 20 дворов; у общины 4-й, Заболотской, 18 дес. в пользовании 7 дворов; у общины 9-й, а, Нарышкинской, 30 дес., оставшейся у владельца за наделом, купленной всею общиною, поделенной вместе с надельною по дворам по числу рев. душ в каждом дворе³.

Из поименованных в таблице общин только две, 9-я, а, Нарышкинская и 7-я Чернышевская, до 1861 года были на оброке и пользовались всею землею имения. При выходе из крепостной зависимости в Нарышкинской общине отрезано у крестьян 30 дес. свыше высшего надела и проданы им по умеренной цене, а в Чернышевской отрезано 150 дес. и сдано крестьянам в аренду на 10 лет, по истечении которых арендный договор возобновлен не был и земля владельцем была продана соседнему владельцу. Три однопоместные общины, 2-я, Ольховская, 3-я, Подольховская и 4-я. Заболотская, были на смешанной повинности — часть крестьян состояла на оброке, а другая на барщине, на ничтожной по мало-земелию имения запашке (пахотной земли у помещика было только 360 дес., да леса 170 дес.) При выходе из крепостной зависимости у крестьян было отрезано в Ольховской общине 378 дес., в Заболотской 111 дес., на основании закона, по которому владельцу дозволялось удержать за собою треть всех земель своего имения, так что за крестьянами остался надел в $2\frac{1}{5}$ дес. на рев. душу, не включая в это число до 300 дес. земли, купленной ими на имя помещика и признанной их собственностью в уставной грамоте. Упомянутые 5 общин пользовались, кроме неизбежного произвола при назначении и повышении размеров оброков, относительно наибольшею свободою при крепостном праве и потому достигли наибольшей степени зажиточности во всей волости.

Все остальные 15 общин состояли на барщине, но одна из них 11-я, Давлетьевская, выделялась из всех продолжительною, почти полувековою, патриархальною и, можно сказать, образцовою заботливостью помещицы о благососто-

янии своих крестьян, вследствие чего они также принадлежали к числу наиболее зажиточных в волости. При освобождении крестьян Давлетьевская община получила прирезку 23 дес. против существовавшего надела, который таким образом был доведен до высшего размера (2 $\frac{3}{4}$ дес. на душу), принятого Положением для местности.

Применение барщины и вообще крепостного права к остальным 14 общинам отличалось большею или меньшею снисходительностью, или суровостью, смотря по личным свойствам владельцев, а еще более – часто сменявшихся управляющих имениями, но вообще нельзя сказать, чтобы крестьяне этих общин были особенно зажиточны. Свыше 2 $\frac{3}{4}$ дес. на душу имела только община 1-я, а. Мураевенская, в которой владелец имел право на отрезку 110 дес., но правом этим не воспользовался, предоставив эту землю в номинальный надел дворовым людям и другим лицам, не имевшим права на надел, с тем, чтобы они, отказавшись фактически от надела, передали его крестьянам. Владелец уговаривал крестьян составить из предоставленных им таким образом свободных 40 душевых участков запасные для наделения прирастающего населения, но крестьяне предпочли смешать эти 110 дес. с остальной землей и поделить, как и остальную землю, по ревизским душам тех дворов, которые приняли надел. Таким образом, 258 наделов уставной грамоты превратились в 218, и каждый душевой участок вышел не в 2 $\frac{3}{4}$, а почти в 3 десятины.

Три мелкие общины 6-е Савинские б. и в., и 14-я, Хорошевская б., имели в своем пользовании земли почти в размере высшего надела, и размер этот остался у них без изменения. В 6-ой, Лубянской, общине крестьяне получили, по соглашению с владельцем, 16 дес. дорезки к существующему наделу до размера высшего.

В 6 общинах: 6-й, Савинской а, 8-й, Гремяченской, 9-й, а, Краснослободской, 12-й, Зеркальной, а, 13-й, Богохранимой и 14-й, Хорошевской, а, существующий надел, размеры которого приходились между 2 и 2 $\frac{3}{4}$ десят., остался без изменения. Без изменения остался он и в мелкой общине 13-й, Зеркальной, б, где он составлял только 1,29 дес. на душу.

10-я, Бабинская, община, руководствуясь желанием выйти скорее из обязательных отношений к помещику, пошла уже с 1862 г. на выкуп, уменьшенный до 0,9 дес. надела, от которого отрезано во владельческую экономию 62 дес.

Наконец, 1-я, б, Мураевенско-Федоровская, община при составлении уставной грамоты удержала существующий надел, превышавший 2 $\frac{1}{2}$ дес. на душу, но в 1869 г., после открытия под крестьянским наделом каменноугольных залежей, пошла на даровой надел с условием, чтобы помещик выплатил еще сверх того общине 17 т.р. в мирской капитал, обеспечивающий все лежащие на общине государственные и земские повинности. Происшедшая вследствие того отрезка простиралась до 378 дес. В общей сумме отрезки от крестьянских наделов во всей волости составили 1,234 дес., т.е. немного менее 20 % всех земель, состоявших в пользовании крестьян до 1861 г.

Относительно всех шести случаев значительных отрезков от крестьянского надела нельзя сказать, чтобы у крестьян отрезаны были лучшие земли. В трех однопоместных общинах: 2-й, 3-й и 4-й, при значительной ширине дач, широко приуроченных к пойму реки, отрезки были произведены линиями, перпендикулярными к направлению реки, так что от крестьян отошли луга и пашни ближние, средние и дальние в одинаковой пропорции, и крестьянские дачи остались в достаточной ширине. В общине № 7, при узкой даче, отрезка произошла с дальнего конца ее поперек дачи линией, параллельною к реке, а за крестьянами остались лучшие приречные и ближние к селению части дач и весь поем реки. В общине № 11 крестьянам оставлены ближайшия и лучшие полевые земли, отрезки образовали узкую полосу наименее плодородных и ближайших к глинистому оврагу земель (малопродуктивные которых отчасти немало способствовало согласию крестьян пойти на малый надел), но в отрезку вошел весь бывший в крестьянском наделе поемный луг. Наконец, при сопряженном с отрезкою обмене угодий, крестьяне общины № 1, б, получили в надел лучшие и ближайшия к их усадьбам земли.

Во всех остальных 14 общинах, в которых не было отрезки, произошло новое разверстание и *обмен угодий*. Обмен угодий имел целью отмежевать окончательно от земель помещичьих экономий крестьянские наделы и, вместе с тем, приурочить их к крестьянским усадьбам, так как до 1861 года во всех барщинских имениях владельческие пашни были ближайшия к селению, а крестьянские наделы в большинстве случаев состояли из дальних запольных земель, к селениям не приуроченных. Хотя узость владельческих дач, упирающихся одним заселенным концом в реку, а другим противоположным концом, на несколько верст уходящих в возвышенную и сухую даль, не позволяла выделить крестьянам очень широких дач, но все-таки при обмене угодий крестьяне, несомненно, выиграли, потому что значительная часть их дальних и запольных земель обменялась на ближние к селению и более или менее удобрявшиеся земли. Разумеется, при новой нарезке крестьянам полей встретились и временные неудобства, например, пришлось сеять хлеб по хлебу и т.п., но неудобства эти вполне вознаградились приближением части крестьянских полей и даже полным их приурочением к селению. Только в некоторых случаях при обмене угодий крестьяне теряли иногда часть своих поемных лугов, заменяемых хотя и ближайшею к усадьбам, но все-таки пахотною землею. Однако же бывали и обратные случаи: например, в общине № 8 помещик, желавший достигнуть добровольного соглашения в разверстании угодий, отдал крестьянам единственные свои поемные луга.

Случаев перенесения усадеб по требованию помещика в общинах волости не было, кроме одной – № 9, а, где по требованию помещика перенесены на новые места два двора, которые находились от его усадьбы ближе узаконенного расстояния. При разверстании угодий общины 1-й, а, произошел обратный случай: владелец, бросив свою усадьбу, облегаемую с двух сторон селением, построил

себе новую вдали от селения. О перенесении целого крестьянского селения по настоящему желанию самих крестьян было упомянуто выше.

Все поземельные общины волости образовались весьма давно. Впервые, по сохранившимся преданиям, местности в верховьях р. Рановы были заселены еще в XVI веке, а именно на Ранову были выселены дети боярские и дворяне со своими людьми и им жалованы были земли, в то время еще не занятые и заросшие дремучими лесами. В соседней волости часть села и донине носит название Городка и в ней сохранились дворянские и однодворческие фамилии, происходящие от детей боярских, выселенных сюда для защиты местности в XVI в. Первые селения волости (Мураевня и Заболотное) возникли, вероятно, в конце XVI или в начале XVII века, некоторые, как напр. Давлетьево, Красная слободка и Ольхи, в начале XVIII века. Все остальные селения образовались в конце XVIII и в самом начале XIX века, как выселки из поименованных селений и только дер. Хранимое возникла на моей памяти около 1840 года как выселок из дер. Давлетьевой для заселения пустоши, образовавшейся вследствие специального межевания. В пяти селениях, из коих четыре поделены на два общества, а одно на три, разделение произошло не позже начала нынешнего века, вследствие разделов между сонаследниками имений, причем в с. Мураевне раздельная линия проходит по улицам села так, что одна сторона улицы входит в состав одной общины, а другая в состав другой.

При подворной описи, исполненной мною в 1877 году, я обошел все дворы волости и собрал сведения, которые проливают достаточный свет на нынешнее экономическое положение крестьян каждой общины.

Для того чтобы судить о степени достаточности крестьянского населения, я разделил все дворы на типы, под которые старался повести каждый двор волости. Типы эти следующие.

Богатый двор. К этому типу в волости отнесены мною такие дворы, которых валовой доход, переводя на деньги и все количество собранного ими хлеба, кроме семян, превышает 1000 р. (от 1000 р. до 2000), чистый доход, т.е. количество денег, остающееся за уплатой податей, дополнительным наймом земли, наймом рабочих, довольствием семьи и батраков мукою и другими *необходимыми* припасами, довольствием лошадей овсом, ремонтом рабочего инвентаря, превышает 500 р. (от 500 до 1,500 р.). Один из наглядных признаков богатого двора – это присутствие батрака, в том случае, если число работников во дворе не больше 3-х. Другими признаками служит постоянный наем довольно значительного количества земли сверх надела или владения собственно землею или обладания какими-нибудь хозяйственными, промышленными или торговыми заведениями (как напр. ветряными мельницами, конными рушалками, переносными молотилками и т.п.), или присутствие денежных сбережений или капиталов, сохраняемых в процентных бумагах или пускаемых в оборот. Оказалось, что к этому типу относятся 60 дворов, т.е. 7 % всех дворов волости, включая сюда один двор высшего, хотя уже совершенно исключительного типа, крестьянина-

богача с валовым доходом свыше 5000 р., уже живущего в купленной им помещицкой усадьбе, хотя и не вышедшего из состава сельского общества.

Второй тип есть двор *зажиточный*. Сюда относятся такие дворы, которых валовой доход простирается от 500 до 900 р., а чистый, т.е. остающийся от уплаты податей, найма земли и рабочих и довольствия семьи, от 300 до 500 руб. Батраки в зажиточных дворах встречаются редко, а именно, только когда зажиточный домохозяин единственный работник семьи; земля нанимается сверх надела в количестве, сообразном с рабочею силою двора, обыкновенно от 1 ½ до 2 дес. в поле; скот имеется в избытке. Сбережения встречаются в зажиточных дворах, но не в количестве, превышающем размер небольшого оборотного капитала. К этому типу относится 137 дворов волости, что составляет 16 % всех дворов.

Третий тип есть двор *достаточный*. Валовой доход такого двора от 300 до 500 руб., а чистый, за уплатою податей, найма земли и хлебным довольствием семьи, от 100 до 300 р. Достаточный двор всегда имеет достаточную рабочую силу, лошадь и корову, а также достаточное для семьи число душевых наделов, а если число это недостаточно или размер душевого надела мал, нанимает себе некоторое количество земли. Случается, что достаточный хозяин не живет дома и не держит лошади, но в таком случае имеет хороший заработок и посылает в свой двор, в котором заметны все признаки достатка, нужное количество денег. Недоимок на достаточном дворе обыкновенно не бывает. К такому типу относятся 309 дворов, составляющих 37 % всех дворов волости.

Четвертый тип есть двор *недостаточный*. Валовой доход его от 150 до 300 руб., чистый, за уплатою податей и дневным довольствием семьи, средним числом в год от 30 до 100 руб., которые все уходят на необходимые домашние расходы. Один из признаков недостаточного двора есть недостаточность в нем рабочей силы, ограничивающейся преимущественно одним работником, причем этот работник живет в батраках или на одном из каменноугольных приисков, а если работников более одного, то все они уходят в отхожий промысел добывать себе недостающее количество денег, а хозяйство ведется при помощи найма работника с лошадей, так как в таком случае во дворе уже нет лошади. Бывает, что в недостаточном хозяйстве есть и лошадь, но нет коровы. Впрочем, недостаточный двор еще непременно держит свой надел, следовательно, он не безземельный и в случае недостаточности своего надела даже еще принанимает немного земли и кое-как справляет свои повинности, оставаясь в неблагоприятные годы в таких недоимках, которые можно признать только проволочками (*arrieresdepayements*). К этому типу относятся 197 дворов волости, т.е. менее 24% всех дворов.

Пятый тип есть двор *бедный*. Весь валовой доход такого двора можно оценить от 50 до 150 р. в год, а чистый, за уплатою податей и довольствием семьи, никогда не превышает 30 руб. Отличительный признак бедного двора есть отсутствие самостоятельного хозяйства, или в случае, если оно есть, то заметный упадок, выражающийся в полном отсутствии крупного скота. Земля у бедного двора большею частью отобрана на недоимки или он сдает ее в люди, а сам хо-

зьян определяется в пастухи или батраки, взрослых детей отсылает на заработки. Дворов этого типа в волости 105, т.е. менее 13 % всех дворов.

Шестой тип есть *двор неимущий*. Валовой доход такого двора не превосходит 50 руб., чистого нет, а есть постоянные дефициты, пополняемые нищенством. Неимущие дворы земли не имеют, так как они сдали в мир свои наделы; домохозяин, единственный работник семьи, не находится в достаточных силах, скота и рабочего инвентаря вовсе нет. Таких неимущих дворов в волости 22, т.е. менее 3 % всех дворов.

В приложении к нашему исследованию находятся опыты инвентарей и бюджетов всех охарактеризованных мною типов дворов волости; здесь же представляется распределение дворов каждой общины по этим типам, распределение, от которого, конечно, нельзя требовать математической точности, потому что отнесение двора к тому или другому типу представляет подчас большие трудности и обусловливается субъективным взглядом наблюдателя, но все-таки мы приводим эту таблицу, так как она не лишена интереса⁴.

Предпоследняя графа этой таблицы, заключая в себе пропорцию дворов достаточных, зажиточных и богатых ко всем дворам общины, довольно правильно определяет степень благосостояния каждой общины и может послужить нам к уяснению причин, от которых зависело это благосостояние.

О Б Щ И Н Ы	ЧИСЛО ДВОРОВ							пропорция трех первых. разрядов	кол. надела на нал. душу в дес.
	Богат.	Зажит.	Достат.	Недостат.	Бедн.	Неимущ.	Всего		
1) а. Мураевенская.	6	16	30	25	23	8	108	48%	2,3
б. Мур. Федоровская	6	15	50	37	16	4	128	55%	0,8
2) Ольховская	11	21	52	32	9	1	126	66%	2,1
3) Подольховская	2	5	8	6	1	—	22	68%	2,0
4) Заболотская	11	30	70	50	24	—	185	60%	2,1
5) Лубянская	5	5	5	5	3	2	25	60%	2,5
6) Три общины Савинские	—	1	9	8	6	—	24	41%	2,5
7) Чернышевская	5	8	4	1	—	—	18	94%	1,6
8) Гремяченская	—	6	14	8	5	1	34	59%	1,8
9) а. Краснослободская	2	1	9	6	3	2	23	52%	2,0
б. Нарышкинская	3	8	11	4	1	—	27	81%	2,1
10) Бабинская	—	1	8	4	2	2	17	53%	0,8
11) Давлетьевская	8	9	9	3	—	2	31	84%	1,8
12) Две Зеркальные	1	2	3	2	4	—	12	50%	1,8
13) Богохранимая	—	5	15	9	3	—	32	62%	2,2
14) Две Хорошевские	—	2	9	2	2	—	15	73%	2,6
Итого:	60	135	307	202	102	22	827	62%	1,8

Первое место по своему благосостоянию занимает Чернышевская община. Причины этого кроются в ее положении и при крепостном праве. Община до 1861 года была на оброке, пользовалась и тогда достаточной фактической свободой, и всеми землями имения, т.е. имела надел свыше 6 дес. на ревизскую душу. Крестьяне общины все уже и тогда относились к разряду зажиточных или достаточных (собственно богатых между ними не было), имели много скота, бы-

ли развитие всех других крестьян волости, а главное привыкли вести свое хозяйство самостоятельно, без всякой над собою опеки. Выход из крепостной зависимости мало изменил экономическое положение крестьян общины. Хотя более половины земель у них было отрезано, но земли эти остались законтрактованными ими на 12 лет за цену, которая, вместе с оброчным платежом, почти не превосходила их прежней повинности. Выиграли крестьяне только вследствие того, что, с большею свободой передвижения, район их деятельности расширился, и явилась возможность приобретать покупкою земли в личную собственность. Перемена в быте общины произошла та, что пять дворов перешли в разряд *богатых*. Три из них купили: один 17, другой 14 дес. земли в соседнем уезде (в 1864 году), один 33 дес. (в 1877 г.) в районе волости; один двор нанимает 16 дес. земли, один накопил значительный капитал, который держит в процентных бумагах. Зато один двор опустился в разряд недостаточных. Население общины неизмеримо увеличилось, а именно в 16 лет на 73 %, вследствие исключительно естественного прироста населения, которое объясняется тем, что крестьяне общины, зажиточные и развитые, хорошим уходом за детьми умеют сохранить их жизнь, устраняя причины смертности, сокращающие население. Но с течением времени экономические условия, в которых находилась община, ухудшились: высший размер надела (в 2,75 дес. на душу м.п.) вследствие неизмеримого увеличения населения, уменьшился до 1,6 дес. на наличную душу, срок контракта на оставшуюся за наделом землю истек, – она была продана бывшим владельцем и вышла из найма крестьян, наконец, поделившиеся дворы сделались малорабочее, да и некоторые из зажиточных домохозяев пропивают свои избытки. Впрочем, в наемной земле еще не ощущается недостатка (крестьяне общины нанимают до 90 дес. под посевы и 20 дес. наемного луга, да собственной земли имеют 63 дес.), и благосостояние крестьян общины не поколебалось, но многие домохозяева сознают, что в местности становится тесно и были бы не прочь от выселения в места, где больше простора и угодий.

Второе место по благосостоянию занимает община Давлетьевская. Хотя она была на барщине при крепостном праве, но полувекковая почти о ней благотворительная заботливость помещицы поставила ее в такое положение, что при выходе из крепостной зависимости все крестьяне общины были достаточны и зажиточны, хотя богатых между ними не было. Получили крестьяне общины высший надел, причем даже этот надел был несколько увеличен против существующего и в состав надела вошли даже лесные заросли, часть которых, как новь, была распахана. В первое же время после освобождения крестьян быт их еще значительно улучшился, главным образом, вследствие освобождения труда. Восемь дворов мало-помалу перешли в тип *богатых*, но зато три двора опустились в разряд *недостаточных*, чего не могло быть при крепостном праве при крайней заботливости помещиков именно этой общины о благосостоянии своих крестьян. Что же касается до двух неимущих дворов общины, то это дворы безземельные, не имевшие права на надел (из бывших дворовых людей). Громадный прирост населения общины (56 %) уменьшил размер надела с 2,75 до 1,8 дес. на

наличную душу. муж. пола, но почти все крестьяне нанимают значительное количество земли, а именно до 170 дес. под посевы, богатые от 10 до 12 дес. на двор, зажиточные от 4 до 6 дес.

Третье место по достаточности занимает Нарышкинская община. Как и Чернышевская, она до 1861 года была уже на оброке и пользовалась всею землею владельца, но земли этой было менее, чем в Чернышевке, а именно приходилось немного более 3 дес. на душу. Вышла община на свободу в самых благоприятных условиях – на высший надел – и приобрела оставшуюся за наделом землю, так что не утратила нисколько земли. До освобождения своего крестьяне Нарышкина были только достаточными, и зажиточных было между ними немного, ныне зажиточных почти столько же, сколько и достаточных, а три двора поднялись до разряда богатых. Зато семь дворов опустелись: пять до разряда недостаточных, а два впали в бедность. Так как при обыкновенном для волости приросте населения общины и ныне у крестьян приходится (с прикупленную ими землю) 2 ½ дес. на наличную душу, домохозяева общины принанимают небольшое количество земли, а именно дес. 25 под посевы, не включая в это число землю одного богатого домохозяина, который один снимает до 40 десятин.

В двух очень мелких Хорошевских общинах, из которых одна вышла на высший надел, а другая осталась при существовавшем в 2,4 дес.⁵ на душу, большинство дворов принадлежит к достаточным, но два сделались зажиточными, два недостаточными, а два совершенно обеднели. Деревушка помещена вдали от села и реки в захолустном овраге и была недостаточна в 1861 году; что крестьяне, оставшиеся при земледельческих занятиях, значительно поправились, это доказывается огромным приростом населения в 70 %, вследствие которого крестьянский надел превратился в 1 ½ десят. на наличную душу. Хорошевские крестьяне принанимают до 40 дес. земли под посевы.

В весьма сходных между собою условиях находятся общины: Ольховская, Подольховская и Заболотская, бывшие однопоместными⁶ при крепостном праве. Из них Ольховская и Подольховская, бывшие, преимущественно, на оброке, пользовались при крепостном праве большею относительно свободой, чем Заболотская, бывшая на смешанной повинности, да и крестьяне Ольховские и подольховские были достаточные, так как приобрели себе в собственность более земель, чем заболотские, что доказывает присутствие у них еще при крепостном праве достаточного количества денежных сбережений, столь редко имевшихся у крепостных крестьян. Источником этих денежных сбережений был так называемый куриный промысел и выдача им от помещиков продаваемых ими за хорошую цену лучших деревьев из векового дубового леса. При выходе из крепостной зависимости упомянутые три общины, составившие отдельную самостоятельную волость, присоединенную только в 1872 г. к Мураевенской, потеряли часть своего надела: Ольховская около трети (378 дес.), а Заболотская и Подольховская только около 8 % (111 дес.); все три получили наделы почти в одинаковых размерах, а именно, от 2,1 до 2,2 дес. на душу.

При ощущавшемся и до того малоземелии имения и отсутствии в 1861 году не только в Заболотской волости, но и в окрестной местности местных промыслов, некоторые из крестьян упомянутых трех общин решились искать отхожих промыслов и стали направляться на юг, на границы Воронежской губернии и Донской области, до пределов которых зажиточные достигали и прежде, еще и при крепостном праве в своих поездках для покупки кур. Одним из главных притягательных пунктов для крестьян бывшей Заболотской волости служит Урюпинская станция и ее окрестности. Там крестьяне трех рассматриваемых общин находят какой-то прибыльный заработок, и либо возвращаются оттуда не с пустыми руками, либо остаются там надолго, высылая в свои дворы кое-когда денежные суммы. Но многие крестьяне бывшей Заболотской волости так осваиваются в Урюпине и вообще низовых местностях, что переводят туда свои семьи, сдают на родине земельные наделы, продают и собственные участки земли, если имеют таковые, заколачивают дворы и остаются только номинальными членами общин. Община даже не знает личного состава семей этих выселенцев, которые мало-помалу утрачивают свою связь с общиной, а иногда и выписываются из нее. Благодаря таким постепенным эмиграциям, население трех общин в 16 лет увеличилось только на 4 %. При таком увеличении надел крестьян землю в трех общинах не опустился ниже 2-х десятин, так что крестьяне этих общин ныне представляются из наиболее наделенных в волости. Трудно сказать, улучшилось ли вообще благосостояние крестьян трех общин, но несомненно то, что увеличилась пропорция зажиточных дворов, а почти все 24 богатые двора создали свое богатство уже после 1861 г. Несомненно и то, что пропорция дворов недостаточных также увеличилась, и что появилось до 34 бедных дворов, которых до 1861 г. было очень мало. Что же касается до собственных земель крестьян Ольховской общины, первоначально купленных всеми дворами ее, то путем продажи эти подворные участки сосредоточились ныне в руках 58 домохозяев из 126. При всем том три общины, кроме 3277 дес. наделной и 317 дес. собственной земли, нанимают еще свыше 450 дес. пахотной земли.

Небольшая Лубянская община до 1861 года состояла на барщине; но несколько зажиточных дворов, извозничавших и торговавших курами в свободное от полевых работ время, уже выпущены были помещиками на оброк во время крепостного права. По освобождении крестьян, при котором Лубянская община получила высший надел, вследствие небольшой прирезки земли, 5 оброчных дворов превратились из зажиточных в богатые, а из достаточных выделились 5 зажиточных. Достаточные и недостаточные дворы в общине были и при крепостном праве, но 3 двора сделались бедными, а 2 даже и вовсе неимущими. Между богатыми крестьянами Лубянской общины есть один выдающийся даже из типа богатых крестьян в особый тип крестьянина-богача, ведущего торговые обороты в течение года не менее как от 20 до 30 тыс. руб. и купивший себе всю землю своего бывшего помещика, в размере 140 дес. Конечно, развитие такого богатства из домохозяйства крестьянина в нашей вообще земледельческой, а не промышленной местности, при крепостном праве было немыслимо. Приращение населения в

Лубянской общине было умеренно, так что и до сих пор она сохраняет надел в 2 ½ дес. на наличную душу. При всем том, достаточные, зажиточные и богатые крестьяне волости нанимают еще под запашку более 40 десятин.

Община дер. Богохранимой до 1861 г. находилась на строгой барщине; крестьяне ее были отчасти едва достаточны, отчасти и недостаточны. При выходе из крепостной зависимости, надел общины в 2 ½ дес. на рев. д. остался без изменения, барщина держалась очень долго, и только весьма недавно уступила место оброку. При этих условиях население общины увеличилось сравнительно мало, вследствие чего размер надела не опустился ниже 2,2 дес. на душу; некоторые домохозяева общины еще принанимают свыше 50 дес. под запашку. Освобождение крестьян все-таки изменило положение крестьян общины, так как ныне в ней уже выдались 5 зажиточных дворов и 3 бедных.

Гремяченская община, при выходе крестьян из крепостной зависимости, удержала за собою весь свой надел в количестве 2 ¼ дес. на рев. душу. Крестьяне ее, разоренные еще в 1840 годах невероятно дурным управляющим, не успели оправиться до 1861 года, несмотря на заботливость о них в 10-летнее управление помещицы. Большинство их было недостаточно, и только несколько дворов можно было признать достаточными. Вследствие того, крестьяне, по бедности, боялись принять на себя обязательство уплаты выкупных платежей и продержались на барщине, впрочем, весьма неприятельской, до 1873 года. Хотя и ныне богатых дворов в общине нет, но 6 дворов уже выделяется в разряд зажиточных, число достаточных достигло до 14, в разряде недостаточных осталось уже только 8, но зато разряд бедных дворов увеличился до 5 (их было при крепостном праве не более 3-х), а один из бедных попал даже в неимущие. Вообще же говоря, крестьяне общины, как говорят в местности, поправились, и более достаточные из них построили себе кирпичные избы вместо изжитых и разваливающихся деревянных и в общей совокупности на перестройку селения затратили свыше 3 тыс. руб. При 28 % увеличении населения (в 16 лет) надел их превратился из 2 ¼ дес. на душу в 1,8 дес. на наличную душу, вследствие чего они принанимают до 100 дес. казенной меры⁴⁹ под запашки.

В несколько худшем положении находится Краснослободская община. Крестьяне ее находились до 1861 едва ли не в худшем положении, чем Гремяченские, выйдя из-под тяжелой барщины с недостаточными платежными силами на выкуп существующего надела в 2 ½ дес. на душу. Притом же земля надела хуже качеством, чем в Гремяченской общине, а главное, по самому свойству землевладения не могли быть приурочены к усадьбам, так что Краснослободская община есть единственная в волости, в которой вывоз удобрения на поля затруднен до крайности. Несмотря на эти условия, большая половина дворов общины поправилась, а именно: 9 сделались достаточными, 1 зажиточным, а два даже разбогатели, между тем как 6 остались в прежнем недостаточном положении, а 5 совершенно опустелись: три сделались бедными, а два совершенно неимущими. Увеличение населения на 28 % превратило 2 ½ дес. надела в

2-десятинный на наличную душу, вследствие чего зажиточные и достаточные крестьяне принанимают до 50 дес. пахотной земли.

Бабинская община в 1861 году была беднейшею во всей волости. Переселенная незадолго до того за реку, плохо обустроившаяся, она состояла только из недостаточных крестьян. Вышла на свободу в самых невыгодных во всей волости условиях, а именно приняла в 1862 г. надел, уменьшенный до размера несколько менее 1 дес. на душу, но не даровой, а за выкуп. Несмотря на эти неблагоприятные условия, община поправилась, благодаря только свободе труда, в значительной мере: один двор сделался зажиточным, 8 достаточными, 4 остались недостаточными и 2 бедными, и только 2 опустились до той степени, что сделались совершенно неимущими. При небольшом приросте населения долго не могшей оправиться общины (7 %), надел составляет и ныне 0,9 дес. на наличную душу. Само собою разумеется, что крестьяне Бабинской общины без наемной земли обойтись не могут, а потому принанимают до 60 дес. пахотной земли.

Из соседних с Бабинской двух мелких Зеркальных общин одна вышла из крепостной зависимости в близких с Бабинскою условиях: на надел в $1 \frac{1}{4}$ дес. на душу, но не даровой, а за выкуп, а другая при наделе около $2 \frac{1}{2}$ дес. на душу не пошла на выкуп, а состоит и ныне на оброке. Нельзя не заметить, что в мелких общинах, менее связывающих каждого домохозяина мирским влиянием, индивидуальность каждого из них обнаруживается еще ярче, чем в крупной общине, и потому различие в степени благосостояния проявляется в мелких обществах еще резче, чем в крупных. Это замечание находит полное применение к 12 дворам двух Зеркальных общин, из которых один двор достиг до весьма выдающегося богатства, два представляются зажиточными, три достаточными, 2 недостаточными, 4 бедными, и какой бы то ни было общий вывод о целой общине представляется невозможным. Крестьяне принанимают 34 дес. пахотной земли, но 14 дес. этой земли падают на долю одного домохозяина.

Крайне любопытным представляется изменение быта и современное экономическое положение крестьян в двух общинах, составляющих волостное селение (село Мураевня). При крепостном праве благосостояние крестьян было посредственное, можно сказать, удовлетворительное. Большинство крестьян были достаточные, меньшинство недостаточные, было некоторое количество зажиточных, но ни богатых, ни чрезмерно бедных дворов в общинах не было. Вышли обе общины из крепостной зависимости в хороших условиях. Мураевенская удержала существующий надел в размере, превышающем, а именно, почти 3 дес. на наличную в то время душу м.п., да и Федоровская община осталась при существующем наделе, весьма близком к высшему ($2 \frac{3}{4}$ дес. на душу). Обмен угодий был весь в пользу крестьян: вследствие приурочения земель к их усадебной оседлости в надел их попали и ближние земли из владельческих запашек, видевшие на себе и удобрение, взамен запольных, никогда не удабриваемых. В первое восьмилетие после 19 февраля 1861 г. благосостояние крестьян в обеих общинах вообще постепенно развивалось, из разряда дворов достаточных выделялись дворы зажиточные и богатые, в большем числе, чем из разряда недо-

статочных бедные и даже неимущие, прирастало быстро население. Только весь этот прогресс шел, как и во всей нашей местности, неравномерно: два шага вперед в благоприятные годы, шаг назад в неблагоприятные, дающие в общей экономике крестьянам дефицит, который может легко выдержать богатое и зажиточное хозяйство, но который сильно отбрасывает назад развитие благосостояния даже достаточного двора (в особенности при существующем порядке взискания повинностей), а недостаточные дворы выбрасывает в разряды бедных.

Недостатка в земле не ощущалось; всякий, кому было нужно и возможно принанимать землю, находил ее на земельном рынке волости. Одного не доставало местности – это местных промыслов, на которых крестьянин находил бы хороший заработок для рабочих сил, излишних для земледелия, особенно в зимнее время.

С 1869 года явился и этот заработок: в дачах Федоровской общины открылись известные залежи каменного угля. Это обстоятельство произвело совершенный переворот в экономическом положении двух общин. Федоровская община была еще во временно-обязанных отношениях. Каменноугольные богатства принадлежали, следовательно, владельцу, который имел право обмена угодий. Получив значительную сумму в виде задатка за прииски, снимаемые образовавшеюся компаниею, владелец предложил крестьянам сделку, а именно, даровой надел в 1 дес. на душу и капитал, проценты с которого обеспечивали бы уплату всех лежащих на них повинностей государственных и земских. Общество согласилось, так как приманка вечного обеспечения от всяких изысканий по поводу недоимок была слишком велика.

Открылся каменноугольный прииск. Заработки, им доставляемые местному населению, особенно в первое время, были чрезвычайно велики. Все многорабочие дворы волости сделались богатыми, получая свыше 500 р. чистого дохода, но слишком быстрый переход имел и свои темные стороны: повторилось в маленьком виде то же, что было в Калифорнии при открытии золотых приисков: многие начали бросать земледелие; множество дворов сделались безлошадными, а иные вовсе безземельными. Между тем удвоившиеся, упятерившиеся, удесятирившиеся доходы дворов редко обращались в сбережения, не всегда даже и на капитальные хозяйственные улучшения, напр. постройки, хотя хороших каменных строений возникло не мало. Очень крупные суммы пошли и в питьевые заведения. Но, в общем, развитие благосостояния все-таки росло до 1874 года, хотя, в частности, немало дворов, в конце концов, разорялось. Около 1874 г. в каменноугольной промышленности и делах компании начал обнаруживаться кризис, кончившийся закрытием дорого стоившего и довольно обширного керосинового завода и значительным сокращением работ на приисках, которые вместо 200 рабочих стали занимать не более 60 рук, поуменьшили и рабочие платы. Возвращаться к земледелию и тем дворам, которые сделались бездомными и даже отчасти безземельными, при неимении средств для покупки лошади, было затруднительно, а потому многие пошли искать заработок на каменноугольных приисках соседнего уезда и в отхожих промыслах. Само собою

разумеется, что дворы богатые и зажиточные, обратившие свои временные избытки на сбережения и хозяйственные улучшения, благополучно выдержали кризис и продолжали идти вперед, а не пошли назад. Но много оказалось таких дворов, которые из достаточных обратились в недостаточные, а из недостаточных в бедные и неимущие. И очень характерно выразилось различие в этом отношении между двумя общинами селения, в сведениях, собранных нами уже года два, три спустя после кризиса. В Мураевенской общине 6 богатых и 10 зажиточных дворов, в Федоровской также 6 богатых и 15 зажиточных, т.е. даже Мураевенская община, заключающая в себе несколько менее дворов, имеет в высших категориях преимущество перед Федоровскою, как это и следует ожидать, так как первая несравненно лучше наделена землею. Но достаточных дворов в Федоровской общине 50, а в Мураевенской только 30, недостаточных в первой 37, во второй 25, а бедных в Федоровской 16, а в Мураевенской 23, неимущих в Федоровской 4, а в Мураевенской 8. Таким образом, очевидно, что каменноугольный кризис подействовал разорительнее на Мураевенскую, чем на Федоровскую общину, несмотря на то, что первая обеспечена почти тройным количеством земли против второй (у первой 25 % прирост населения превратил 3-десятичный надел в 2,3 дес. на наличную душу, а у второй 25 % же прирост образует однодесятичный надел в 0,8 дес. на наличную душу). Причина этого поразительного различия очевидна. Крестьяне Федоровской общины не обязаны были платить с 1869 г. до сего времени никаких налогов. Их убытки и дефициты не имели последствием продажи, например, неспевшей жатвы, на которую употреблено много труда и которая даст рублей 40 чистого дохода за 10 рублей, как это часто случается при несвоевременных побуждениях о взносе податных недоимок. Но Федоровской общине грозит экономический кризис, который может отразиться на ее экономическом благосостоянии сильнее, чем каменноугольный кризис на благосостоянии Мураевенской общины. Дело в том, что Федоровское сельское общество за капитал, обеспечивающий его подати, как выше было объяснено, получает по 10 коп. за рубль, а недоимки податей накопились вследствие продолжительного процесса за шесть лет. Если только будет приступлено к взысканию этих недоимок, то результаты будут губительны для благосостояния общества.

Мы не упомянули еще о трех весьма мелких Савинских поземельных общинах. Три двора, составляющие одну из них, получившую высший надел, и переведенные за мелкопоместностью помещика в разряд государственных крестьян, достаточны. В остальных двух общинах, из коих одна до сих пор состоит на барщине при наделах высшем и в 2 $\frac{1}{4}$ дес., один только двор зажиточен, 6 достаточны, 8 недостаточны и 6 бедны. Это приблизительно то же, что было при крепостном праве, с тою разницею, что зажиточный двор был только достаточным, а бедные только недостаточными.

Весьма интересным представляется вопрос о количестве скота в исследуемых общинах. Следующая таблица заключает в себе собранные по сему предмету сведения.

	Ч И С Л О					
	Лошадей	Кр. рог. скота	Овец	Свиней	Число черед ⁸	На двор черед
1) а. Мураевенская	113	65	277	37	212	2,0
б. Федоровская	195	153	586	81	442	3,3
2) Ольховская	180	177	540	57	421	3,4
3) Подольховская	43	39	135	19	104	5,0
4) Заболотская	238	270	800	60	595	3,2
5) Лубянская	42	23	100	10	72	3,0
6) Савинские три общины	30	12	100	1	55	2,3
7) Чернышевская	46	31	200	12	99	5,5
8) Гремяченская	54	30	95	4	94	2,8
9) а. Краснослободская	29	21	86	7	60	2,6
б. Нарышкинская	55	18	72	10	82	3,0
10) Бабинская	24	17	54	5	44	2,6
11) Давлетьевская	77	61	400	45	187	5,8
12) Зеркальные две общины	29	12	69	10	57	4,2
13) Богохранимая	59	40	200	10	120	3,7
14) Хорошевские две общины	21	30	146	15	68	4,5
Итого:	1235	999	3860	383	2712	3,3

Вообще говоря, сведения о количестве скота в общих чертах подтверждают то же, что приведено нами выше о достаточности населения общин: чем община зажиточнее, тем более у нее черед скота; частные уклонения зависят от количества луговых угодий. То же поразительное различие, какое мы заметили между двумя общинами волостного селения, представляется еще резче в количестве скота, так как продажи за недоимки все более обрушаются на крестьянский скот, как на самую удобную для продажи движимость.

Весьма важным представляется вопрос о распределении лошадей (как главной рабочей силы в местном сельском хозяйстве) по дворам и о пропорции безлошадных дворов. Следующая таблица заключает в себе данные, собранные мною по этому предмету при подворной описи 1877 года.

	Ч И С Л О Д В О Р О В							пропорция безлош. дворов
	Безлошадных		С 1-й лошадью	С 2.	С 3.	С 4.	С 5 и бол.	
	без земли	с землей						
1) а. Мураевенская	18	37	17	20	10	5	1	51 %
б. Федоровская	7	34	29	27	18	9	4	32 %
2) Ольховская	8	34	26	31	16	7	4	33 %
3) Подольховская	—	6	3	6	6	1	—	28 %
4) Заболотская	13	62	33	34	33	10	—	40 %
5) Лубянская	7	4	4	2	2	2	4	35 %
6) Савинские три общины	2	7	5	6	3	1	—	38 %
7) Чернышевская	—	1	4	4	4	4	1	5 %
8) Гремяченская	5	5	6	10	8	1	—	28 %
9) а. Краснослободская	3	8	5	8	1	—	2	48 %
б. Нарышкинская	2	3	3	12	3	2	2	18 %
10) Бабинская	3	1	5	6	1	1	—	24 %
11) Давлетьевская	5	1	5	6	5	3	6	32 %
12) Зеркальные две общины	1	1	3	2	2	2	1	16 %
13) Богохранимая	2	2	8	11	7	2	—	12 %
14) Хорошевские две общины	1	4	3	4	2	1	—	33 %
Итого:	77	210	159	189	121	51	25	35 %

Безземельность и безлошадность такого значительного количества дворов волости есть явление, которое, без сомнения, заслуживает особого внимания и изучения. Вот почему при своем подворном исследовании я обратил особое внимание на причины обезземеления и безлошадности множества дворов волости.

Оказалось, что из числа 77 *безземельных* (в которых отсутствие лошади есть естественное последствие безземелия) дворов волости, 27 безземельны потому, что они не имели права на получение надела, так как к 19 февраля 1861 года домохозяева были либо дворовыми, либо детьми отставных нижних чинов, или незаконнорожденными детьми солдаток, приписанными в кантонисты. Семьи эти приписались к сельским обществам или к волости, или никуда не приписались, но остались на месте, завели себе двор, но не имеют ни земли, ни лошади, и занимаются либо промыслом, либо даже земледельческими или вообще сельскими работами в качестве батраков во владельческих и крестьянских хозяйствах или на мельницах и т.п. Остальные же 50 дворов первоначально получили надел, но, впоследствии, по разным причинам, лишились его, в принципе, разумеется, *на время*. Их этих 50 дворов 12 не могли удержать за собою земли потому, что в составе их нет ни одного взрослого работника, но, когда подрастут малолетние, земля будет возвращена этим дворам*.

** При этом, заметим мимоходом, дворов, не имеющих в своем составе взрослых работников, я нашел во всей волости 45, из которых только 12 не могли удержать за собою земли, 15, удержав за собою землю, не держат лошадей, а 18 удержали и землю, и лошадей, или, опираясь на домохозяев, вышедших из рабочего возраста, но могущих еще хозяйничать, или будучи настолько достаточны, что нанимают себе батраков или работников.*

Далее 4 двора не удержали за собою земли, потому что домохозяева их были бессрочноотпускные солдаты, потребованные на службу, и оставившие свои семьи без рабочей силы. Но главная масса обезземеленных дворов – такие, которых домохозяева единственные работники, находятся в отсутствии. Их 23 таких дворов: в пяти домохозяева живут на каменноугольных приисках, в трех на прибыльных местах и отказались от земли потому, что в ней не нуждаются, а в 15 находятся в отхожих промыслах; из сих последних многие, вернувшись назад с заработками, получают обратно свою землю, а другие, после многолетней отлучки, настолько упрочили свое положение на новых местах и разорвали связи с родиною, что, по всей вероятности, выйдут из состава общин, к которым они приписаны. Далее 5 домохозяев живут в батраках в соседних селениях и отказались от земли по невозможности для них вести свое хозяйство (по молодости или бедности) и 6 дворов лишились земли, отобранной за недоимки, и пребывают в крайней нужде и бедности, пробавляясь, преимущественно, нищенством.

Переходим затем к исследованию положения тех 211⁹ дворов волости, которые, пользуясь землею, *не имеют лошадей*. Из исследования этого оказалось, что из 211 безлошадных дворов в 184 некому было бы и пользоваться лошадью, так как в 15 дворах вовсе нет лиц в рабочем возрасте, в 16 дворах домохозяева – солдаты на службе, в 5 дворах домохозяева и, вместе с тем, единственные ра-

ботники содержатся в местах заключения, в 38 – живут на каменноугольных приисках, в 4 – на прибыльных должностях, в 70 – все работники двора находятся в отхожих промыслах, в 36 – живут в батраках. Во всех этих случаях лошадь во дворе излишняя, так как на средства домохозяйства нанимаются для конных работ в поле односельцы¹⁰, а женские работы производятся женщинами двора. Только в 27 случаях из 211 работники двора были не в отсутствии из своих дворов, а сделались безлошадными по бедности вследствие того, что последняя их лошадь пала от плохого корма или других причин, или была продана на уплату повинностей, а новой лошади купить не на что.

Наибольшая пропорция безлошадных дворов встречается в тех общинах (51 и 48%), из которых, как из Мураевенской и Краснослободской общин, большое количество рабочих живут на каменноугольных приисках или из тех (40 %), на которые, как в Заболотской общине, крестьяне уходят охотно в отхожие промыслы; наименьшая (5, 12, 16, 18 и 19%) в тех общинах, в которых, как напр. Чернышевской, Богохранимой, Зеркальных, Нарышкинской и Давлетьевской, почти все крестьяне занимаются земледелием, и в отхожие промыслы отлучаются весьма мало.

Следующая таблица дополняет собранные при подворных описях сведения об общинах указанием распределения в них дворов по числу работников.

	Число взрослых	Число дворов		Без раб.	С 1.	С 2.	С 3.	С 4.	С 5 и бол.
		1861	1877						
1) а. Мураевенская	134	69	108	12	66	22	8	—	—
б. Федоровская	215	78	128	7	56	43	16	5	1
2) Ольховская	214	79	126	7	50	46	17	5	1
3) Подольховская	50	11	21	—	5	8	8	1	—
4) Заболотская	325	110	185	4	89	55	24	11	2
5) Лубянская	45	14	25	2	10	5	7	1	—
6) Три Савинские	33	16	24	2	13	7	2	—	—
7) Чернышевская	32	9	18	1	8	6	1	1	1
8) Гремяченская	56	24	34	—	22	7	4	2	—
9) а. Краснослободская	54	15	23	1	1	13	5	3	—
б. Нарышкинская	57	16	27	—	8	14	3	2	—
10) Бабинская	20	8	17	3	8	6	—	—	—
11) Давлетьевская	90	13	31	3	15	5	7	1	—
12) Две Зеркальные	26	9	12	—	3	5	3	1	—
13) Богохранимая	55	17	32	1	17	7	4	2	1
14) Две Хорошевские	27	12	15	3	3	4	4	1	—
Итого:	1433	500	826	46	374	253	113	36	6

Из таблицы этой видно, что половина дворов волости имеют в своем составе только одного работника или совсем его не имеют. Если принять еще в соображение, что здесь включены в расчет и отсутствующие воины и лица, находящиеся в продолжительной и, можно сказать, безвестной отлучке, то, понятно, что слабость рабочих сил большей половины дворов весьма часто служит препятствием к развитию благосостояния их.

В заключение главы я считаю долгом ответить здесь, как многолетний наблюдатель, на обыкновенно и весьма часто задаваемый вопрос, улучшилось ли экономическое положение и благосостояние крестьян (в 20 общинах волости) за весь 20-летний период с 1861 г.

Слушая по этому предмету многочисленные отзывы лиц, более или менее знакомых с настоящим положением крестьянского сословия в разных местностях России, я могу объяснить разнообразие и даже противоречия даваемых на поставленный выше вопрос ответов, только тем, что всякий понимает слова *улучшение, благосостояние* по-своему, вследствие чего ответы представляются величинами, не приведенными, так сказать, к одному знаменателю.

Для того, чтобы дать возможность привести подобного рода отзывы к одному знаменателю, необходимо знать, относятся ли они к целой общине, средним дворам или типическим, т.е. наиболее распространенным или к исключительным, т.е. менее распространенным и вообще отдельным дворам. Затем необходимо также знать, что принимается за признак увеличения или уменьшения благосостояния двора или целой общины, количество ли производимого ими хлеба, цифра ли денежных или переведенных на денежные знаки их доходов, изменение ли во внешней обстановке жизни (жилище, одежде и пище), изменение ли в составе рабочего инвентаря и количестве скота, увеличение ли капитала недвижимой и застроенной собственности или накопление некоторых сбережений и движимых капиталов, исправность ли в отбывании повинностей. При таком разнообразии предметов, к которым могут относиться отзывы о происшедших с 1861 года изменениях, и при не меньшем разнообразии самых признаков, на коих основывается суждение о благосостоянии крестьянского сословия, отзывы могут быть только до крайности разнообразны и, во всяком случае, между собою несоизмеримы, если дающий отзыв не высказывает определительно, к чему именно относятся его показания и что служит ему мерилom для сравнительного исследования благосостояния принятой им единицы в прошлое и нынешнее время.

Приняв на себя задачу ограничить свои показания двадцатью исследованными общинами Мураевенской волости, я буду говорить сначала о каждой общине в совокупности и о среднем, так сказать несуществующем, или идеальном дворе, а затем об отдельных дворах, и в применении к тем и другим переберу все вышепоименованные признаки, в которых выражается степень благосостояния крестьян.

Говоря вообще не только о всей волости, но и о среднем и даже о типичном или наиболее распространенном дворе, принадлежащем к типу достаточного и притом земледельческого двора, нет сомнения, что количество производимого им хлеба в его собственном хозяйстве увеличилось, так как количество земель, состоящее в крестьянском пользовании и найме в совокупности, в значительной мере увеличилось; и хотя неудабриваемые земли медленно истощаются, но это истощение вознаграждается тем, что крестьяне, прежде вовсе не удабривавшие земли, ныне в значительной мере удобряют часть своих наделов. Что же касает-

ся до денежных доходов каждой общины в совокупности среднего и типичного двора, то доходы эти возросли до невероятной степени против бывших до 1861 года, не только вследствие увеличения цен на главные сельские произведения, но и вследствие свободы труда и развития денежных заработков, почти вовсе не существовавших до 1861 года. Нет сомнения, что и количество расходов крестьян возросло в весьма сильной степени: вещественных, вследствие увеличения населения и потребления, но в особенности денежных – на выкупные платежи, земские и мирские повинности, на косвенные налоги и на удовлетворение множества вновь возникших потребностей, которых у крестьян до 1861 года вовсе не существовало.

Что касается до выкупных платежей, то хотя платежи эти как денежные расходы возникли для крестьян вновь, но если переложить прежние даже трехдневные барщины на деньги, по минимальной оценке мужских и женских рабочих дней, то полученные суммы для целой общины и каждого двора превышают втрое выкупные платежи.

Вообще можно сказать, что доходы совокупности крестьянских хозяйств целой общины, а также среднего двора и даже наиболее распространенных типов дворов, увеличились в несколько раз, если (как это и следует) принимать за доход двора как до 1861 года, так и ныне, совокупность его денежных и вещественных доходов, переоцениваемых в деньги, но так как в значительной мере увеличились денежные расходы, то, конечно, большего количества сбережений или капитальных накоплений в большинстве крестьянских хозяйств не заметно. Зато улучшения во внешней обстановке большинства дворов, как-то пища, одежде и жилище, бросаются в глаза каждому, кто только знаком с положением крестьян до 1861 года. Хлеб из лебеды и мякины, появившийся у крестьян нашей местности при крепостном праве во все неурожайные годы, исчез даже из воспоминаний народных, и никто не видал его после 1861 года; мясная и вообще животная пища стала появляться в большем количестве в крестьянском обиходе; в зажиточных хозяйствах вводится употребление чая, не говоря о потреблении табаку, принявшем обширные размеры. Одежда крестьян чрезвычайно улучшилась: сапоги, и при том весьма хорошего качества и очень дорогие, решительно вытеснили прежние дешевые лапти, белье стало чище, суконные армяки и овчинные тулупы в большинстве случаев несравненно менее ветхи, чем в прежнее время. О крестьянках и крестьянских детях и говорить нечего: одежда их улучшилась еще в большей мере: из самодельщины осталось только лучшее, вошли в огромном количестве во всеобщее потребление московские мануфактурные произведения: ситцы, платки и т.п., прежде вовсе для крестьян недоступные. Присутствие больших средств выражается также в поразительном увеличении чистоты в одежде женщин и детей против прежнего времени.

Что касается до жилищ и домашней утвари, то и в этом отношении улучшение в большинстве случаев весьма ощутительно. Достаточно сказать, что в волости выстроено с 1863 года 110 каменных дворов, на что затрачен крестьянскими хозяйствами капитал не менее как в 20000 рублей, не говоря о том, что построено

вновь и перестроено не менее 600 деревянных дворов, что стоило крестьянским хозяйствам волости еще от 40 до 50 т. руб. Хозяйственные постройки и рабочий инвентарь в большинстве хозяйств также значительно улучшились. Вообще говоря, если оценить поземельную и застроенную собственность всех дворов волости и вычесть из нее состоящие на ней долги в выкупные учреждения, то получится значительная сумма в 450000 руб., которая выражает собою чистый капитал всех домохозяйств волости. Что же касается до денежных сбережений и капиталов, то исчислить их и сравнить с прежними, разумеется, нет никакой возможности, но, несомненно то, что такие капиталы и сбережения находятся лишь в небольшом числе рук, и хотя представляются в большей цифре, чем до 1861 года, но находятся, по-видимому, и в меньшем количестве рук, чем прежде.

Переходя затем к вопросу об изменении в степени благосостояния отдельных домохозяйств, наблюдатель, хорошо знакомый с их положением при крепостном праве, может заключить, что, если с одной стороны явилась между крестьянами большая пропорция зажиточных и богатых дворов и последние возвысились до небывалого и неизвестного при крепостном праве уровня благосостояния, то пропорция дворов достаточных к недостаточным едва ли вообще увеличилась, пропорция же бедных дворов усилилась, и появились такие неимущие дворы, которых до 1861 года почти не существовало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мелкопоместные имения – до 21 ревизской души. В соответствии с «Положениями...» 19 февраля 1861 г. крестьяне таких имений могли быть сразу переведены в разряд государственных.
2. При рассмотрении таблицы необходимо иметь в виду: в Гремячской общине опечатка в первой цифре: в ней ревизских душ – 96; в момент наделения землей в Федоровской общине было у крестьян 934 дес. – дальнейшая история изложена в тексте; так и в Бабинской общине было изначально 104 дес.
3. При покупке крестьянами земли она распределялась «по деньгам» – в соответствии с внесенными деньгами; при покупке всем обществом – распределялась по ревизским душам.
4. Итоговые цифры по типам разной зажиточности дворов не совпадают с приведенными в тексте, кроме того автор оперирует общей цифрой в 830 дворов, не совпадающей с данными таблицы.
5. В таблице – 2,5 дес. на душу.
6. Т.е. принадлежащими одному помещику.
7. Десятина казенной меры: 30 саж. x 80 саж. = 2400 кв. саж.; в употреблении была и хозяйственная десятина: 40 саж. x 80 саж. = 3200 кв. саж.
8. Подсчет скота ведется «чередями» - за один черед (в разных местностях – в разных соотношениях) принимается корова или лошадь, или две овцы и т.д.
9. В таблице итог безлошадных с землей – 210, автор же постоянно оперирует цифрой 211.
10. Еще один пример «капиталистической эксплуатации наемного труда» бедными дворами общины.

УДК 908

**РОЛЬ ЛИПЕЦКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В ИЗУЧЕНИИ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ**

V.I. Данилов, Д.С. Климов

В данной статье дается анализ вклада членов Липецкого областного отделения Русского географического общества в изучение истории, природы и географии Центрального Черноземья.

Ключевые слова: Липецкого областное отделение Русского географического общества, Центральное Черноземье.

**THE ROLE OF THE LIPETSK DEPARTMENT OF THE RUSSIAN
GEOGRAPHICAL SOCIETY TO THE STUDY OF THE TERRITORY
OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION**

V.I. Danilov, D.S. Klimov

This article analyzes the contribution of the members of the Lipetsk Department of the Russian Geographical Society to the study of the history, nature and geography of the Central Black Earth Region.

Keywords: Lipetsk Department of the Russian Geographical Society, Central Black Earth Region.

История Липецкого областного отделения Русского географического общества (ЛОО РГО) насчитывает более полувека. В жизни отделения были разные периоды – заметные, когда активно проводились исследования, экспедиции, издавалась специальная литература, были и периоды «затишья» связанные с «безвременьем» начала 90-х годов. Тем не менее, в рядах отделения всегда были преданные географии люди, энтузиасты краеведческих исследований, активные популяризаторы географических знаний. Наиболее заметным периодом в истории Липецкого областного отделения Русского географического общества является период с 1965 по 1975 годы,

когда во главе отделения стоял Владимир Иванович Данилов – известный липецкий краевед, ученый-ботаник, человек, по инициативе и при непосредственном участии которого реализовывались многие проекты отделения. Материал этой статьи построен на воспоминаниях В.И. Данилова о членах Липецкого отделения Географического общества, которые он подготовил и передал в Совет ЛОО РГО за несколько лет до своей смерти. Конечно же материал этой статьи был бы неполным если бы в ней не нашлось место анализу научной и общественной деятельности самого Владимира Ивановича на посту председателя Отделения, потому, что во многом именно он

был инициатором и главным вдохновителем многих исследовательских и просветительских проектов реализованных ЛОО РГО (в то время Липецкий отдел Географического общества СССР).

Липецкий отдел Русского географического общества был создан в середине 1950-х годов. Однако до официальной его организации на территории области (в Липецке, Ельце и Лебедяни) проживало несколько членов Географического общества СССР, числившиеся в составе Московского филиала ГО СССР. Это были Жданов Владимир Матвеевич (Липецк), Руднев Федор Федорович, Новиков Павел Александрович (оба из Ельца), Черменский Петр Николаевич (Лебедянь). Они периодически приезжали в Москву со своими краеведческими докладами, которые читали в большой аудитории №7 или в актовом зале зоологического музея МГУ, где на первом этаже этого здания располагался Московский филиал Географического общества СССР. Сотрудники филиала всегда очень любезно принимали краеведов из Липецкой области. Ежемесячно Московский филиал ГО печатал программу докладов своих членов на разных секциях и комиссиях. Докладчикам нужно было лишь своевременно присылать название доклада, которое помещалось в печатную программу филиала на предстоящий месяц. Темы докла-

дов были самыми разнообразными: физико-географические, почвоведческие, экономические, исторические, фенологические, этнографические и др. У филиала было много разных секций, которые после состоявшихся выступлений формировали небольшие тематические сборники с кратким содержанием докладов. Редактирование текстов и печатание сборников осуществляли сотрудники филиала. При тогдашних трудностях в напечатании научных докладов в региональных отделах географического общества эта система очень привлекала краеведов-исследователей из разных областей.

Одним из первых липецких исследователей, начавших спустя длительное время готовить и публиковать работы, посвященные природе липецкого края был **Владимир Матвеевич Жданов**, который работал учителем географии в школе №5 г. Липецка.

Владимир Матвеевич Жданов родился 2 июня 1896 года в Липецке в семье учителя духовного училища. Окончил Липецкое реальное училище и 4 курса Московского института народного хозяйства им. Плеханова. Участник гражданской войны и Великой Отечественной войны. С 1918 по 1956 год работал учителем географии в школах №2 и №5 Липецка, преподавал экономическую географию в Липецком горно-металлургическом техникуме.

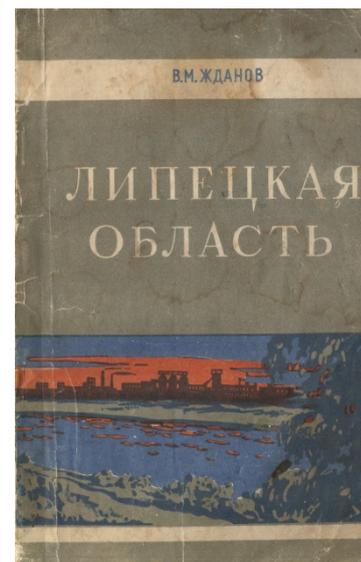
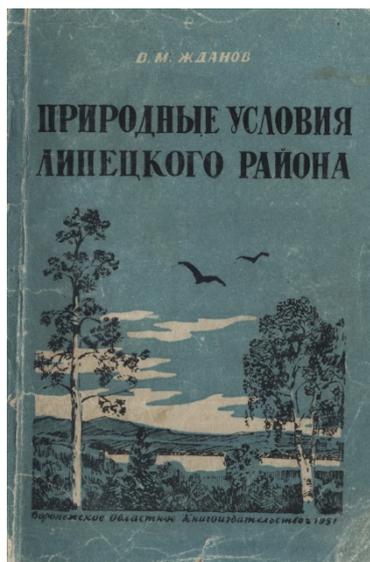
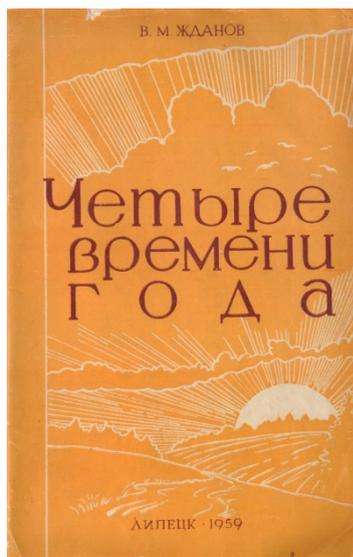
В.М. Жданов
(1920 г.)

В.М. Жданов
(1950-е годы)

В.М. Жданов сыграл большую роль в становлении краеведения Липецкой области. Большой знаток природы, прошедший с рюкзаком за плечами по Крайнему Северу, Кавказу, Крыму, Средней Азии, в том числе многими маршрутами географа и путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского. Им опубликовано 10 научных работ, в том числе такие известные в области книги, как «Природные условия Липецкого района» (1951), «Липецкая область (Географический очерк)» (1956), «Четыре времени года» (1959). Эти работы высоко оценены крупными отечественными учеными. Так, академик А.С. Барков писал о книге «Природные условия Липецкого района»: «Это не

простой сборник сведений о местном районе, а подлинно географическая работа, в которой элементы природы рассматриваются во взаимной связи и обусловленности». В.М. Жданова интересовали вопросы истории Липецкой области, которыми он занимался на протяжении почти 30 лет. Итогом этих исследований явилась книга «Из прошлого Липецкого края» (1959), написанная совместно с другим липецким ученым и краеведом, членом Липецкого отделения ГО СССР А.Ф. Мартыновым. Многие годы он собирал материалы о нашей земляке П.П. Семенове-Тян-Шанском, на основе которых им написан очерк.

Большое внимание В.М. Жданов уделял пропаганде географических и краеведческих знаний. Благодаря его усилиям в школах Липецка впервые в 30-е годы были организованы гидрометеорологические кружки. В 1948 году выходит в свет его работа «Краеведение на уроках географии». В сборниках Академии педагогических наук и журнале «География в школе» появляются его статьи «Элементы краеведения в 5 классе» (М., 1949), «Планирование уроков по теме «Рельеф Восточно-Европейской равнины» (Воро-

неж, 1949); «Уроки по теме «Формы поверхности суши» («География в школе», №5, 1954).

Он регулярно вел фенологические наблюдения в Липецке, и в городской газете «Липецкая коммуна» время от времени появлялись его небольшие статьи о прилете птиц, о разливе реки Воронеж, о зацветании деревьев и кустарников и о других явлениях природы.

Крупным историком земледелия, автором работ по истории сельского хозяйства Центрального Черноземья был **Иван Харитонович Бесков**.

И.Х. Бесков среди посевов эспарцета
в пойме Дона (Морозова Гора,
участок агробилстанции ВГУ, 1964)

Иван Харитонович Бесков родился в 1901 году в селе Петрово Калужского уезда. Здесь же окончил трехклассную церковно-приходскую школу. В 1914-1917 гг. И.Х. Бесков был учеником слесаря на заводе Густава Листа в городе Москве и принимал участие в революционном движении рабочих. В 1918 году ушел добровольцем в Красную армию и со Вторым Московским стрелковым полком участвовал в боях с белоказаками. У станции Островской был ранен в бою - получил штыковое ранение и пулей ему раздробило пальцы на правой руке, после чего они были ампутированы. После госпиталя И.Х. Бесков вернулся к себе на родину. В 1921 году он поехал на учебу в Москву, где поступил на Пречистенский рабфак. После его окончания учился в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Окончив ее, рабо-

тал агрономом и научным сотрудником в научно-исследовательском институте нечерноземной полосы в Немчиновке, а после Великой Отечественной войны – на Курской зональной сельскохозяйственной опытной станции. Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Затем переехал в Липецк. Здесь работал заведующим отделом земледелия и заместителем директора по научной части Липецкой сельскохозяйственной опытной станции. И.Х. Бесков автор более 100 научных трудов. Активно занимался вопросами мелиорации и разработкой передовых методов возделывания сахарной свеклы. Кроме того, И.Х. Бескова всегда интересовала история местного края. Им опубликовано множество популярных статей по краеведению в газетах и научных

сборниках Липецкой области. Особенно его привлекали вопросы истории земледелия и опыт лучших земледельческих экономик Центрального Черноземья. Он собрал материалы о Лебедянском обществе сельского хозяйства, об опытной земледелии в Бороно, Трубетчино, имении князя А.Д. Вяземского в Усманском уезде и в имении герцогов Ольденбургских в Рамони. Во многом благодаря работам Бескова небольшому оврагу Сурки с сохранившейся ковыльной растительностью был придан статус памятника природы. К сожалению, из собранных им материалов не все было опубликовано. Однако опыт мелиоратора и историка земледелия дал ему заслуженное право считаться самым серьезным авторитетом в этих вопросах в Липецком крае. Умер И.Х. Бесков 18 февраля 1991 года в городе Липецке.

Среди первых исследователей флоры Липецкой области свое достойное место занимает **Павел Александрович Новиков** - педагог, краевед, исследователь реликтовой флоры Среднерусской возвышенности. Именно он первым обнаружил на территории Липецкой области ряд реликтовых растений (включая костенец волосовидный).

Павел Александрович Новиков родился в городе Ельце 2 марта 1889 года в семье протодьякона Вознесенского собора Александра Павловича Новикова, который служил на этой должности 30 лет (1887-1917 гг). Павел Александрович окончил духовную семинарию в городе Орле, но решил продолжить свое образование дальше. Он уехал в Привислянский край, где с семинарским образованием можно было поступить в Варшавский

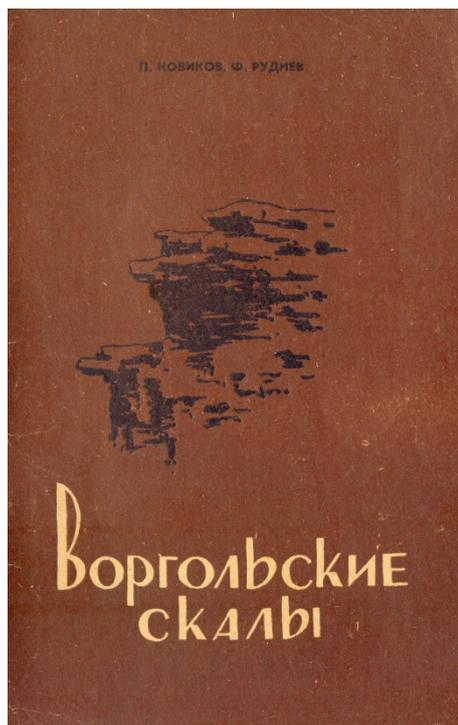
университет, так как многие молодые поляки игнорировали императорские высшие учебные заведения тогдашней России, обучаясь в университетах западных стран. Павел Александрович поступил на естественное отделение физико-математического факультета Варшавского университета и окончил его с дипломом I степени в 1914 году. Вернувшись в Елец, он преподавал естественные дисциплины в средних учебных заведениях города. Помимо преподавательской деятельности Павел Александрович увлеченно занимался изучением природы и истории местного края. В 1925 году стараниями профессора В.Н. Хитрово был организован заповедник «Галичья гора». В.Н. Хитрово и его ученики стали исследовать флору каменистых обнажений на Дону, Быстрой Сосне и их притоках. Они обнаружили, что реликтовые растения встречаются не только на Галичьей горе, но и в других местах бассейна Верхнего Дона. Воронежский ученый профессор Б.М. Козополанский писал в 1931 году в своей книге «В стране живых ископаемых»: «Бассейн Быстрой Сосны еще совершенно не исследован в флористическом отношении... но именно здесь можно ожидать открытия интереснейших вещей, способных пролить свет на историю растительного покрова Восточной Европы в целом». П.А. Новиков решил детально исследовать флору долины Воргола и Ельчика. Вместе с воронежским ботаником А.Р. Мешковым он прошел долину Воргола от её верховий до села Казаки. Они отметили на этом маршруте ряд редких растений. Затем П.А. Новиков уже самостоятельно исследовал

флору Воргола в окрестностях деревень Дерновка и Рябинки. 5 августа 1939 года в карстовой щели урочища «Воронов Камень» он обнаружил редчайший горный папоротник костенец волосовидный, который до этого был известен на территории Европейской равнины России только в Жигулях. Находка этого растения горных вершин Урала, Кавказа и Крыма в очередной раз подчеркнуло уникальность реликтовой флоры Среднерусской возвышенности. Публикация об этой находке была сделана П.А. Новиковым только в 1949 году в «Бюллетене есте-

ствоиспытателей при Воронежском университете». П.А. Новиков также исследовал флору долины реки Ельчик и там обнаружил ряд реликтовых растений. Будучи членом Липецкого отделения Географического общества СССР П.А. Новиков активно интересовался проблемой географии реликтов и в своих природоведческих публикациях в Елецких газетах пропагандировал идеи охраны уникальной природы. В соавторстве с Ф.Ф. Рудневым П.А. Новиков подготовил и издал книгу «Воргольские скалы» (Липецк, 1962 г).

П.А. Новиков (фото из книги В.И. Данилова «Галичья гора», 1975 г.)

Ряд членов Липецкого отделения РГО (в то время ГО СССР) внесли значительный вклад в изучении истории липецкого края. Среди них наиболее значимы имена Ф.Ф. Руднева и П.Н. Черменского.

Руднев Федор Федорович - педагог, краевед, историк, специалист по литературному краеведению автор работ

по истории и географии Липецкого края.

Ф.Ф. Руднев родился 2 июля (15 июля по новому стилю) 1892 года в селе Никольское Елецкого уезда Орловской губернии (нынешнего Краснинского района Липецкой области) в семье сельского дьякона Фёдора Капитоновича и его жены Анастасии Васи-

льевны. Детство и юность Федора Руднева прошли в тесном общении с природой нашего края. Сёла Никольское, Орёво, Воскресенское запечатлелись в душе мальчика навсегда. До 15 лет Фёдор жил и учился в Орёво. С этим селом, храмом у него особая связь. Здесь были похоронены его мать и отец. С 1906 года Ф.Ф. Руднев обучается в Орловском реальном училище. В этом среднем учебном заведении он углубленно изучал математику и естественные науки. После окончания училища Ф.Ф. Руднев продолжил своё образование в Петербургском политехниче-

ском институте имени Петра Великого на экономическом отделении, куда поступил в 1912 году. Учился он блестяще, занимался также общественной деятельностью. С интересом слушал его рассказы об орловском землячестве тогдашних студентов, об экзаменах и профессорах П.Б. Струве, Н.И. Карееве, М.И. Туган-Барановском и др. Показал он мне и одну фотографию студенческих лет, где он снят в группе студенческих старост, среди которых был совсем молодой будущий академик Д.В. Скобельцын.

Ф.Ф. Руднев – студент
Петербургского
политехнического института
имени Петра Великого

Ф.Ф. Руднев (1962 г.)

Закончить университет он не успел, помешала Первая мировая война. С третьего курса он добровольно ушёл в армию. В городе Вольске проходил военную подготовку в запасном батальоне. В 1915 году начал службу прапорщиком в 225 Аккерманском полку на Юго-западном фронте. Принимал

участие в боевых действиях. Был полуротным, потом возглавил полковой отряд разведчиков или как его тогда называли «охотничью команду». В ней он пользовался абсолютным и непрекаемым авторитетом, так как проявил себя, как знающий, надёжный и смелый офицер. При этом в свою ко-

манду он отбирал самых неуправляемых солдат, от которых с удовольствием отказывались все командиры рот. Отмечен несколькими наградами, в том и числе, орденом Владимира III степени с мечами и бантом. В 1917 году в звании поручика командовал батальоном. Был ранен в грудь навылет и в колено разрывной пулей от чего до конца жизни вынужден был ходить опираясь на палку. Лечился в госпитале города Омска. Здесь он встретил известие об Октябрьской революции, активного участия в которой не принимал. Во время гражданской войны был мобилизован в Белую армию. Некоторое время служил в штабе адмирала Колчака канцеляристом. В 1918 году продолжил своё образование в Омском политехническом институте. Через два года перевёлся в Иркутский университет, после окончания которого, в 1923 году, несколько месяцев работал на различных должностях в советских учреждениях. В этом же году Ф.Ф. Руднев возвратился в город Орёл. Начинается его многолетняя преподавательская деятельность. Сначала в педтехникуме, а с 1925 года в 7-й средней школе города Орла. В эти годы он активно сотрудничает с известным орловским учёным профессором В.Н. Хитрово. В свободное время путешествовал по территории Орловской губернии, собирал геологические коллекции, народные сказания, местный фольклор. Участвовал в экспедициях профессора В.Н. Хитрово по Десне и Оке. Поддерживает связь с краеведами города Ельца, Воронежа, Липецка, Задонска. Активная работа продолжалась до февраля 1931 года, когда начались аресты кра-

еведов. 2 февраля 1931 года Ф.Ф. Руднев был арестован по обвинению в участии в «Воронежской областной монархической контрреволюционной организации «Краеведы». Вспомнили о его социальном происхождении и то, что некоторое время служил в Белой армии. Он получил 10 лет ссылки. Отбывал ссылку в городе Ухта Коми АССР. Добиваясь отмены приговора, он писал в 1956 году: «Я оговорил себя потому, что следователь, давя на меня, угрожал расстрелом моей семьи». В.И. Данилов вспоминал, что как невероятной болью в голосе Руднев рассказывал ему, как осужденных пригнали зимой под конвоем в лес, где не было никаких построек, и заставили валить деревья и строить бараки. В числе товарищей по несчастью было много ученых и крупных специалистов в разных областях знаний, в числе которых А.А. Аносов - специалист по геологии нефти и газа, В.Н. Бенешевич – видный ученый-византолог, археограф, историк церковного права, там же трудились несколько профессоров генерального штаба, профессора духовных академий и т.д. Неприспособленные к тяжелому физическому труду многие из них быстро гибли. Ф.Ф.Руднев выжил потому, что был еще молод и имел крепкое здоровье. Но, и оказавшись в новых условиях, Фёдор Фёдорович не терял интереса к жизни. Трудился, работал над собой, преподавал географию в Ухтинской средней школе НКВД, участвовал в геологических экспедициях. В 1935 году окончил Высшие геологические курсы при управлении Ухтпечлага НКВД. Был техником-геологом. А затем геологом 2-го нефтепромысла

Геологического бюро. По истечении срока наказания с февраля 1941 года по март 1943 года преподавал географию и геологию в Курсовой сети подготовки кадров Ухтсельстроя. Весной 1943 года, вернувшись в родные места, Фёдор Фёдорович начал работать преподавателем географии в педучилище города Ельца. По-прежнему занимался краеведческой работой и был прекрасным педагогом. Его сразу же привлекли для чтения лекций в институте усовершенствования учителей в городе Липецке. Жил он со своей больной женой, за которой требовался постоянный уход, в маленькой комнате в Ельце. Как почасовик Ф.Ф. Руднев читал курс литературного краеведения в Елецком пединституте, где за эту работу платили гроши, выступал с интересными лекциями и статьями в местных газетах. Ф.Ф. Руднев был разносторонне образованным человеком, он хорошо знал русскую поэзию, особенно период «Серебряного века» и с увлечением ее иногда цитировал. Помню несколько его докладов в Ельце о И.А. Бунине, елецких Лермонтовых, которые проходили в здании пединститута. Лекции о Бунине сопровождались великолепным чтением его стихотворений из белого томика стихов, который сохранился в Ельце, взятый кем-то из библиотеки родственников поэта и писателя из Озёрок. Доцент кафедры историко-культурного наследия Елецкого университета Софья Васильевна Краснова так говорила о литературно-краеведческой работе Ф.Ф. Руднева: «В шестидесятых годах 20 века в каждой республике занимались изучением И.А. Бунина. И для того, чтобы пригласить коллег, мы сами

должны были серьёзно начать краеведческую работу. Во главе её встал учитель вечерней школы, действительный член Географического общества СССР Фёдор Фёдорович Руднев, который зажёг идеей молодых энтузиастов. Я счастлива, что оказалась в их числе». Выездная экскурсия по бунинским местам сразу принесла замечательный краеведческий материал. Уже в середине 60-х годов 20 века в журнале «Подъём» вышла первая публикация Фёдора Фёдоровича, которая вызвала большой интерес у буниноведов. Своей краеведческой работой он способствовал признанию памяти выдающего литератора, тому, чтобы Иван Алексеевич Бунин занял достойное место в нашей литературе. Он исследовал также пребывание в наших краях Михаила Юрьевича Лермонтова, Михаила Михайловича Пришвина, изучал историю города Ельца, его архитектурные памятники. Человек увлечённый, он путешествовал по живописным уголкам Липецкого края. О своих литературных, архитектурных, природных находках и интересных открытиях Фёдор Фёдорович сообщал в статьях в журналах «Подъём», в газетах «Красное знамя», «Ленинский путь» («В краю родном»), «Ленинское знамя» (Липецкая газета), «Ленинец. Фёдор Фёдорович был знатоком и любителем природы, её защитником и неутомимым путешественником, исследователем красоты русского архитектурного искусства, почитателем и поклонником творчества Бунина. В настоящее время в городе Ельце есть музей И.А. Бунина, три памятника нашему земляку. Университет но-

сит имя. Ивана Алексеевича Бунина. В этом есть и заслуга Руднева Ф.Ф.

Он много и активно занимается изучением заповедных уголков нашего края: урочища Воргольского, горного ущелья реки Ельчик у Ростовцевой дачи, Ходова леса, Шатиловского парка, долины реки Воронеж. Фёдор Фёдорович плодотворно трудился по линии Географического общества, регулярно проводил научные заседания, вёл исследовательскую и краеведческую работу, выступал с докладами о своих изысканиях, планах, задумках. Вместе с краеведом и ботаником Павлом Александровичем Новиковым Фёдор Фёдорович вёл наблюдение в районе Воргольских скал. Это замечательное место привлекало внимание многих учёных. О нём говорили как о самобытном памятнике природы, оставленном людям для изучения неразгаданных тайн Земли. О том, что выяснилось в ходе многолетней кропотливой работы, они рассказали в небольшой книге «Воргольские скалы». (Липецкое книжное издательство, 1962 год). В 1969 году Ф.Ф. Руднев был награжден значком «За охрану природы России». В июле 1978 года Воронежский областной суд отменил приговор комиссии ОГПУ по «делу краеведов» и Ф.Ф. Руднев был полностью реабилитирован.

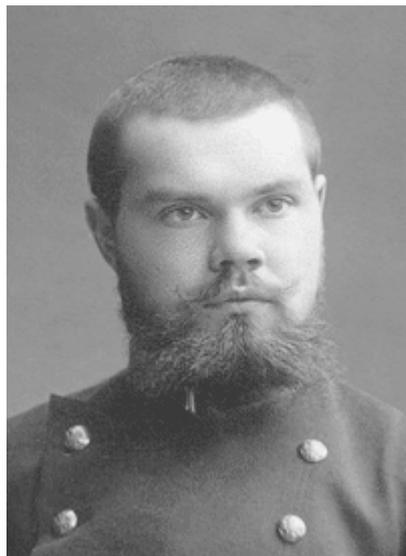
Похоронив жену, он вскоре сам сильно сдал и умер на девяностом году жизни 24 апреля 1982 года. Похоронен он в городе Ельце на городском кладбище.

Черменский Петр Николаевич - историк, краевед, автор работ по истории Центрального Черноземья.

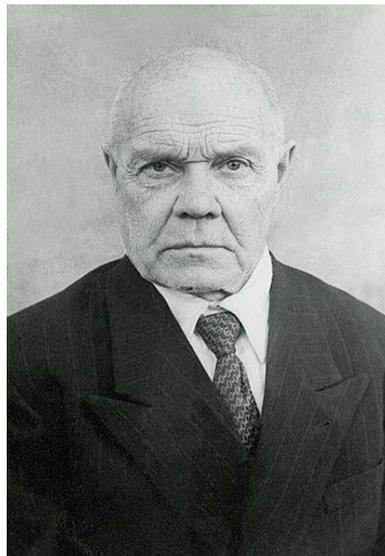
Петр Николаевич Черменский родился в потомственной священнической семье (был сыном псаломщика) 1/14 октября 1884 г. в селе Чермные Темниковского уезда Тамбовской губернии. Среднее образование получил, закончив Шацкое духовное училище, а затем поступил в Тамбовскую духовную семинарию. Однако ее он не закончил, так как возникший в январе 1902 г. в стенах семинарии бунт создал условия, не способствующие занятиям. Это, как вспоминал Черменский, привело к «принятию решения избрать светскую карьеру».

Оставив семинарию, Петр Николаевич поступил в 7-ой класс Борисоглебской гимназии, которую окончил в 1905 г. с золотой медалью. Затем, в 1909 г., он закончил историческое отделение Петербургского историко-филологического института.

Оставив семинарию, Петр Николаевич поступил в 7-ой класс Борисоглебской гимназии, которую окончил в 1905 г. с золотой медалью. Затем, в 1909 г., он закончил историческое отделение Петербургского историко-филологического института.

П.Н. Черменский (1910 г)

П.Н. Черменский (1960 г)

Службу П.Н. Черменский начал преподавателем истории и латинского языка в гимназии при этом институте. Одновременно стал вольнослушателем Петербургского университета, где посещал лекции академиков А.Н. Лаппо-Данилевского и археолога А.Л. Спицына. Еще будучи студентом, Петр Николаевич определил тематику своей будущей научной работы – изучение истории родного Тамбовского края. Первая его научная работа «Очерки по истории колонизации Тамбовского края» была опубликована в 1911 г. в 54 выпуске «Известиях Тамбовской ученой архивной комиссии». В работе ТУАК Черменский принимал самое активное участие многие годы и оставил заметный след в ее деятельности.

Материалы для своих работ П.Н. Черменский собирал по городам и селениям Тамбовского края, в которых он знакомился с историей и бытом населения. Еще во время революционных событий 1905 г., когда занятия в институте были прерваны, он с ноября по январь 1906 г. жил в Лебедяни у своего старшего брата Андрея Никола-

евича, священника храма Преображения Господня и смотрителя церковно-приходских школ Лебедянского уезда. Город Лебедянь и его окрестности, Троицкий монастырь, встречи с Ольгой Ивановной Севериновой (впоследствии ставшей его женой) произвели на Петра Николаевича неизгладимое впечатление.

В 1913 г. был опубликован второй его научный труд – «Город Лебедянь и его уезд в XVII веке», написанный на основе архивных материалов Московского архива Министерства юстиции. Этому предшествовало посещение Германии в 1909 и 1913 гг., где Черменский изучал немецкий язык, слушал лекции по всеобщей истории в Берлинском и Макдбургском университетах, готовился к сдаче экзамена на степень магистра наук, который успешно сдал в 1916 г. Молодого ученого оставили при историко-филологическом институте для подготовке к профессуре по кафедре Русской истории. П.Н. Черменского ждала большая наука. Однако события 1917 г. круто изменили всю его даль-

нейшую жизнь. В 1919 г. Петр Николаевич был вынужден переехать в Лебедянь, где устроился на работу заведующим музейной секцией в отделе народного образования. На основе коллекции Т.В. Хозикова он организовал и возглавил Народный музей. Однако уже в следующем году ему предлагают должность научного сотрудника Тамбовского губернского архива, а вскоре он был назначен заведующим историко-археологическим отделом Тамбовского губернского музея. 18 июля 1920 г. П.Н. Черменский был избран ученым секретарем Тамбовского общества истории, археологии и этнографии, а через год стал заведующим

Тамбовским губернским музеем. Всего себя он отдает изучению родного края, преодолев за эти годы сотни километров по территориям нынешних Тамбовской, Липецкой, Воронежской и Рязанской областей, встречаясь с интересными людьми, изучая архивы, проводя раскопки. В этот период им были написаны «Хроника революционных событий в Тамбовской губернии» (1925 г.), «Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии» (1925 г.), «От крепостного права к октябрю в Тамбовской губернии» (1928 г.). В 1920-23 гг. в Тамбовском пединституте преподавал историю.

1613—1913.

ГОРОДЪ ЛЕБЕДЯНЬ И ЕГО УЪЗДЪ

въ XVII в.

(къ ТРЕХСОТЛѢТІЮ г. ЛЕБЕДЯНИ)

Съ то рисунками въ текстѣ.

Л. Черменскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографъ В. В. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.
1913.

В 1928 г., после образования Центрально-черноземной области, Петра Николаевича приглашают на должность руководителя отдела изучения производительных сил ЦЧО при облплане. В 1930 г. он организовал и провел съезд научных работников, занимающихся этими вопросами в области, опубликовал ряд статей в журнале «Плановое хозяйство ЦЧО». Но 5 фев-

раля 1931 г. произошло совершенно неожиданное – Черменский был арестован по сфальсифицированному «делу краеведов». Ему было предъявлено обвинение в работе тайной организации, которая ставила задачу направить деятельность областного бюро краеведения в антисоветскую сторону с тем, чтобы «краеведческая работа не могла быть использована

для социалистического строительства». Черменского осудили по 58-й статье, приговорив к 10 годам ссылки. Заключение он начал отбывать в Соловецком лагере (СЛОН), в Карелии. Затем числился экономистом колонизационного отдела Беломорско-Балтийского комбината в г. Медвежьегорске. За «примерное поведение» в 1939 году Черменский был досрочно (за 2 года до истечения срока) освобождён из Беломоро-Балтийского лагеря НКВД и вернулся в Лебедянь. Уже на закате своей жизни Петр Николаевич вспоминал: «Так до сих пор не знаю, за что десять лет вцепили. Подчистую все 30-е годы вычеркнуты из моей жизни. За что – убей не знаю..., а это, пожалуй, самое тяжелое для честного человека... Хотя блаженны гонимые за правду». Отбывая срок в Карелии, ученый и там умудрялся изучать историю и археологию местного края и печатать свои статьи в журнале «Перековка».

5 февраля 1939 г. последовало долгожданное освобождение и возвращение в Лебедянь. Черменский преподавал немецкий язык в местном педучилище, но ощущение тесноты районного центра заставила его в 1940 г. переехать в Курск, где вначале он преподавал язык в школе для взрослых. Затем была война, оккупация и освобождение Курска. 9 февраля 1943 г. Черменского назначают директором Курского областного краеведческого музея, а с возобновлением работы института он получает должность старшего преподавателя истории древнего мира. И в Курске ученый продолжал заниматься своим любимым делом – изучением истории края и проведени-

ем раскопок, знакомя с полученными результатами студентов и бойцов, находящихся на излечении в госпиталях. Пережитое давало о себе знать – Петра Николаевича начинают мучить болезни. Попытка сменить климат приводит его в Ставрополь, где он опять занимается педагогической деятельностью в институте усовершенствования учителей.

В 1950 г., уже навсегда, П.Н. Черменский возвращается в ставшую для него родной, Лебедянь. Шесть лет он работал преподавателем немецкого языка в педучилище, а после выхода на пенсию – в зоотехникуме. Все эти годы он продолжал краеведческую работу, уделяя при этом много внимания топонимике, публикуя свои исследования в научных журналах.

В 1956 г. Географическое общество СССР избрало Черменского своим действительным членом. В 1961 г. вышла его работа «Из прошлого Тамбовского края». Петр Николаевич подготовил пособие для учителей школ «История Лебедяни» на 103 машинописных листах, часть которой вошла в брошюру «Лебедянь» (1962 г.), написанную в соавторстве с Волынчиковым и Никитиной. Многие из того, что не вошло в эту работу, появилось в виде статей на страницах газеты «Путь Октября». Благодаря этим публикациям в 1960-х годах в обществе возник большой интерес к краеведению. Черменский получал десятки писем от школьников с разными вопросами, на которые всегда отвечал.

Он вел активную переписку с краеведами области – Б.П. Княжинским из Усмани, В.Л. Лукиным из Данкова и другими. Его работы знали и желали

получить даже те наши соотечественники, кто волею судеб оказался за рубежом. Петр Николаевич Черменский способствовал «второму рождению» Лебедянского краеведческого музея. Его усилиями была создана инициативная группа, выделено помещение для сбора и хранения экспонатов будущего музея. Не прекращал он работу и по истории Лебедяни. Им была написана книга «Лебедянь. Исторический очерк», но попытки издать ее в то время не увенчались успехом, а после смерти ученого рукопись затерялась. Однако совсем недавно удалось отыскать черновик последней работы Черменского с авторскими правками, последняя запись в которой сделана в

июле 1972 г. Ученый работал над этой рукописью почти до самой кончины, последовавшей 10 сентября 1973 г. Похоронен на Преображенском кладбище Лебедяни.

Данилов Владимир Иванович - биолог, краевед, председатель Липецкого отдела ГО СССР (1965-1975 гг), автор работ по степной растительности, фенологии, краеведению и т.д.

В.И. Данилов родился в Липецке 8 ноября 1935 года в семье школьного учителя, 5-й класс окончил в школе № 5. Затем учился в Липецком ремесленном училище металлистов №14. 8,9 и 10 класс проходил в школе №2 г. Липецка.

В.И. Данилов – студент ВГУ (1958 г)

В.И. Данилов с книгой «Куликово поле и Донское побоище 1380 года», одним из авторов которой является

В.И. Данилов вспоминал, что ему всегда очень нравилась природа. На школьный участок он приносил из леса разные красиво цветущие растения и старался их там разводить. В старших

классах средней школы, по примеру В.М. Жданова, стал вести фенологические наблюдения. После окончания школы, уехал в Воронеж, где через 5 лет получил высшее образование на

биолого-почвенном факультете Воронежского госуниверситета и стал работать научным сотрудником на агробиологической станции «Галичья гора» ВГУ. Тогда же близко познакомился с липецкими краеведами.

В 1951 году в стране были ликвидированы три четверти всех государственных заповедников, в том числе и заповедник на Галичьей горе. Но сотрудникам агробиостанции очень хотелось восстановить заповедный режим на своей территории. В 1960 году был опубликован «Закон по охране природы в РСФСР», который призвал восстановить ликвидированные заповедники. В.И. Данилову с профессором С. В. Голицыным тогда пришлось активно включиться в работу по поддержке этой идеи, тем более, что необходимо было восстановить заповедник, присоединив к нему ценные природные объекты на Плющани, Быковой Шее, Ворголе. А это требовало согласия организаций, которым принадлежали эти земельные территории. Работа эта была долгой, согласие на передачу земель удалось получить не от всех землепользователей и такой заповедник удалось создать только в 1969 году.

Будучи в 1965–1975 годах председателем Липецкого отделения географического общества СССР В.И. Данилову

удалось организовать издание в 1972 г. «Атласа Липецкой области», в котором он был ответственным редактором и автором ряда карт. В.И. Данилов являлся соавтором и редактором первого выпуска сборника «Природа Липецкой области и её охрана» (1970), автором ряда исследований по краеведческой тематике в книге «Путешествие по Липецкой области» («Род Пушкиных в Липецком крае», «Пальна-Михайловка и Стаховичи» и др.). На основе собственных обширных фенологических наблюдений был составлен и опубликован первый «Календарь природы г. Липецка» (150 феноявлений). Более 60 статей в научных сборниках и журналах опубликовано В.И. Даниловым по степной растительности известнякового севера Среднерусской возвышенности (Липецкая, Тульская, Орловская и Московская области), освещающих распространение, состав, структуру, динамику и восстановление степной растительности этой территории. Всего опубликовал 180 научных трудов, в том числе книги: «Галичья гора» (1975), «Учёный Хитрово» (1985), «Сергей Владимирович Голицын» (1988). В 1983 году в МГУ защитил кандидатскую диссертацию на степень кандидата биологических наук по степной растительности Среднерусской возвышенности.

Президент Российской Федерации Д.И. Медведев награждает В.И. Данилова почетным знаком «Лауреат Государственной премии РФ»

С 1997 года работал в государственном музее-заповеднике «Куликово поле», занимаясь восстановлением ландшафта, соответствующего времени Куликовской битвы. В 2008 году вместе с коллегами – руководителями музея-заповедника В. Гриценко и А. Наумовым получил Государственную премию Российской Федерации.

В.И. Данилов скончался в апреле 2013 года.

Таким образом, можно сказать, что члены Липецкого отделения РГО внесли заметный вклад в изучение территории не только Липецкой области, но и Центрального Черноземья. При этом отметим, что научное наследие членов ЛОО РГО 60-80-х годов XX века во многом еще недостаточно изучено. Так, ждут будущих исследователей архивные материалы В.И. Данилова, в конце жизни переданные им в Государственный архив Липецкой области.

Список литературы

1. Козо-Полянский Б.М. В стране живых ископаемых. Очерк из истории горных боров на степной равнине ЦЧО. – ГУПИ, 1931. – 184 с.

References

1. Kozo-Polyanskij B.M. V strane zhivyh iskopaemyh. Ocherk iz istorii gornyh borov na stepnoj ravnine CCHO. – GUPI, 1931. – 184 s.

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 930.2

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЮШКОВ – ЛЕТОПИСЕЦ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

В.А. Волков

Статья посвящена интерпретации революционных событий 1917 года в оценке одного из современников, историка-археографа А.И. Юшкова, ставшего очевидцем происходивших потрясений, работая в Московской Казенной палате. Анализ дневниковых записей ученого, которые хранятся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, позволяет проследить динамику отношения Юшкова к общественно-политическим переменам в марте – ноябре 1917 года, которое от восторженного постепенно переходило к испуганно-пессимистическому. Записи также содержат уникальные сведения о людях той эпохи, общественных настроениях Москвы.

Ключевые слова: Февральская революция, Октябрьская революция, А.И. Юшков, В.О. Ключевский, археография, историк, дневники.

ALEXANDER YUSHKOV – THE CHRONICLER OF THE EVENTS OF 1917

V.A. Volkov

The article is devoted to the interpretation of the revolutionary events of 1917 as interpreted by one of the contemporaries, of the historian, of the archaeographer I. A. Yushkov, who witnessed the events of upheaval, working in the Moscow state chamber. The analysis of journal entries of the scientist, which are stored in his personal Fund in the Department of manuscripts of Russian state library, allows to trace the dynamics of the relationship of Yushkov to socio-political changes in March and November 1917, which changed gradually from enthusiastic to scared and pessimistic. The records also contain unique information about the people of that era and the public mood in Moscow.

Key words: February revolution, October revolution, A. I. Yushkov, V.O. Klyuchevsky, archaeology, historian, diaries.

Автор исследованных дневниковых записей о революционных событиях в Москве Александр Иванович Юшков (1866–1932) – известный историк-археограф, ученик, а потом и друг В.О. Ключевского и его сына Бориса

Васильевича. Известен он и как библиофил, переводчик, литератор, поэт.

Его отцом был Иван Николаевич Юшков (1833–1877) – выпускник Тобольской семинарии, прославился как статистик и этнограф, редактор «Тобольских губернских ведомостей», сек-

ретарь Тобольского губернского статистического комитета. Именно он в апреле 1870 г. стал основателем первого в Сибири краеведческого музея (музей существует и сейчас под названием Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник), передав в его фонды, собранные им коллекции и личные документы (в том числе фотоматериалы), насчитывавшие 350 экспонатов. Любовь и интерес к истории Иван Юшков сумел передать сыновьям Александру и Пантелеймону. Окончив в 1883 г. Тобольскую гимназию, Александр, старший из сыновей Ивана Николаевича, отправился в Москву и продолжил свое образование в Московском университете. Поступив на историко-филологический факультет, он с особым интересом слушал там лекции маститого профессора Василия Осиповича Ключевского. Не просто слушал, но и фиксировал каждую его мысль, каждое его слово. Именно его конспекты будут воспроизведены в литографированном виде при издании книги «История сословий в России: Лекции орд. проф. В.О. Ключевского, [чит. в Моск. ун-те] I сем. 1886/7». ([Москва, 1887]. 196 с.). К счастью для Александра, великий историк заметил старательного и даровитого юношу и заступился за него после исключения из университета в декабре 1887 г. «за революционный образ мысли». Произошло это во время беспорядков, связанных с так называемой «Брызгаловской историей»¹. Благодаря заступничеству

учителя Александр Иванович не был исключен и выслан, как предлагал попечитель Московского учебного округа граф П.А. Капнист, в Харьков. По ходатайству Ключевского его восстановили в числе студентов, и он смог получить высшее образование. Однако неприязненное отношение к монархии (как видно из его дневников) А.И. Юшков не утратил и впоследствии. Открыто, впрочем, своей оппозиционности режиму он больше не демонстрировал.

В дальнейшем А.И. Юшков служил в Московском архиве Министерства финансов, преподавал историю в московских гимназиях, стал членом Общества истории и древностей российских при Московском университете. В 1895 г. Александр Иванович получил назначение на должность податного инспектора Бронницкого уезда Московской губернии. Он растет в чинах, получает награды: орден Св. Станислава 3-й степени (1897 г.), орден Св. Анны 3-й степени (1903 г.), участвует в торжествах по случаю 300-летия Дома Романовых, широко отмечавшегося в 1913 г.

В то же время он продолжает работать над изучением русского средневековья. Не утраченную по сей день научную известность ему принесли опубликованные в 1898 г. «Акты XIII–XVII веков, представленные в Разряд-

такой отчаянный поступок? Очевидцы говорили, что он подошел к Брызгалову не совсем твердой поступью, даже слегка пошатываясь как пьяный, и, нанося удар, чуть было не споткнулся» (Щетинин Б.А. Первые шаги (Из недавнего прошлого) // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 544). Как выяснилось, Снявский ударил ненавидимого студента инспектора, по жребью, рукой, смазанной сажей. После задержания Снявского, осужденного затем на 3 года службы в дисциплинарном батальоне, в Московском университете начались беспорядки. Студенты требовали освобождения Снявского и увольнения Брызгалова. Произошедшее получило название «Брызгаловской истории» или «Брызгаловщины».

¹ Инспектор Московского университета А.А. Брызгалов 22 ноября 1887 г. в зале Московского дворянского собрания во время концерта был опозорен студентом 3-го курса юридического факультета А.Л. Снявским. Как описывал его Б.А. Щетинин, он «выглядел тихоньким, скромным юношей, необщительным и даже несколько застенчивым. Невольно рождался вопрос: как он мог решиться на

ный Приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества» (ч. 1, 1257–1613 гг.). Сборник был выпущен Императорским Обществом истории и древностей российских в 1898 г. И в наши дни ни один из исследователей, изучающих отечественную историю XIII–XVII вв., не может обойти эту выдающуюся публикацию исторических документов.

После смерти своего учителя и кумира В.О. Ключевского Александр Иванович взял на себя труд по переизданию и редактированию изданной прежде, во времена студенчества, его же записей литографированных лекций великого ученого под тем же названием «История сословий в России». Книга вышла сначала в 1913 г. в типографии Московского городского Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых. Это издание предваряла вступительная статья, написанная А.И. Юшковым. В 1914 г. «Историю со-

словий» с этой же статьей Александра Ивановича напечатал в своей типографии известный предприниматель Павел Павлович Рябушинский. Сохраненные благодаря Юшкову лекции Ключевского переиздавались и впоследствии также с его ставшим каноническим предисловием. В последний раз «История сословий» была опубликована петербургским издательством Альфарет в 2016 г.

В предреволюционное время Александр Иванович жил и работал в Москве. В чине статского советника он служил в Московской Казенной палате. Стал начальником ее II отделения, проживая на Пречистенском бульваре (с 1924 г. – Гоголевском бульваре) в доме № 17. В этой должности Александр Иванович Юшков и встретил Февральскую, а потом и Октябрьскую революцию 1917 г.

А.И. Юшков в своем служебном кабинете

К счастью, сохранились дневниковые записи А.И. Юшкова. В них приведены наблюдения за происходившими событиями, очевидцами которых он был. Но особый интерес представляют его наблюдения в поворотный для нашей страны 1917 год. Причем они сопровождаются оценками и комментариями, заметно сменившимися с марта по ноябрь 1917 г. Первоначально его записи были исключительно восторженными, особенно после получения 1 марта сообщения, «что царь уже низложен и что власть в руках революционеров» и «в Москве всюду появились красные флаги и арестовывают полицию». Александр Иванович принял эти новости с восхищением. Некоторые его наблюдения жизненны и интересны. Приведем в качестве примера следующие его записи, относящиеся к февралю-апрелю 1917 года.

«27 февр[аля] 1917 г., понед[ельник]. <...> В Пб.² творится что-то странное; там не выходят газеты.

28 февр[аля] 1917 г., вт[орник]. <...> В Пб. началось военное восстание³ против правительства и, по-видимому, успешное. Газета утром не получена; около 12 ч[асов] детей распустили из учебных заведений. После обеда ходил на Воскресенск[ую] и Красную площади; народ [собирался] кучками, читают революционные бюллетени. Огромнейшая толпа осаждаст подъезд Городской думы, где проходит какое-то заседание...

² С 1914 г. Санкт-Петербург официально именовался Петроградом. Невзирая на это, А.И. Юшков упорно называет столицу Российской империи по-старому Петербургом, в данном случае, сокращенно – Пб.

³ Исправлено нами. Ведя свои дневниковые записи, А.И. Юшков использует устаревшую форму слова – восстание.

1 марта 1917 г. ср[еда]. Газеты не вышли <...> [На службе] довольно смелые разговоры о волнениях в Петербурге, получающей (так в тексте. – В.В.) характер революции... Получены известия, что царь уже низложен и что власть в руках революционеров. В Москве всюду появились красные флаги и арестовывают полицию. Слышно, что войска всюду передаются на сторону народа. Трамваи не ходят. По слухам, взяли арсенал и манеж. После обеда с В[арварой]⁴ пошли по Воздвиженке, встретили Стефановского⁵; на углу читали бюллетень революции, где говорится об успешном восстании против царя войск и о предстоящем низвержении последнего... Были у Арбат[ских] вор[от], где барышни читают народу вслух “бюллетени революции”; полиции нет, но и беспорядков никаких нет, хотя толпы народа огромные. Потом прошли на площадь против Манежа, где студенч[еская] столовая; там масса автомобилей, на них солдаты со студентами. У всех деловой, сосредоточенный вид; в петлицах красные бантики, на штыках – красные флажки. Вот когда наша-то взяла! Опять слухи, что все московские войска беспрекословно перешли на сторону народа. Передают, что и ком[андующий] войск[ами] Мрозовский⁶, и градонач[альник] Шебеко⁷,

⁴ В[арвара] – жена автора Варвара Васильевна Юшкова, урожденная Орлова.

⁵ Стефановский Иван Андреевич – статский советник, начальник 6-го отделения Московской Казенной палаты.

⁶ Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), генерал от артиллерии. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище (1877 г.) и Михайловской артиллерийской академии. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. После ее окончания назначен командиром расквартированного в Москве гренадерского корпуса (1-я и 2-я гренадерские дивизии). Во главе корпуса вступил в Первую мировую войну. Показал себя

арестованы. Встретили у Манежа Мелентьева⁸. Уже стемнело. Вдруг несколько выстрелов. Толпа метнулась; мы с В. – на Моховую, в сторону Знаменки. Однако, оказалось, что это – какой-то солдат вздумал салютовать и всех перепугал. Потом мы быстро по Воздвиженке вернулись домой и у ворот Палаты опять встретились с Мелентьевым, который страшно испугался выстрелов и тоже, как говорится, “положил ноги на плечи” <...>

2 марта 1917 г. ч[е]т[верг]. <...> Утром вышли газеты, из коих уже определенно видно, что Николай II свержен с престола. Сей день, его же сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!»⁹ «Праздников праздник и торжество есть торжество!»¹⁰. Не думал я, что придётся дожить до такого дня. И радостно ещё то, что не только Николай II, но и вообще монархия, по-видимому, низвержена <...>

3 марта 1917 г. п[я]т[ница]. Изложен журнал Общего присутствия о присо-

крайне слабым командиром, и, в целом, действия его корпуса были неудачными. 27 сентября 1914 г. под Суходолом разгромил X австро-венгерский корпус (за что был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст.). В ноябре 1914 г. вместе с гвардейской кавалерией ему удалось отбросить противника от Петрокова. 22 сентября 1915 г. сдал командование корпусом генералу А.Н. Куропаткину и был назначен командующим войсками Московского военного округа. Во время Февральской революции 1 марта 1917 г. посажен под домашний арест, а 10 марта 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию.

⁷ Шебеко Вадим Николаевич (1864–1943), генерал-майор по гвардейской кавалерии, флигель-адъютант императора (1904 г.). В 1913–1914 гг. – вице-губернатор Саратовской губернии, в 1914–1916 гг. – Гродненский губернатор. В 1916–1917 гг. – градоначальник Москвы. Арестован 1 марта 1917 г., но вскоре освобожден.

⁸ Мелентьев Константин Петрович – секретарь Московской Казенной палаты.

⁹ Беседа на псалом 117. 24. (На пасху).

¹⁰ Так называют Пасху, Светлое Христово Воскресение, православные христиане.

единении Казённой Палаты к новому правительству. Ирония и злобствования Стрекалова¹¹. Просидели мы долго. По Воздвиженке шествие с красным флагом; требование демократической республики... Никуда не выходил. Жадно читаю газеты. Помещено искажённое сведение о нашем постановлении, в коем мы представлены контр-революционерами (так в тексте – В.В.). Подозреваю в этом Тихотского¹².

4 марта, с[уб]б[ота]. Утром возбуждён вопрос, оставлять ли на стенах царские портреты. По просьбе Перелешина¹³ рылся в законах; выходит, что и в прежние-то времена иметь портрет на стене царствующего государя не было обязательным правилом; в прежние времена, когда олеографии не было, а художники были редки, завести такой портрет во многих местах представило бы непреодолимые технические трудности. В Учр[еждениях] Губ[ерний] ничего определённого не нашёл. Неудовольствие Стр[екалова] на Мелентьева (инициатора вопроса о портретах принадлежит ему, так как он, имея непосредственное соприкосновение с публикой, мог первый пострадать от могущего произойти какого-н[и]б[удь] инцидента со стороны какого-н[и]б[удь] усердного «республиканца») и гнусное ораторство против нового строя; защита Николашки. Портретов снимать не велел... Тихотский

¹¹ Стрекалов Андрей Андреевич – действительный статский советник, управляющий Московской Казенной палатой, председатель Губернского по квартирному налогу присутствия.

¹² Тихотский Константин Иванович – коллежский секретарь, чиновник Московской Казенной палаты.

¹³ Перелешин Николай Васильевич – статский советник, чиновник Московской Казенной палаты.

был. Беседа с Буцевичем. Вечером у всенощной в нашей Крестовоздвиженской церкви. Вынос креста и новая формула в Тропаре «Спаси, Господи, люди твоя». П.И. Мартынов и П. Пав. Покровский¹⁴ доставили материалы по оценке Ширмеровского завода¹⁵. Вечером длинная же политическая беседа с этим же Мартыновым по телефону. К удивлению, он стоит за конституционную монархию, хотя раньше был социалистом и даже «пострадал» (кажется, в Костромской губ[ернии]).

5 марта 1917 г., в[о]с[кресенье]. Утром [был] Цветков¹⁶, разговор о политике. Он, как и я, тоже республиканец. Смеялись, что ещё в последний раз не решались говорить [об этом] открыто... Политическая беседа по т[еле]ф[ону] с Б. Вас. Ключевским¹⁷. Читал все газеты, закупили их сегодня. По общему впечатлению, кажется, выгорит всё-таки республика! Давай-то Бог. Конституционная монархия – жалкий анахронизм, да и уж очень насолили своими глупостями Александр III и Николай II. – Никуда не выходил.

<...>

7 марта, вт[орник]. ...Длинные разговоры с Егоровой, Тихотским и Добровым¹⁸, особенно со вторым – разговоры чисто политические. Тихотский

¹⁴ Покровский Петр Павлович – статский советник, податной инспектор.

¹⁵ Ширмеровский завод – Мыловаренный завод торгового дома «Ширмер и Ко». Владелица Т.И. Ширмер. (см. комм. ниже). Располагался в 5-м квартале Лефортовской части г. Москвы, на р. Яузе.

¹⁶ Мартынов Василий Александрович – титулярный советник, чиновник Московской Казенной палаты.

¹⁷ Ключевский Борис Васильевич (1869-1944) – сын В.О. Ключевского и его личный секретарь. По свидетельству М.В. Нечкиной, Б.В. Ключевский имел два высших образования. Являлся членом московской организации кадетской партии.

¹⁸ Добров Сергей Николаевич – коллежский секретарь, чиновник Московской Казенной палаты.

уверяет, что будет республика. Представил Тихонова¹⁹ в столоначальники. Ни вчера, ни сегодня Стрекалова не видно... Прогулялся; студенты – милиционеры с ружьями на уличных постах.

8 марта 1917 г., ср[еда]. Морозно. По газетам, Николая и Александру решено арестовать. На Кисловке, в отделении Казённой Палаты, какой-то штабс-капитан изрубил шашкой царский портрет. Беседы со Стефановским, Мелентьевым и Мендлиным²⁰ про отношения б[ывшей] императрицы Александры с Распутиным... Газетные сообщения о пребывании Керенского в Москве. Весь вечер провела у нас Вера Иосаф[овна] Козлинская²¹ и без умолку болтала. Революционерка и чаёт падения Стрекалова.

10 марта 1917 г., п[я]т[ница]. Бывший царь и Александра арестованы. <...> В газете «Вечерняя Почта» рассказ про дьяка Еремея Утина, задушенного при ц[аре] Михаиле Фёдоровиче за то, что находил его боярским ставленником...

11 марта 1917 г., с[у]б[бота]. ...Николай Николаевич, вел. кн., отзывается с фронта. Виделся с Печковским²²; видел комиссара при нашей Казённой Палате прис[яжного] пов[еренного] Бор. Лопухина (однорукое)²³. Дов[ольно] безобидный старичок, но обидно, что к Казённой Палате всё-таки приставили какого-то надзи-

¹⁹ Тихонов Николай Николаевич – коллежский секретарь, чиновник Московской Казенной палаты.

²⁰ Мендлин Александр Николаевич – статский советник, податной инспектор 17-го участка г. Москвы.

²¹ Козлинская Вера Иосафовна – московская дворянка, знакомая и соседка Юшковых, проживала в одном с ними доме на ул. Воздвиженка, 5.

²² Вероятно, Печковский Викентий Викентьевич – податной инспектор Бронницкого уезда.

²³ Лопухин Борис Александрович – присяжный поверенный. После Октябрьской революции эмигрировал.

рателя. Невыносимо, конечно, положение Стр[екалова], но он его вполне заслужил, да сам же и вызвал...

12 марта, в[о]с[кресенье]. В «Русск[их] Вед[омостях]» известие, что царя не выпустят. Демонстрация уличная; очень торжественно, трогательно и порядок полный. Песни, полковая музыка; день солнечный. Выходили и мы и все дети <...> Вечером с В. были на Красной площади, Никольской, в Китайском проезде; толпы, некоторые высказываются против войны...

13 марта 1917 г., п[оне]д[ельник]. <...> Слухи о победе на Западном фронте над немцами. Беседа со Стефановским. Вечером из нашей передней, которую дети, уйдя в Каз[ённую] Палату, оставили за собой незапертой, украли шубку у Ани Аквиляновой, занимающейся с Любой наверху. Мать её приводила милиционеров, до глухой ночи составляли протокол, я лёг спать, не дождавшись конца. Один милиционер – студент, уходя, забыл у нас своё ружье, уже после вернулся или мы ему напомнили. - В «Вечернем Курьере» напечатано о капиталах б[ывшего] царя Николая Романова. Сочинена мною «Песня уличных мальчугов».

14 марта 1917 г., вт[орник] ... Был Н.А. Рябов – впервые после переворота. В 4 ч. 15 м. подали автомобиль; полусумасшедший полковник с дамой влез почти насильно у подъезда Казённой Палаты и просил довести до Лубянк[ой] площади, что я и исполнил. Заседание продолжалось до 9 ч. вечера...

15 марта, ср[еда]. На сегодняшнее очередное заседание «Особого Правления», бывающее вообще в моём

служебном кабинете, пришёл один Никитинский²⁴, а Мамонтов²⁵ не был. Беседа о продовольствии... Три дня как не видим белого хлеба, сегодня добыли лишь 3 белых хлеба. Прогуливался по Моховой и Волхонке...» [1, л. 22-23].

Затем уже, ближе к осени, по мере усиления опасности прихода к власти большевиков, оценки мемуариста становятся по-настоящему испуганно-пессимистическими. На выборах в районные думы А.И. Юшков и его близкие голосовали за Партию народной свободы (кадетов) № 1. В то же время выступление генерала Л.Г. Корнилова отмечено Юшковым как событие менее важное, чем составление оценочной описи его библиотеки.

Но захват власти ленинцами Александра Ивановича очень встревожил. События, происходившие в Москве и в России осенью 1917 г., мемуариста явно удручали и были отмечены им, хотя и не так подробно, как свершившиеся в феврале-марте этого года.

Приведем достаточно характерный фрагмент дневниковых записей Александра Юшкова, относящихся уже к ноябрю, когда отгремели бои в Москве, предварявшие захват власти в городе большевистским Советом. Он написал:

«5/18 ноября, воскресенье. Порошил небольшой снег. Грустное раздумье о судьбе России и нашей, в частности. Все более и более возмущаюсь б[ольшевиками], как представляю себе их дело. Прогулка к Никит[ским]

²⁴ Вероятно, Никитинский Яков Яковлевич – профессор, гласный Московской городской думы.

²⁵ Мамонтов Михаил Иванович – почетный потомственный гражданин, директор правления Товарищества «Братья Мамонтовы».

вор[отам]; ужасн[ые] разрушения. Бедная Москва! Бедные ея граждане! <...> Газета "Вперед" страшно слепо напечат[ана]. (25 к[опеек], № 1). Громит большевиков. Кажется, мало кто радуется их кровавой победе и их надругательству над самыми элементарными правами людей» [2, л. 145 об. – 224].

* * *

Дневниковые записи Юшкова хранятся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 351). Записи по 16 июля включительно переписаны набело в тетрадь. После 16 июля они представляют собой мало разборчивые заметки на оборотных листах отрывного календаря. Однако именно в них содержатся уникальные сведения о событиях, происходивших в Москве

во время Октябрьского переворота 1917 г., событиях, приведших к большим жертвам и значительным разрушениям. В случившемся автор явно увидел предвестие будущих тяжелых проблем в жизни России.

В дальнейшем А.И. Юшков смирился с произошедшим, вел частную жизнь, занимаясь чистой исторической наукой – в фондах ОР сохранилась его работа «В защиту юлианского календаря. Историко-космографическое исследование», написанная в 1923 г. [3, 4]. Но не только ею. Он продолжал заниматься поэтическим творчеством, переводческой деятельностью, фольклористикой. Некоторые литературные произведения Александра Ивановича опубликовал его внук Э.Ю. Элькинд. В том числе и лучшее произведение Юшкова – его поэма «Сказ о блаженном», посвященная знаменитому юродивому Василию Блаженному [5].

Список литературы

1. ОР РГБ. Ф. 351. К. 7. Ед. хр. 4. Л. 22 – 23.
2. ОР РГБ. Ф. 351. К. 7. Ед. хр. 6. Л. 145 об. – 224.
3. ОР РГБ. Ф. 351. К. 5. Ед. хр. 2.
4. Каменцева Е.И. О неопубликованной книге А.И. Юшкова «В защиту юлианского календаря» // Отечественные архивы. 1996. № 5. С. 46-53.
5. Юшков А.И. «Сказ о блаженном» // Мир библиографии. 2011. № 2. С. 70-77.

References

1. OR RGB. F. 351. K. 7. Ed. hr. 4. L. 22 – 23.
2. OR RGB. F. 351. K. 7. Ed. hr. 6. L. 145 ob. – 224.
3. OR RGB. F. 351. K. 5. Ed. hr. 2.
4. Kamenceva E.I. O neopublikovannoj knige A.I. YUshkova «V zashchitu yulianskogo kalendarya» // Otechestvennye arhivy. 1996. № 5. S. 46-53.
5. YUshkov A.I. «Skaz o blazhennom» // Mir bibliografii. 2011. № 2. S. 70-77.

УДК 930.1(09)

**«СОВЕТСКИЙ АНТИНОРМАНИЗМ»
НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВ И.П. ШАСКОЛЬСКОГО**

В.В. Фомин

В статье рассматривается сущность «советского антинорманизма» на примере трудов одного из самых его активных проводников И.П. Шаскольского. Преподносимый в качестве высшего достижения советской науки, якобы подорвавшего основы норманской теории и позволившего решить варяжский вопрос, «советский антинорманизм» в действительности представлял собой эту теорию, прикрытую, как того требовала политическая ситуация, марксистской фразеологией. В результате чего не только еще больше окреп норманизм, но и в ложном свете был интерпретирован сам варяжский вопрос и дискредитирован антинорманизм действительный, содержащийся в трудах дореволюционных и советских историков С.А. Геденова, Д.И. Иловайского, В.Б. Вилинбахова и А.Г. Кузьмина.

Ключевые слова: «советский антинорманизм», норманизм, антинорманизм истинный, И.П. Шаскольский, марксизм.

**«THE SOVIET ANTINORMANISM» BY THE EXAMPLE
OF THE WORKS OF I.P. SHASKOLSKIY**

V.V. Fomin

The article considers the essence of «soviet antinormanism» by the the example of the works of one of the most active follower of I.P. Shaskolskiy. Presented as the highest achievement of Soviet science, allegedly undermined the foundations of the Norman theory and allowed to solve the Varangian question, «the Soviet antinormanism» in fact represented this theory in a covered marksist phraseology, as required by the then political situation. As a result, it not only further strengthened the normanism, but led to the situation when the Varangian question itself was interpreted in a false light and discredited true antinormanism, contained in the writings of pre-revolutionary and Soviet historians S.A. Gedeonov, D.I. Ilovaisky, B.V. Vilinbakhov and A.G. Kuzmin.

Keywords: «soviet antinormanism», normanism, true antinormanism, I.P. Shaskolskiy, marxism.

Современной науке навязывается мнение, громко звучавшее в советскую эпоху и заведшее разработку варяжского вопроса в норманистский тупик, что существовал «советский антинорманизм», порой достигавший, по словам археолога Л.С. Клейна, крайние формы. Хотя он тут же говорит, озада-

чивая даже не самого искушенного в проблеме варягов читателя, что в то время лишь В.Б. Вилинбахов, А.Г. Кузьмин и В.В. Похлебкин отрицали их скандинавское происхождение, тогда как «остальные антинорманисты поголовно признавали варягов норманнами». Клейн, видя в историке

И.П. Шаскольском (1918–1995) несомненного лидера «в отстаивании антинорманистской концепции», заключает, что, согласно его трактовке, «есть норманисты, есть антинорманисты, а есть позиция советских ученых: ни норманизм, ни антинорманизм, а нечто третье» [6, с. 8, 56, 107, 109-110, 123, 162].

Без каких-либо проблем увидеть смысл этого «нечто» (а подобного тумана полным-полна норманская теория) позволяет обращение к трудам Шаскольского, бывшего одним из правофланговых «советского антинорманизма». И «антинорманизм» в советской редакции он утверждал в русле марксистской концепции происхождения Русского государства, принятой его старшими коллегами во второй половине 1930-х гг. и рассматривающей Русь как итог социально-экономического развития восточнославянского общества (норманисты прошлого преподносили ее как прямой продукт деятельности скандинавов-варягов). Вследствие чего внешний фактор – активно и созидательно действовавшие, по свидетельству Повести временных лет, варяги – полностью исключался из нашего прошлого, и такое исключение преподносилось в виде победы над норманизмом и важнейшего достижения советской науки.

Ибо, объяснял в 1960–1983 гг. Шаскольский, историками-марксистами установлено несоответствие норманизма «современным научным представлениям о сущности государства и о процессе его формирования», окончательно вскрыта научная несостоятельность норманской теории, потому как варяги, независимо

от своей этнической принадлежности, не могли создать Русское государство (причем, отмечал он, «даже сами ученые, разрабатывавшие марксистскую концепцию Древнерусского государства, не сразу осознали, что их концепция подрывает основы норманской теории»). А раз не могли создать его, то и незачем стало доказывать, как это делали дореволюционные антинорманисты, их нескандинавскую природу. В связи с чем советские специалисты, признав такой антинорманизм «антинаучным» и «тенденциозным», противоречащим «научной марксистской концепции генезиса Древнерусского государства», в качестве отправной точки в реконструкции его истории приняли основополагающий постулат решительно отвергаемого ими норманизма – варяги суть скандинавы.

Но при этом, массово тиражируя на протяжении более полувека данный постулат, категорически не считали себя норманистами. Марксистская наука, внушал Шаскольский, совершенно отрицая «антинаучную» и «клеветническую» норманскую теорию, признает, что в IX–XI вв. в русских землях появлялись норманны: отряды воинов и купцы, и что, «конечно, признание этих фактов совсем не тождественно согласию с выводами норманизма». Само же это тождество, по его мнению, наступает лишь тогда, когда увеличивается роль норманнов в различных сторонах жизни Руси и ставится цель «во что бы то ни стало отстоять норманизм от нанесенных ему ударов и любыми средствами опровергнуть или опорочить советскую концепцию о возникновении Русского государства без участия норманнов» [40, с. 224-226,

228-229, 236; 44, с. 335, 339, 341; 38, с. 3-5, 10-11, 13-18, 20, 58, 88-89; 39, с. 44; 37, с. 158; 33, с. 37, 43, 47-50].

Представляя подобную позицию в качестве «советского антинорманизма», Шаскольский всю его суть свел к тому, что «главные события и явления в жизни нашей страны IX–XI вв. – формирование классового общества, образование Древнерусского государства, начало развития феодальных отношений, формирование русской народности и ее материальной и духовной культуры – были результатом глубоких и длительных процессов внутреннего развития восточнославянского общества без сколько-нибудь значительного воздействия внешнего фактора – норманнов». Причем, как он подчеркнуто говорил, вместе с тем подлинная сущность позиции марксистской исторической науки состоит не в огульном отрицании следов норманнов на Руси, а в установлении их достаточно скромной роли «в сложном процессе формирования классового общества и государства» у восточных славян (к тому же они, а этот тезис бесконечно культивируется норманизмом по причине отсутствия фактов их пребывания на Руси, быстро ославились, «очень быстро ославилась» и княжеская династия) [40, с. 228-229, 235-236; 38, с. 4-5, 20, 53-54, 84-89; 41, с. 204-205].

Разумеется, все то, что декларировал «советский антинорманизм», не имеет к действительному антинорманизму никакого отношения. Более того, его концептуальная ущербность проявлялась в том, что признание верхушки русского общества IX–X вв. иноплеменной делает, заострял в

1970–1986 гг. внимание «советских антинорманистов» истинный антинорманист тех лет А.Г. Кузьмин, «беспредметным рассуждение о возникновении государства как автохтонного процесса: представители крайнего норманизма как раз и настаивают на ведущем положении пришельцев-норманнов» [7, с. 28; 10, с. 55; 8, с. 58; 11, с. 18]. Но декларации подменили истину, и в нашей науке под видом «советского антинорманизма» продолжала свое существование, на что уже указывалось в литературе [30, с. 147-161; 31, с. 135-177], норманнская теория, приправленная марксистской фразеологией и тем самым поставленная под прямой патронаж государства, в котором марксизм являлся официальной идеологией, что еще больше усилило ее позиции во всех сферах тогдашнего бытия (включая образовательную сферу, ковавшую «советских антинорманистов»).

Шаскольский, пропагандируя «советский антинорманизм» и критикуя норманскую теорию (она «реакционна», содержит «антирусскую политическую тенденцию», стоит на службе «империалистической антисоветской пропаганды»), был ее убежденным сторонником и тонко утверждал ее посредством того же марксизма. Говоря, например, что марксистская наука признает определенную роль внешних влияний (но тут же, как того требовал «антинорманистский» ритуал, заявлял, что Русское государство возникло «в результате внутренних процессов развития, а не вследствие воздействия внешних сил»). Да еще при этом оперируя, как всегда поступали норманисты, в основном термином «норман-

ны», а не «варяги», и навязывал их давнюю бесплодную идею, что «с лингвистической стороны переход» из Ruotsi (финское название Швеции) в Русь «представляется возможным» (хотя сам же заострял внимание на факте, демонстрирующем беспредметность такого разговора, что слово Ruotsi зафиксировано в финском языке XVI–XVII столетий, и неизвестно, существовало ли оно «в финском языке IX–XI вв.»).

В 1963 г. Шаскольский сформулировал мысль, энергично подхваченную «советскими антинорманистами» (в первую очередь археологами, произвольно выдававшими чуть ли не все неславянские древности за скандинавские), о параллельности и синхронности процессов социального и политического развития на Руси и в скандинавских странах в период формирования классового общества и государства (IX–XI вв.), что еще больше заставляло рассматривать их прошлое в неразрывной связи. Будучи весьма последовательным, он в 1961 г. уверял, что именно летописец приписал основание Русского государства норманнам и что без летописного рассказа о призвании варягов «вряд ли вообще смогла возникнуть норманнская теория как цельная ученая концепция, считающая, что древнерусское государство образовалось в результате деятельности завоевателей-норманнов». В 1965 г. историк, критикуя с позиций «достижений современной марксистской науки» «норманизм в буржуазной исторической науке», преподнес его «советским антинорманистам» (которые вроде бы давно его победили) в качестве научной теории, опирающей-

ся «на длительную, более чем двухвековую, научную традицию» и «большой арсенал аргументов».

О научности норманизма ученый говорил и в 1978 (вместе с тем отмечив, говоря о монографии другого видного «советского антинорманиста» В.В. Мавродина «Образование Древнерусского государства», вышедшей в 1945 г., что он признал «зафиксированное многими источниками участие норманнов в процессе формирования государства на Руси»), и в 1983 годах. Уже в новых условиях, в 1993 г., Шаскольский также подчеркнул, что норманнская теория, с которой он polemизирует 35 лет, «является безусловно научной теорией, содержит немало серьезных аргументов в свою пользу, которые пока еще нам трудно опровергнуть». Но разве можно побороть тень и опровергнуть то, что «советские антинорманисты» всемерно отстаивали и от имени которых Шаскольский заявлял в 1986 г., что особенный вклад в изучение норманнской проблемы (а он только так именовал варяжский вопрос) за последние двадцать лет внесла советская археология, открывшая крупный комплекс находок скандинавского происхождения на Рюриковом городище и расширившая сведения о пребывании скандинавов в Старой Ладогге, Ярославском Поволжье, Гнездово и др. [40, с. 223-226, 228, 234-235, 238; 44, с. 335-337, 341, 349, 351, 355, 364, 372-373; 38, с. 5-7, 9, 14, 20, 51-54, 64, 119-120; 35, с. 128-176; 37, с. 159-162; 33, с. 36, 46; 34, с. 95; 36, с. 123; 43, с. 100].

В 1988 г. археолог Д.А. Авдусин констатировал, что в трудах Шаскольского 50-х – 60-х гг. «норманизм выглядит

даже респектабельнее противоборствующего течения», а его монография «Норманская теория в современной буржуазной науке» (1965) содержала основные положения критики антинорманизма, в 1983 г. только сведенные воедино в статье «Антинорманизм и его судьбы», и «способствовала появлению серии работ ленинградских археологов, которые преувеличивали роль скандинавов на Руси». В 1998 и 2003 гг. историк А.Г. Кузьмин сказал по поводу той же книги, что она «реабилитировала норманизм как определенную теоретическую концепцию, вполне заслуживающую серьезного к ней отношения», причем автор свел аргументы антинорманистов к словам Ф. Энгельса, будто «государство не может быть привнесено извне», оставаясь в остальном норманистом» [1, с. 31-32; 26, с. 365; 9, с. 84].

Справедливость оценок Авдусина и Кузьмина видна из слов норманистов Л.С. Клейна и его ученика Е.Н. Носова. Первый резюмировал в 1965 г.: «И.П. Шаскольский теперь признает, что так называемая норманская теория не является просто фальсификацией истории в политических целях, как это утверждалось прежде, а представляет собой течение в буржуазной науке. Это очень важный шаг и «большой прогресс». Второй в 1999 и 2009 гг. заметил по поводу названной монографии, что она, построенная «на критической оценке современного норманизма», «оказалась чрезвычайно ценной для советской археологической науки», т.к. Шаскольский «детально излагал концепции западных исследователей по варяжской проблеме и истории Древней Руси, обильно цитировал их труды,

привел огромное количество литературы, в том числе почти недоступной в СССР, особенно на периферии», тем самым «“просвещал” отечественную историческую аудиторию от студента до научных работников, не знакомую или знакомую весьма поверхностно со взглядами западных коллег». И Носов был абсолютно искренен, закончив в 2009 г. дирижировать Шаскольскому благодарностью: «Спасибо Игорю Павловичу» [6, с. 108-109; 19, 157; 17, с. 350-351].

В том числе, несомненно, и за его участие в т.н. «дискуссии» 1965 г. в Ленинградском университете, которая свелась к тому, что «советский антинорманист» Шаскольский говорил о малочисленности норманнов на Руси и малой степени их участия в складывании Русского государства. Тогда как другие «советские антинорманисты» – Клейн и его ученики отстаивали мнение дореволюционных норманистов по этим позициям (хотя их «самые острые» прения абсолютно укладывались в слова норманиста К.Н. Бестужева-Рюмина, произнесенные в начале 1880-х гг.: «Весь вопрос сводится к тому, много ли или мало скандинавского элемента в дружине, скандинавское происхождение вождия которой едва ли можно отрицать» [12, с. 7]).

Чрезвычайно важная роль принадлежит Шаскольскому в деле дискредитации истинного антинорманизма «с его не очень скрытой национально-патриотической направленностью», и в лице, прежде всего, С.А. Гедеонова, благодаря которому, по признанию крупнейших норманистов XIX–XX вв., наука избавилась от принципиальных заблуждений в варяжском вопросе. И творчеству ученого, как и антинорма-

низму в целом, «советский антинорманист» постепенно давал все более негативную оценку. В 1960 г. он, заключая, что критическая часть его работы «представляет большую научную ценность», вместе с тем сказал без каких-либо объяснений, что «утверждение автора о происхождении варягов из славянского поморья на современном этапе развития исторической науки не выдерживает критики».

А через пять лет говорил с марксистских высот, что Гедеонов и Иловайский, дав «серьезную и основательную критику главных положений» норманизма, «в силу своих идеалистических представлений о процессе возникновения государства не смогли противопоставить отвергаемой ими норманской теории сколько-нибудь убедительное положительное построение, не смогли дать убедительное научное освещение процесса формирования Древнерусского государства». Наконец, в 1983 г. фундаментальный труд Гедеонова «Варяги и Русь» (1876), составивший целую эпоху в историографии, Шаскольский охарактеризовал совсем нелестно: в нем «чувствуется налет дилетантизма». Тогда же им было сказано в адрес дореволюционных антинорманистов, что побудительным мотивом их борьбы с норманской теорией была не наука, а «дворянско-буржуазный патриотизм», а у Д.И. Иловайского – еще и национализм [13, с. 53; 38, с. 11, 18; 33, с. 37, 41, 44, 49]. Тем самым он отказал истинному антинорманизму в научности и возродил главный «довод» норманистов прошлого, авторство которого принадлежит А.Л. Шлецеру: признавать норманизм – «дело науки, не

признавать – ненаучно», которым они, пользуясь официальным статусом норманской теории, не только вводили в заблуждение российское общество, но и беззастенчиво шельмовали и травили своих оппонентов.

Вместе с тем Шаскольский навязывал «советским антинорманистам» негативную оценку работ историков В.Б. Вилинбахова и А.Г. Кузьмина, занимавших действительно антинорманистскую позицию. Так, в 1964–1965 гг. он говорил, что Вилинбахов пытается возродить «старую теорию» Гедеонова и других антинорманистов XIX в., «согласно которой летописные варяги были не скандинавами, а балтийскими славянами. По нашему мнению, эта концепция уже не может оказаться жизнеспособной и вряд ли может быть полезной в деле развертывания критики современного норманизма» [42, с. 127; 38, с. 195-196] (суть подобных выпадов против себя и против концепции, подкрепленной большим количеством источников, точно выразил в 1980 г. сам Вилинбахов: Шаскольский полагает, «что несколькими ироническими фразами можно покончить с проблемой, над которой трудилось несколько поколений ученых» [2, с. 79]). А в 1983 г. он прямо обвинил Вилинбахова и Кузьмина в смертном для советских ученых грехе – в непонимании марксистской концепции происхождения русской государственности [33, с. 43-44, 50-51], т.е. представил их позицию в варяжском вопросе как политически неблагонадежную.

Поэтому утверждать, что в советские годы господствовал «воинствующий», «примитивный», «ультрапатриотический» антинорманизм (Е.В. Пче-

лов), «политический, патриотический антинорманизм», приглушавший при Сталине скандинавский фактор «как не отвечающий задачам патриотического воспитания», и что на смену ему пришел «научный, т.е. умеренный, норманизм» (А.С. Кан) [22, с. 27; 23, с. 367; 24, с. 19; 5, с. 50], значит либо глубоко заблуждаться и тем самым вводить в такое же заблуждение других, не давая им никакого шанса приблизиться к истине, либо стремиться по максимуму задействовать «советскую страшилку» и изображать себя гонимыми (эту карту любит разыгрывать Л.С. Клейн [6, с. 11-12; 32, с. 366-367]), что дает несомненные дивиденды, либо стараться не замечать того, что «советский антинорманизм» и сегодняшний «научно-умеренный» норманизм – близнецы-братья. Только первый из них не «кричал» так громко о роли скандинавов в русской истории, как делает сейчас второй.

Но при этом, во-первых, ложно интерпретировал важнейший для нашей истории варяго-русский вопрос, который преподносят сейчас как «норманский вопрос», в свете которого Русь характеризуют в качестве «Скандославии» (Д.С. Лихачев), «Восточно-Европейской Нормандии» (Р.Г. Скрынников) или «Нормандии» (Е.Н. Носов) [32, с. 380-384, 457-458]. Во-вторых, предельно дискредитировал антинорманизм подлинный. В связи с чем представитель «объективно-научного» норманизма Е.Н. Носов предложил в 1999 г.: «Что же касается определений “норманизм” или “антинорманизм”, то, стремясь избегать недопонимания или двусмысленности, я бы считал целесообразным не использовать их при со-

временной оценке роли скандинавов в истории Руси, поскольку эти термины отягощены “богатым” наследием, строго говоря, к академической науке отношения не имеют» [19, с. 161].

Таким образом, заключал автор настоящих строк в 2006 г., «варяжская проблема, как и в советские годы, вновь закрывалась и закрывалась в том же норманистском оформлении и при той же угрозе отлучения от “академической науки”» [31, с. 156]. И в этом оформлении бриллиантом сияет «Нормандия», «открытая» в нашей истории археологом Носовым под влиянием теории норманской колонизации Руси шведского археолога Т.Ю. Арне, выдвинутой в 1914 году. И в ней, т.е. в Новгородской земле, в ряде ее центров (прежде всего на Рюриковом городище) постоянно жили скандинавы – мужчины, женщины, воины, торговцы, ремесленники, жили семьями и составляли «довольно значительную и влиятельную группу общества», что в целом «варяги на Руси были купцами и ремесленниками, воинами и князьями, чиновниками и посланниками, наемниками и грабителями» [16, с. 66, 73, 81; 19, 157, 160-161; 18, с. 37; 20, с. 29-31; 15, с. 10; 17, с. 355-356; 14, с. 107, 115-116, 119; 21, с. 42-43].

Как отметил еще в 1962 г. крупнейший английский археолог П. Соьер, отвергая построения Арне, «не может быть, чтобы шведы когда-либо играли на Руси важную роль в качестве поселенцев», и что «нет никаких археологических свидетельств, способных оправдать предположение о наличии там обширных по территории колоний с плотным населением». Однако отсутствие фактов – исторических, ар-

хеологических, лингвистических – насколько не помешало выдумке Арне получить, констатировала в 1955 г. эмигрантка Н.Н. Ильина, «большой успех в Западной Европе по причинам, имеющим мало отношения к исканию истины» [27, с. 290; 4, с. 59] (стоит также заметить, что незначительные «находки скандинавского типа» на Рюриковом городище, наибольшее число которых приходится на X в., абсолютно перекрывает массовый и более ранний материал, связывающий жителей городища с Южной Балтикой [32, с. 453-456]). Но ныне она, разрекламированная под видом критики И.П. Шаскольским в 1965 г., стала достоянием нашей «академической науки».

На вопрос, что из себя представлял «советский антинорманизм», дают ответы, хотя и косвенно, некоторые современные норманисты. Например, И.Н. Данилевский, который подчеркнул в 1998 г., что «справедливо “норманизмом” называть любое признание присутствия скандинавских князей, воинов и купцов в Восточной Европе». Или А.А. Романчук, который в 2013 г., касаясь водораздела между норманистами и антинорманистами, указал, что «совершенно четким критерием здесь служит ответ на вопрос:

“были ли летописные варяги скандинавами?”. Те, кто отвечает на этот вопрос положительно, со всей очевидностью должны определяться как норманисты». Или С.В. Томсинский, который годом позже отметил, что «под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой» [3, с. 75; 25, с. 73; 29, с. 358]. В советское время один раз прозвучала правда, оказавшаяся, понятно, никому не нужной, по поводу истинной сути «советского антинорманизма». На совещании историков в ЦК ВКП(б) Е.Н. Городецкий указал в июне 1944 г., что норманизм дожил «благополучно до наших дней» и «формальное отрицание норманской теории сопровождается фактическим ее признанием» [28, с. 85].

Со школьной скамьи мы знаем, что любая задача решается лишь при наличии четких условий. И если они являются таковыми (включая то, что «советский антинорманизм» не есть антинорманизм) при постановке вопроса: к какому этносу принадлежали летописные варяги и где находилась их родина, то он решается не в пользу норманской теории.

Список литературы

1. **Авдусин Д.А.** Современный антинорманизм // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 23-34.
2. **Вилинбахов В.Б.** Современная историография по проблеме «Балтийские славяне и Русь» // Советское славяноведение. – М., 1980. № 1. С. 79-84.
3. **Данилевский И.Н.** Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 399 с.
4. **Ильина Н.Н.** Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки // Изгнание норманнов из русской истории. – М.: Русская панорама, 2010. С. 19-136.
5. **Кан А.С.** Швеция и Россия в прошлом и настоящем. – М., 1999. – 357 с.

6. Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.
7. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 28-55.
8. Кузьмин А.Г. Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания. 1980. № 4. С. 51-59.
9. Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г. – М.: Владос, 2003. Кн. 1. – 448 с.
10. Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 28-55.
11. Кузьмин А.Г. Предисловие // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г.Кузьмина. – М., Молодая гвардия, 1986. Кн. 2. С. 5-20.
12. Лекции по историографии профессора Бестужева-Рюмина за 1881–1882 года. – СПб., [б.г.]. – 236 с.
13. Лысенко Т.И., Шаскольский И.П. Неизданные труды С.А. Гедеонова и А.А. Куника по варяжскому вопросу // Вопросы архивоведения. 1960. № 6. С. 53-56.
14. Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. – М., Вологда: Древности Севера, 2012. С. 93-119.
15. Носов Е.Н. Откуда пошел «Новый город»? // Родина. 2009. № 9. С. 8-10.
16. Носов Е.Н. Первые скандинавы на Руси // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. – СПб., 1998. С. 61-81.
17. Носов Е.Н. Послесловие // Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб.: Евразия, 2009. С. 344-356.
18. Носов Е.Н. Рюрик–Ладога–Новгород // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Материалы Международной научно-практической конференции. Старая Ладога, 30 июня – 2 июля 2003 г. – СПб.: ИПК «Вести», 2003. С. 35-37.
19. Носов Е.Н. Современные археологические данные по варяжской проблеме на фоне традиций русской историографии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб., 1999. С. 151-163.
20. Носов Е.Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности: Материалы международной конференции. 4-7 октября 2005 г. – Великий Новгород. СПб., 2007. С. 23-40.
21. Носов Е.Н. У истоков Руси и Новгорода // Родина. 2012. № 9. С. 40-43.
22. Пчелов Е.В. Легендарная и начальная генеалогия Рюриковичей // Летопись Историкородословного общества в Москве. – М., 1994. Вып. 2 (46). С. 27-39.
23. Пчелов Е.В. Предки Рорика Ютландского // Россия в IX–XX веках. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 1999. С. 367-370.
24. Пчелов Е.В. Рюриковичи: история династии. – М., 2001. – 480 с.
25. Романчук А.А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия) // Вестник Камского института гуманитарных и инженерных технологий. Серия 6. Отечественная история. Методы исторического исследования. История науки и техники. 2013. № 6 (36). С. 73-131.
26. Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г.Кузьмин. – М.: Флинт, Наука, 1998. – 488 с.
27. Сойер П. Эпоха викингов. – СПб.: Евразия, 2002. – 352 с.
28. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 65-93.
29. Томсинский С.В. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // Stratum plus. 2014. № 5. С. 357-370.
30. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М.: Русская панорама, 2005. – 488 с.
31. Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. – М.: Русская панорама, 2006. – 488 с.

- 32. Фомин В.В.** Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии: Сб. статей и монографий. – М.: Русская панорама, 2010. С. 203-521.
- 33. Шаскольский И.П.** Антинорманизм и его судьбы // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Генезис и развитие феодализма в России. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. Вып. 7. С. 35-51.
- 34. Шаскольский И.П.** Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 г. – М.: Наука, 1986. С. 95-99.
- 35. Шаскольский И.П.** Вопрос о происхождении имени *Русь* в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. – Л., 1967. Вып. 10. С. 128-176.
- 36. Шаскольский И.П.** Норманская проблема в исторической науке 1970-х – 1980-х гг. // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. – М.: Изд-во АН СССР, 1986. Ч. 1. С. 122-124.
- 37. Шаскольский И.П.** Норманская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. – Л.: Наука, 1978. С. 152-165.
- 38. Шаскольский И.П.** Норманская теория в современной буржуазной науке. – М.–Л.: Наука, 1965. – 220 с.
- 39. Шаскольский И.П.** Норманская проблема на современном этапе // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. – М.: Изд-во АН СССР, 1971. Ч. I. С. 43-45.
- 40. Шаскольский И.П.** Норманская теория в современной буржуазной историографии // История СССР. 1960. № 1. С. 223-236.
- 41. Шаскольский И.П.** О роли норманнов в Древней Руси в IX–X вв. // *Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance)*. – Uppsala, 1981. S. 203-214.
- 42. Шаскольский И.П.** «Скандинавский сборник». V, VI, VII // Вопросы истории. 1964. № 11. С. 125-128.
- 43. Шаскольский И.П.** Славяне и норманны на древнерусской равнине и на берегах юго-восточной Прибалтики // XII Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. – М., 1993. Ч. 1. С. 98-101.
- 44. Шаскольский И.П.** Современные норманисты о русской летописи // Критика новейшей буржуазной историографии. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. 3. С. 335-373.

References

- 1. Avdusin D.A.** Sovremennyy antinormanizm // *Voprosy istorii*. 1988. № 7. S. 23-34.
- 2. Vilinbahov V.B.** Sovremennaya istoriografiya po probleme «Baltijskie slavyane i Rus'» // *Sovetskoe slavyanovedenie*. – М., 1980. № 1. S. 79-84.
- 3. Danilevskij I.N.** Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lekcij. – М.: Aspekt Press, 1998. – 399 s.
- 4. Il'ina N.N.** Izgnanie normannov. Ocherednaya zadacha russkoj istoricheskoj nauki // *Iz-gnanie normannov iz russkoj istorii*. – М.: Russkaya panorama, 2010. S. 19-136.
- 5. Kan A.S.** SHveciya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem. – М., 1999. – 357 s.
- 6. Klejn L.S.** Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon. – SPb.: Evra-ziya, 2009. – 400 s.
- 7. Kuz'min A.G.** «Varyagi» i «Rus'» na Baltijskom more // *Voprosy istorii*. 1970. № 10. S. 28-55.
- 8. Kuz'min A.G.** Zametki istorika ob odnoj lingvisticheskoj monografii // *Voprosy yazykoznaniya*. 1980. № 4. S. 51-59.
- 9. Kuz'min A.G.** Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do 1618 g. – М.: Vlados, 2003. Kn. 1. – 448 s.
- 10. Kuz'min A.G.** Ob ehtnicheskoy prirode varyagov (k postanovke problemy) // *Voprosy isto-rii*. 1974. № 11. S. 28-55.
- 11. Kuz'min A.G.** Predislovie // *Otkuda est' poshla Russkaya zemlya. Veka VI–H / Sost., pre-disl., vved. k dokument., komment. A.G.Kuz'mina*. – М., Molodaya gvardiya, 1986. Kn. 2. S. 5-20.

12. **Lekcii po istoriografii professora Bestuzheva-Ryumina za 1881–1882 goda.** – SPb., [b.g.]. – 236 s.
13. **Lysenko T.I., SHaskol'skij I.P.** Neizdannye trudy S.A.Gedeonova i A.A.Kunika po varyazhskomu voprosu // Voprosy arhivovedeniya. 1960. № 6. S. 53-56.
14. **Nosov E.N.** Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolhov'e // Rus' v IX–X ve-kah: arheologicheskaya panorama / Otv. red. N.A.Makarov. – M., Vologda: Drevnosti Severa, 2012. S. 93-119.
15. **Nosov E.N.** Otkuda poshel «Novyj gorod»? // Rodina. 2009. № 9. S. 8-10.
16. **Nosov E.N.** Pervye skandinavcy na Rusi // Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplo-maty o russko-skandinavskih otnosheniyah. – SPb., 1998. S. 61-81.
17. **Nosov E.N.** Posleslovie // Klejn L.S. Spor o varyagah. Istoriya protivostoyaniya i argu-menty stor-on. – SPb.: Evraziya, 2009. S. 344-356.
18. **Nosov E.N.** Ryurik–Ladoga–Novgorod // Ladoga i istoki rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Staraya Ladoga, 30 iyunya – 2 iyulya 2003 g. – SPb.: IPK «Vesti», 2003. S. 35-37.
19. **Nosov E.N.** Sovremennye arheologicheskie dannye po varyazhskoj probleme na fone tra-dicij russkoj istoriografii // Rannesrednevekove drevnosti Severnoj Rusi i ee sosedej. – SPb., 1999. S. 151-163.
20. **Nosov E.N.** Tridcat' let raskopok Gorodishcha: itogi i perspektivy // U istokov russkoj gosudarstvennosti. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. 4-7 oktyabrya 2005 g. – Velikij Novgorod. SPb., 2007. S. 23-40.
21. **Nosov E.N.** U istokov Rusi i Novgoroda // Rodina. 2012. № 9. S. 40-43.
22. **Pchelov E.V.** Legendarnaya i nachal'naya genealogiya Ryurikovichej // Letopis' Istoriko-rodoslovnogo obshchestva v Moskve. – M., 1994. Vyp. 2 (46). S. 27-39.
23. **Pchelov E.V.** Predki Rorika YUtlandskogo // Rossiya v IX–XX vekah. Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya. – M., 1999. S. 367-370.
24. **Pchelov E.V.** Ryurikovichi: istoriya dinastii. – M., 2001. – 480 s.
25. **Romanchuk A.A.** Varyago-russkij vopros v sovremennoj diskussii: vzglyad so storony (polnaya versiya) // Vestnik Kamskogo instituta gumanitarnyh i inzhenernyh tekhnologij. Seriya 6. Otechestvennaya istoriya. Metody istoricheskogo issledovaniya. Istoriya nauki i tekhniki. 2013. № 6 (36). S. 73-131.
26. **Slavyane i Rus': Problemy i idei. Konceptii, rozhdennyye trekhvekovoj polemikoj, v hrestomatijnom izlozhenii** / Sost. A.G.Kuz'min. – M.: Flint, Nauka, 1998. – 488 s.
27. **Sojer P.** EHpoha vikingov. – SPb.: Evraziya, 2002. – 352 s.
28. **Stenogramma soveshchaniya po voprosam istorii SSSR v CK VKP(b) v 1944 godu** // Vo-prosy istorii. 1996. № 4. S. 65-93.
29. **Tomsinskij S.V.** Leningradskij neonormanizm: istoki i itogi // Stratum plus. 2014. № 5. S. 357-370.
30. **Fomin V.V.** Varyagi i varyazhskaya rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu. – M.: Russkaya panorama, 2005. – 488 s.
31. **Fomin V.V.** Lomonosov: Genij russkoj istorii. – M.: Russkaya panorama, 2006. – 488 s.
32. **Fomin V.V.** Lomonosovofobiya rossijskih normanistov // Varyago-russkij vopros v is-toriografii / Sb. statej i monografij. – M.: Russkaya panorama, 2010. S. 203-521.
33. **SHaskol'skij I.P.** Antinormanizm i ego sud'by // Problemy otechestvennoj i vseob-shchej istorii. Genezis i razvitie feodalizma v Rossii. – L.: Izd-vo LGU, 1983. Vyp. 7. S. 35-51.
34. **SHaskol'skij I.P.** Vozniknovenie gosudarstva na Rusi i v Skandinavii (cherty skhodstva) // Drevnejshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya. 1985 g. – M.: Nauka, 1986. S. 95-99.
35. **SHaskol'skij I.P.** Vopros o proiskhozhdenii imeni Rus' v sovremennoj burzhuaznoj nauke // Kritika novejshej burzhuaznoj istoriografii. – L., 1967. Vyp. 10. S. 128-176.
36. **SHaskol'skij I.P.** Normanskaya problema v istoricheskoy nauke 1970-h – 1980-h gg. // H Vsesoyuznaya konferenciya po izucheniyu istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka skandinav-skih stran i Finlyandii. Tezisy dokladov. CH. 1. –M.: Izd-vo AN SSSR, 1986. S. 122-124.
37. **SHaskol'skij I.P.** Normanskaya problema v sovetskoj istoriografii // Sovetskaya isto-riografiya Ki-evskoj Rusi. – L.: Nauka, 1978. S. 152-165.

- 38. SHaskol'skij I.P.** Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj nauke. – M., L.: Nau-ka, 1965. – 220 s.
- 39. SHaskol'skij I.P.** Normanskaya problema na sovremennom ehtape // Tezisy dokladov Pya-toj Vse-soyuznoj konferencii po izucheniyu istorii skandinavskih stran i Finlyandii. CH. I. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1971. S. 43-45.
- 40. SHaskol'skij I.P.** Normanskaya teoriya v sovremennoj burzhuaznoj istoriografii // Is-toriya SSSR. 1960. № 1. S. 223-236.
- 41. SHaskol'skij I.P.** O roli normannov v Drevnej Rusi v IX–X vv. // Les paus du Nord et Buzance (Skandinavie et Buzance). – Uppsala, 1981. S. 203-214.
- 42. SHaskol'skij I.P.** «Skandinavskij sbornik». V, VI, VII // Voprosy istorii. 1964. № 11. S. 125-128.
- 43. SHaskol'skij I.P.** Slavyane i normanny na drevnerusskoj ravnine i na beregah yugo-vostochnoj Pribaltiki // XII Konferenciya po izucheniyu istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka skandinavskih stran i Finlyandii. CH. 1. – M., 1993. S. 98-101.
- 44. SHaskol'skij I.P.** Sovremennye normanisty o russkoj letopisi // Kritika novejshej burzhuaznoj isto-riografii. – M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1961. Vyp. 3. S. 335-373.

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К.А. МОСКАЛЕНКО

УДК 371.128.1

НАСЛЕДИЕ ЛИПЕЦКОЙ ШКОЛЫ ПЕДАГОГИКИ

Т.Б. Хорошилова

Цель статьи – охарактеризовать основные идеи педагогической деятельности К.А. Москаленко (объединенный урок, комментирование, поурочный балл, опережающие задания, 40-минутные уроки, пятидневная учебная неделя); Н.Н. Кузьмина (исследование истории профессионального образования, женского образования, истории российских гимназий); С.А. Шмакова (концепция организации досуговой деятельности, летнего и зимнего отдыха детей, вожатские сборы); О.А. Казанского (клубные объединения, педагогическая мастерская, экспериментальная площадка, уроки творчества, школа юного педагога, авторский семинар «Школа общения», лаборатория творческой педагогики). Педагогическое наследие К.А. Москаленко, Н.Н. Кузьмина, С.А. Шмакова, О.А. Казанского – уникальное явление, оказавшее влияние на дальнейшее развитие липецкой педагогической школы.

Ключевые слова: липецкий опыт, педагогическая школа, обучение, профессиональное образование, досуговая деятельность, педагогическая деятельность.

THE LEGACY OF LIPETSK PEDAGOGICAL SCHOOL

T.B. Khoroshilova

The purpose of the article is to characterize the main ideas of the pedagogical school of K.A. Moskalenko (a combined lesson, commenting, per-lesson grading, preparatory tasks, 40-minute lessons, 5-day school week); N.N. Kuzmin (studying the professional education history, female education, the history of Russian gymnasiums); S.A. Shmakov (the concept of organizing free-time activities, summer and winter rest for children, camp-counselors schools); O.A. Kazansky (clubs, pedagogical workshop, experimental platform, art lessons, young teachers' school, the author's seminar "The school of communication", creative pedagogics laboratory.) Pedagogical heritage of K.A. Moskalenko, N.N. Kuzmin, S.A. Shmakov and O.A. Kazansky is a unique phenomenon which influenced further development of Lipetsk pedagogical school.

Keywords: Lipetsk experience, pedagogical school, teaching, professional education, free-time activities, pedagogical practice.

Липецкий государственный педагогический университет славится именами людей, которых по праву можно назвать золотым фондом педагогики, а тот бесценный вклад, который они внесли в развитие образования, – наследием липецкой педагогической школы. Среди них своей педагогической деятельностью особенно выделяются К.А. Москаленко, Н.Н. Кузьмин,

С.А. Шмаков, О.А. Казанский. Их имена известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. Каждый из них прошел путь от преподавателя кафедры (педагогике и психологии, педагогике, методики воспитательной работы) до ее заведования.

Это были люди, для которых педагогическая деятельность стала смыслом жизни, сумевшие скучную дисциплину «Педагогику» превратить в интересную, увлекательную и главное – живую деятельность, причем, не только практическую, но и научно-исследовательскую.

Имя **Константина Александровича Москаленко** связывают с таким педагогическим явлением, как Липецкий опыт. А начиналось все с размышлений Константина Александровича о «бездетности» педагогики, пассивности ученика на уроке, его слабой мотивации к изучению предметов. В организации жизни и деятельности ребенка в школе, по мнению К.А. Москаленко, не может быть мелочей. От того, как будет организована деятельность ученика, зависит успешность его обучения.

И центром внимания педагога-исследователя стал урок – святая святых образовательного процесса – и деятельность ученика в процессе урока. К.А. Москаленко видел главный недостаток организации урока: большая его часть уходит на проверку домашнего задания и практически не остается времени на объяснение нового материала. Основная нагрузка в усвоении нового материала, таким образом, ложилась на плечи учеников и их родителей, что не повышало качество обучения и главное – далеко не всегда обеспечивало понимание учениками

изученного. К.А. Москаленко создает принципиально иной тип урока, получившего название «объединенный», суть которого заключалась во включении учителем в урок нового материала при повторении пройденного. Это давало возможность учителю увеличивать время на усвоение новой темы в процессе урока и обеспечить ученику успешность выполнения домашней работы, минимизировав ее объем.

Новый тип урока предполагал изменение организации деятельности учеников, построение обучения на основе развития их мышления [3, с. 67]. Для решения этой задачи Константин Александрович использовал устный счет, фронтальный опрос, несложные практические задания, позволяющие включать учеников в плодотворную работу с первых минут урока. Он разрабатывает новые методы и приемы, позволяющие активизировать деятельность учащихся и подготовить их к самостоятельной и творческой работе. Одной из таких находок стало комментированное письмо – проговаривание учеником вслух своих действий по ходу выполнения задания, что позволяло учителю выявлять ошибки учащихся, а ученикам осмысливать собственные речевые действия. Другими такими находками стали опережающие задания (они укрепляли мотивацию учеников и давали возможность подготовить учеников к усвоению новой темы задолго до начала ее изучения); ответы учащихся, не вставая с места (это экономило время урока и снижало чувство неуверенности детей); сменные доски (что позволяло учителю расположить на них необходимое количество материала и расширить возмож-

ности для самостоятельной работы учащихся у доски); поурочный балл. Последний предполагал оценку работы учащегося на протяжении всего урока (а не за какой-то отдельный его фрагмент), что оказывало более сильное воздействие на ученика и побуждало его к активной деятельности в процессе урока.

Особое внимание К.А. Москаленко уделял подготовке учащихся к самостоятельной работе, так как она позволяет повысить эффективность урока и обеспечить сознательное усвоение учеником материала: «Когда учащиеся сами приобретают знания в процессе коллективного труда, сами овладевают трудным материалом, тогда у них формируются убеждения и лучшие положительные качества» [4, с. 55]. Определяющую роль в этом играет учитель, который должен научить детей учиться.

Размышления К.А. Москаленко об эффективной организации образовательного процесса привели его к необходимости сокращения урока до 40 минут и пятидневной неделе обучения с резервным днем – субботой, чему способствовала детальная проработка технологии организации деятельности учителя и ученика на уроке.

Идеи К.А. Москаленко, по сути революционные для того времени, стали основополагающими для многих преподавателей кафедры педагогики и учителей-практиков. По мнению С.А. Шмакова, Константин Александрович стал первым педагогом, бросившим валун в мертвое озеро дидактики.

Липецкий опыт получил широкое распространение в СССР, странах Восточной Европы и Азии. Педагогиче-

ские идеи К.А. Москаленко нашли свое продолжение в 70-80-е годы в трудах педагогов-новаторов Ш.А. Амонашвили, С.Н. Лысенковой, В.Ф. Шаталова. В 1996 г. была учреждена премия имени К.А. Москаленко для творческих педагогических работников, а лицей №3 г. Липецка (в то время еще школа), где Константин Александрович проводил эксперимент по внедрению своих идей, носит его имя.

Николая Николаевича Кузьмина с полным правом можно назвать образцом высочайшей культуры исследователя-историка, ученого. Область его научных интересов – исследование процессов реформирования отечественной школы первой половины XX века, история профессионального образования, женского образования, методология истории педагогики. Он исследовал огромный пласт истории профессионально-педагогического образования в дореволюционной России (в частности, учительские семинарии и учительские институты). Основой для его исследования послужили сотни документов региональных и центральных архивов. В его монографиях вырисовывается целостная картина системы профессионального образования в России в различных отраслях, представлена история развития профессионального образования на региональном уровне (учебные заведения Урала), проанализировано развитие профессионально-технического, коммерческого, сельскохозяйственного образования.

Н.Н. Кузьмин – авторитетный ученый союзного масштаба, являющийся автором разделов по профессиональному образованию в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР»

(1973, 1976, 1987, 1991 г.). Он научный редактор и автор коллективной монографии «Очерки истории профессионально-технического образования в СССР» (1981 г.), соавтор учебных пособий для студентов по истории образования и методике научно-педагогического исследования студентов.

Особую ценность для осмысления вопросов профессионального образования представляет опубликованная Н.Н. Кузьминым антология «Русские педагоги и деятели народного образования о трудовом воспитании и профессиональном образовании», в которой отражены концепции двадцати семи деятелей отечественного просвещения, включая И.И. Бецкого, Н.А. Корфа, М.В. Ломоносова, Г.В. Плеханова, К.Д. Ушинского и других.

Статьи Николая Николаевича печатали самые авторитетные отечественные журналы. На страницах журнала «Народное образование» были опубликованы исследованные им материалы о советской педагогике 30-х годов и истории российских гимназий. Многие ответы для развития педагогической науки Н.Н. Кузьмин находил в истории педагогики, тем самым делая историю науки фундаментальным источником решения актуальных проблем.

Деятельность Н.Н. Кузьмина была оценена высокими наградами в сфере образования – медалью К.Д. Ушинского, первой премией АПН СССР имени К.Д. Ушинского.

Имя ученого, филолога, публициста, педагога **Сталь Анатольевича Шмакова** стоит в одном ряду с именами выдающихся педагогов-новаторов. География его педагогической деятельности и широта интересов поражают. Но

для огромного количества людей он был и остается непревзойденным мастером досуговой деятельности, королем игры. Исследуя игру как феномен культуры, С.А. Шмаков явился основоположником концепции игрового обучения ребенка и организации школьного досуга: «Первая культура, которую создал человек – это игровая культура, основанная на традициях труда, социальной деятельности. Воспитание детей – самый запутанный и сложный вид творчества человека. Он требует создания... цивилизованной школы, в которой необходимо найти место преобразующей игре, хранящей духовный потенциал общечеловеческих ценностей» [5, с. 275].

Любая концепция – это теоретическая разработка проблемы, требующая практического воплощения. И С.А. Шмаков претворял идеи в жизнь, заражая своей энергией, удивляя работоспособностью и масштабом кипучей деятельности. Он основал и стал руководителем педагогического клуба «Радуга», воспитавшим не одно поколение педагогов-организаторов досуга школьников. Для «радужан» творчество стало педагогическим кредо. Работая над проблемой целенаправленной организации свободного времени школьника, Сталь Анатольевич руководит лабораторией «Досуг школьника» на базе школ № 24 и № 75 г. Липецка. Многие формы работы, которые родились здесь (длительные походы и экспедиции по стране, клубные объединения, педагогические классы), стали традициями в жизни школ. С.А. Шмаков разрабатывает проект и курирует строительство круглогодичного лагеря «Прометей»; организует

проведение учебно-методических лагерных сборов, ставших педагогической школой подготовки студентов к работе вожатыми; разрабатывает технологию проведения педагогически насыщенных зимних каникул «Снежная республика». Понимая важность просветительской деятельности, он выступает с докладами и лекциями во многих городах России и Европы; участвует в создании проекта педагогического журнала «Мир образования»; издает огромное количество педагогических трудов, среди которых не только статьи, пособия, но и книги «Ее величество игра», «Каникулы», «Досуг школьника», «Нетрадиционные праздники в школе». В них воплощены его замыслы, взгляды, педагогическая позиция.

Одаренность и разносторонность его натуры проявилась и в написании и издании сборников песен, пьес для кукольных театров, сценариев публицистических фильмов для телеканалов.

Педагогическое наследие С.А. Шмакова – уникальное явление, оказавшее влияние не только на развитие липецкой педагогической школы, но и на российскую педагогическую действительность.

Педагогическая деятельность **Олега Анатольевича Казанского** – это постоянное осмысление и поиск решения актуальных проблем: школа как мир, учение как любовь, нравственные аспекты урока, учитель и творчество. Его интересовала школа, «из которой ученики и учителя не убегают сломя голову после занятий, не закрываются друг от друга учебниками, журналами и тетрадями, а такая, где каждый друг другу нужен, где есть место и учителю,

и ученику, потому что главным является Человек» [1, с. 3].

И Олег Анатольевич разрабатывал идею принципиально иной школы – в которой ученик учился бы думать, а не просто что-то делать, повторяя за учителем; задавать вопросы и искать самостоятельно на них ответы; где мысли всегда правильные, хотя и не очень «причесанные», где есть место ПОЭЗИИ и ТЕАТРУ, ФАНТАЗИИ и ОБЩЕНИЮ, ТВОРЧЕСТВУ и ИГРЕ. Его интересовала школа не обновленная, а совершенно другая: как МИР МЫШЛЕНИЯ, ОТНОШЕНИЙ, как МИР ПРЕОБРАЗОВАНИЯ человеком самого СЕБЯ. И главное – школа, где есть ЛЮБОВЬ.

Эта идея школы как мира воплощалась О.А. Казанским в самых разных его проектах:

– в разрабатываемых новых учебных курсах для студенческой аудитории: «Человек как предмет педагогики», «Школьник: его формирование и развитие», «Педагогическая деятельность как процесс», «Образование как трансляция культуры»;

– в авторском семинаре «Школа общения», который он вел в самых разных городах: Алма-Ате, Березниках, Владивостоке, Владимире, Гурзуфе, Новосибирске, Перми, Рязани, Туле, Ялте;

– в организации и руководстве клубных объединений: дискуссионного клуба «Точка зрения», театра «Контуры», киноклуба «Восхождение», которые по сути были экспериментальной лабораторией педагога-мастера, своеобразной культурной зоной общения студентов и преподавателей. Для многих О.А. Казанский как ведущий киноклуба стал первооткрывате-

лем имен и творчества таких режиссеров, как Анджей Вайда, Эмиль Кустирица, Акира Куросава, Федерико Феллини, Андрей Тарковский и других. Это было своеобразное восхождение каждого по ступенькам знаний, культуры на олимп кинематографа, а через содержание фильмов – и восхождение к самому себе, открытие в себе себя другим средствами искусства. Потому что искусство позволяет прожить нам множество жизней и посмотреть на мир глазами других – режиссера, оператора, героев фильма, соотнести свою точку зрения, свой взгляд на мир с представлениями других людей и стать отправной точкой к изменению себя;

– в интеллектуальных играх (ОДИ), в которых в ситуацию мыследеятельности погружались не только студенты, преподаватели, но и учителя, ученики. «Я и время», «Мое я через N лет», «Образование себя», «Педвуз глазами первокурсника» – это далеко не все темы, разрабатываемые на играх. После них участники выходили обновленными, утрачивались стереотипы мышления;

– в «Уроках творчества» для учащихся школ (урок мышления, поэзии, фантазии, общения, театра);

– в организации лаборатории творческой педагогики, ставшей экспериментальной площадкой для молодых преподавателей педагогики.

Важнейшей особенностью педагогической деятельности является то, что она от начала и до конца представляет собой процесс взаимодействия людей, в первую очередь учителя и ученика. И это взаимодействие осуществляется в форме личностных отношений. Эта

особенность подчеркивает важность в педагогической деятельности нравственных аспектов. Развивая традиции педагогической школы К.А. Москаленко, касающиеся организации урока, О.А. Казанский разрабатывает его нравственные основы:

– урок как лаборатория мысли, где ценным становится процесс познания и радость открытия, а не результат, не проверка памяти и посещаемости учащихся;

– многообразие видов и методов деятельности, а не традиционный путь от проверки домашнего задания к объяснению нового материала и от него к домашнему заданию;

– организация успеха и выявление непохожести каждого, а не поиск виновных и ленивых, деление детей на слабых и сильных;

– атмосфера доброжелательности, уважения и доверия, а не атмосфера подозрения, вины, скованности, пугливости;

– взаимопонимание и сотрудничество, когда и учитель, и ученик заинтересованы в успехе друг друга [2, с. 54].

Педагог, задающий нравственный ракурс урока, помогает ученику приобретать внутренние установки, ценности и идеалы, которыми он сможет руководствоваться в жизни, не нуждаясь во внешнем контроле со стороны родителей, школы, полиции и др.

Педагогическая деятельность К.А. Москаленко, Н.Н. Кузьмина, С.А. Шмакова, О.А. Казанского – это образец служения своей профессии, развития лучших традиций прошлого и источник новаторских идей современности.

Итог деятельности каждого из них можно оценить по трем направлениям:

– собственная педагогическая деятельность;

– литературное наследие;

– научная педагогическая школа, которую каждый из них создал.

Они воспитали достойных учеников. Сегодня их последователи работают учителями в школах, преподавателями в вузах, продолжая и развивая тради-

ции липецкой педагогической школы. И даже выбирая иной путь, каждый из них остается учеником своего учителя, поскольку учит пришедших к ним учеников именем своего Учителя, тем самым обеспечивая притягательность и бессмертие его идей.

Список литературы

1. **Казанский О.А.** Игры в самих себя. – М.: Роспедагентство, 1995. – 127 с.
2. **Казанский О.А.** Педагогика как любовь. – М.: Российское педагогическое агентство, 1996. – 133 с.
3. **Москаленко К.А.** Как должен строиться урок: в порядке обсуждения // Народное образование. 1959. № 10. С. 64-71.
4. **Москаленко К.А.** Психолого-педагогические основы объединенного урока // Сборник педагогических статей. – Липецк, 1995. – 144 с.
5. **Шмаков С.А.** Избранные сочинения: Научные труды. – Липецк: Неоновый город, 2009. Том 1. – 623 с.

References

1. **Kazanskij O.A.** Igrы v samih sebya. – M.: Rospedagentstvo, 1995. – 127 s.
2. **Kazanskij O.A.** Pedagogika kak lyubov'. – M.: Rossijskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1996. – 133 s.
3. **Moskalenko K.A.** Kak dolzhen stroit'sya urok: v poryadke obsuzhdeniya // Narodnoe obrazovanie. 1959. № 10. S. 64-71.
4. **Moskalenko K.A.** Psihologo-pedagogicheskie osnovy ob"edinennogo uroka // Sbornik pedagogicheskikh statej. – Lipeck, 1995. – 144 s.
5. **SHmakov S.A.** Izbrannye sochineniya: Nauchnye trudy. – Lipeck: Neonovyy gorod, 2009. Tom 1. – 623 s.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 130.12

ОБРАЗЫ РОССИИ И ЕЕ МЕСТА В МИРЕ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Беляев, Р.Ю. Батищев, А.А. Линченко

В статье рассматриваются образы России и геополитические представления российской студенческой молодежи. На материале проведенного социологического исследования авторы обосновывают мысль о наличии определенного роста «экспансионистских» устремлений и сохранении неопределенности во мнении относительно дальнейших политических и культурных границ России. Показано, что респонденты вкладывают в понятие «Россия» историческую и геополитическую коннотацию, видя необходимость возвращения территории к границам Российской империи или СССР. Российская молодежь сохраняет высокий уровень неопределенности в отношении понимания проблемы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в стране. Исследование показало также и сохранение определенной гомогенности исторической памяти в России. Были выявлены наиболее вероятные «друзья» и «враги» России в сознании современного российского студенчества.

Ключевые слова: геополитические представления, образы России, «русский мир», пространственные образы.

THE IMAGES OF RUSSIA AND IT PLACE IN THE WORLD IN THE GEOPOLITICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIAN STUDENTS

E.V. Belyaev, R.J. Batishev, A.A. Linchenko

The images of Russia and the geopolitical ideas of Russian student youth have been examined in the article. On the basis of the sociological survey, the authors substantiate the idea of the existence of a certain growth of "expansionist" aspirations and the persistence of uncertainty about the further political and cultural borders of Russia. It was shown that respondents put the historical and geopolitical connotation in the notion of "Russia", seeing the need to return the territory to the borders of the Russian Empire or the USSR. Russian youth maintain a high level of uncertainty regarding the understanding of the problem of interaction between federal and regional authorities in the country. The study also showed the preservation of a certain homogeneity of historical memory in Russia. The most probable "friends" and "enemies" of Russia in the minds of modern Russian students were identified.

Keywords: geopolitical representations, images of Russia, "the Russian world", spatial images.

**Подготовлено при поддержке гранта РФФИ 16-33-01019
«Государственная политика памяти в Российской Федерации:
философские основания и стратегии реализации»**

Как известно, социальное пространство и его образы создаются культурой, которая их осознает, живет ими, воспроизводя и транслируя их. Не менее интересны в этой связи образы государства и его места в мире в представлении ее граждан. Было бы ошибкой полагать, что подобные образы являются только результатом манипулирования со стороны средств массовой информации и политических сил. Скорее, имеет место сложное взаимовлияние массовых представлений и официальной политики, которая подчас оказывается вынужденной учитывать транслируемые из прошлого массовые общественные настроения и стереотипы, ценности и ориентиры, вплетая их в определенную систему управления. Исследователи отмечают, что «географические образы можно целенаправленно формировать и культивировать. Задача состоит в том, чтобы построить логическую систему взаимодействующих образов» [5, с. 72]. Авторами постулируется особая область знания – критическая геополитика, ключевым понятием которой оказывается «геополитическое видение мира, под которым понимается набор общественных представлений о соотношении между различными элементами политического пространства, национальной безопасности, и угрозах ей, выгодах и потерях определенной внешнеполитической стратегии» [4]. События последних лет вновь актуализировали тему образов России и ее отношений с окружающим миром. Более

того, взгляды россиян и в первую очередь молодых россиян оказываются важным источником для государственной политики.

Весной 2016 года нами было проведено исследование образов России и мира в геополитических представлениях российской студенческой молодежи. Эмпирической базой нашего исследования являются данные, полученные в ходе социологического исследования студентов 1-4 курсов. В ходе исследования в трех российских городах – Саратове, Липецке и Тамбове нами было опрошено 524 человека в возрасте от 18 до 24 лет. Из них – 339 девушек и 185 юношей. В ходе исследования была использована квотная выборка. В качестве основных признаков формирования выборки выступили такие категории, как пол и возраст. Результаты нашего исследования были сопоставлены с исследованиями все-российского масштаба. Исследование было разделено на три тематических блока: представления молодых россиян о будущем России и ее образах, представления о взаимоотношениях центра и регионов, представления о месте России в мире, ее «друзьях» и «врагах».

Представим вниманию читателей результаты ответов на вопросы первого блока. Первый вопрос анкеты (рис. 1) посвящен пониманию респондентами границ России. Данный вопрос направлен на выявление понимания Родины как некоего исторического, геополитического, идеологиче-

ского или иного пространства. Для половины респондентов (53,17%) Родина мыслится в категориях пространственной локализации, как определенное пространство, имеющее границы. Около трети (27,2%) отождествляют Родину с местом рождения, с домом. Здесь также подразумевается пространственная локализация, которая имеет более эмоциональную и, вероятно, гораздо более узкую смысловую коннотацию. Ответы студенческой молоде-

жи подтверждают выводы кросс-культурного исследования в 2000 г. и выявляют, что самоидентификация российских подростков во многом основывается на привязанности к пространству и территории в то время как их немецкие сверстники более привязаны к культурной идентификации [7, с. 602].

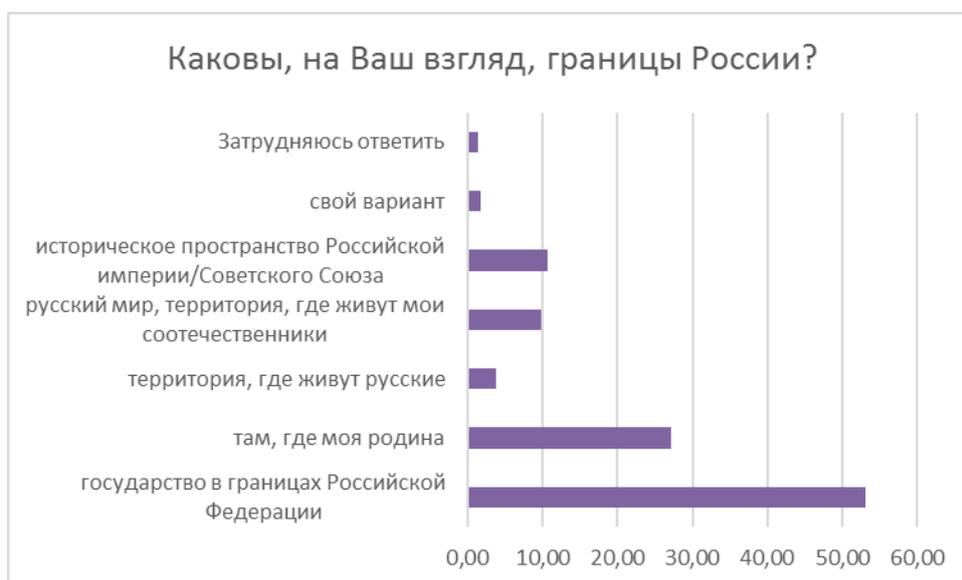

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, границы России? Для меня Россия – это...»

Весьма симптоматично, что по одной десятой части респондентов определяют Родину в границах так называемого «Русского мира» (9,8%), а также исторического пространства Российской империи/ СССР (10,63%). Выходит, что для более чем 20% границы России детерминируются, скорее, идеологическими моделями, нежели пространственными. Пространство России мыслится более масштабно, объемно с уче-

том исторического опыта, а также наличия определенных интересов.

В вариативном вопросе о вероятности изменения границ России в течение ближайших 15-20 лет (рис. 2) наблюдаются следующие закономерности. Большинство респондентов (56,8%) уверены, что границы России изменятся в сторону расширения. При этом наиболее экспансионистские настроения преобладают у жителей Липецкой области: 68,3% респонден-

тов полагают, что границы России расширятся. Менее 4% опрошенных полагают, что Россия понесет территориальные потери. Показательным в этом вопросе является то, что 20,93% затруднились ответить. Очевидно, это

связано с самой постановкой вопроса: россиянам все сложнее прогнозировать будущее, тем более в такой отдаленной хронологической перспективе.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, изменятся ли границы России в ближайшее время?»

На вопрос «Чем для Вас является Россия?», ответы распределились практически равномерно: треть респондентов (30,2%) соотнесли данное понятие с государством, чуть более трети (31,3%) – идентифицируют Россию с местом рождения и жизни, с семьей и домом, наконец, немногим менее трети ответивших (28,1%) – с понятием Родина в самом высоком смысле слова. Это означает, что у россиян нет устоявшегося, единого представления о России как

о чем-то конкретном, формально или неформально определенном. Смысловые значения России могут определяться территориально, ценностно, идеологически. Отметим также невысокий процент респондентов, определивших, что Россия во многом представляет собой искусственное образование: всего 1,83% респондентов оказались настроены, в определенном смысле, нигилистически (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Чем для Вас является Россия?»

Подводя итог данному блоку вопросов, отметим высокую степень соотношения России с ее пространственным измерением. В то же самое время довольно значителен процент людей, вкладывающих совершенно иные, идеологические, геополитические смыслы в данное понятие. Можно предположить, что люди, полагающие, что границы нашей страны расширятся, вкладывают в понятие «Россия» историческую и геополитическую коннотацию, видя необходимость возвращения территории к границам Российской империи или СССР. Данные выводы оказываются созвучными представлениям россиян о крахе СССР [6].

Следующий блок вопросов был посвящен проблемам федерализма в России, а именно – взаимоотношению центра с субъектами федерации и возможными потенциальными проблемами в этой плоскости. В частности, в вопросе № 4 респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале, насколько ярки и сильны в России регионы в сопоставлении с федеральным центром. Этот вопрос нацелен на сопоставление позиций федерации и субъектов. Результаты распределились следующим образом (рис. 4).

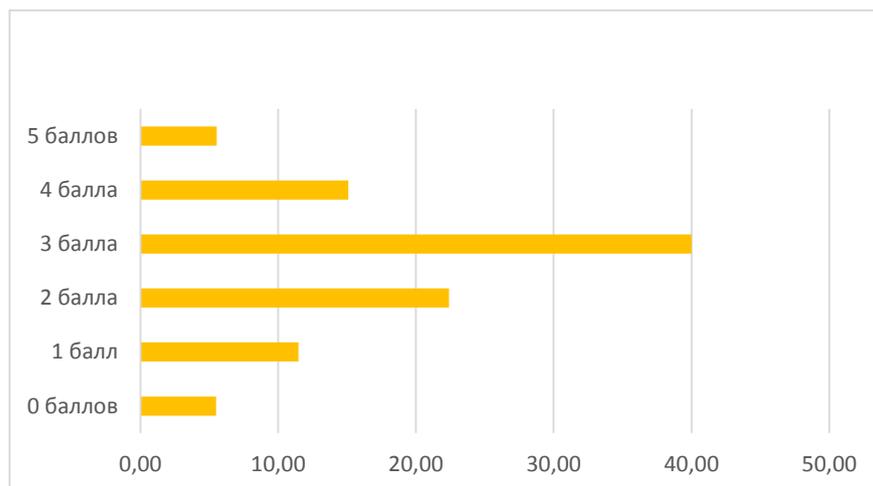

Рис.4. Распределение ответов на вопрос «Оцените по 5-балльной шкале, насколько яркие и сильны в России регионы в сопоставлении с федеральным центром?»

Как видно, большинство респондентов (40%) оценили значимость и силу регионов на 3 балла, что вполне укладывается в логику среднего значения, отражающего позицию между одним и другим. Выходит, что в соответствии с мнением большинства центр не сильнее и не значимее других регионов федерации. Вместе с тем около 20% респондентов полагают, что регионы по сравнению с центром гораздо весомее, ярче и значимее. В то же самое время по-прежнему сильны позиции у тех, кто считает, что все решается в Москве, что позиции регионов слабее и они менее значимы: в общей совокупности таких также около 40%. На рисунке 5 отражены ответы на вопрос, какие тенденции в отношениях федерального центра и регионов преобладают сегодня. Весьма характерны позиции большинства респондентов (43,6%), считающих, что в настоящий

момент наблюдается тенденция к усилению федерального центра. Это связано с трендами текущей политики. При этом, примерно одинаково распределились голоса тех, кто считает, что наблюдается тенденция к равноправию (18,9%) в отношениях и тех, кто уверен, что наблюдается тенденция к усилению регионов (18,27%) по сравнению с центром. Значительная часть опрошенных не просто не верят в возможное усиление позиций центра, напротив, они считают, что в перспективе возможны иные сценарии, в том числе связанные с возможным усилением позиций регионов. Весьма показательно, что значительная часть респондентов (19,3%) на этот вопрос затруднились ответить. Это означает, что текущая повестка важнее возможных сценариев развития государственности и занимает большее место в общественном сознании.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Какие тенденции в отношениях федерального центра и регионов преобладают сегодня?»

Достаточно равномерно распределены ответы респондентов на вопрос о том, какой тенденции стоит больше опасаться. Большая часть (37,9%) уверены, что стоит опасаться значительного усиления федерального центра, чуть более трети (31,5%) полагают, что большую опасность представляет усиление самостоятельности регионов, наконец, другая треть опрошенных (30,6%) затруднились ответить. Данные подчеркивают обеспокоенность общества чрезмерным «перетаскиванием одеяла» от регионов в сторону центральной власти. Таким образом, проведенный анализ отражает двойственную картину: с одной стороны, для респондентов очевидны позиции центра по сравнению с регионами, с другой – существует немалая доля опрошенных, которая хотела бы вернуть определенный статус-кво в отношениях между центром и субъектами федерации.

Следующий блок вопросов (10-14) посвящен представлениям о месте России в мире, ее геополитическим

позициям, «друзьям» и «врагам» нашей страны. Десятый вопрос раскрывает историческую роль России в мировой истории. Вполне предсказуемо, что абсолютное большинство респондентов (91,2%) оценивают роль России положительно, либо скорее положительно, чем отрицательно. Всего 2,4% ответивших полагают, что Россия сыграла отрицательную роль в мировой истории.

Вопрос № 11 являлся открытым для респондентов и формулировался так: «Какие наиболее знаменательные события во всех сферах жизни общества характеризуют роль нашей страны в истории человечества? Назовите, на Ваш взгляд, пять самых важных событий». Анализ ответов респондентов отражает следующие закономерности: в отношении первых двух событий наблюдается относительная гомогенность: наиболее значимым событием респонденты считают победу СССР в Великой Отечественной войне (51,4% – г. Липецк, 39,6% – г. Тамбов, 48,9% – г. Саратов). На втором месте – полет Ю.А. Га-

гарина в космос (23% – г. Липецк, 18,7% – г. Тамбов, 22,7% – г. Саратов). На третьем месте у респондентов Липецка и Тамбова (19,23% и 13,9% соответственно) – воссоединение Крыма с Россией, в то время как у респондентов Саратова таким событием стала Октябрьская революция 1917 года.

Наиболее распространенными ответами на данный вопрос по степени ранжирования были: распад СССР, Олимпиада 2014 года, участие России в Первой мировой войне, крещение Руси. Как видим, наиболее значимые события определяются россиянами прежде всего в контексте внешнеполитической повестки. Даже такое значимое событие общемирового значения, как полет Ю.А. Гагарина в космос может быть рассмотрено через призму противостояния времен «холодной войны». Суммируя результаты исследований 2001, 2003, 2010 и 2015 гг., отечественные авторы отмечают, что в первую тройку достижений, которыми стоит гордиться, входят Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., освоение космоса (полеты в космос), развитие науки и НТП. Характерно, что с 2015 года четвертое место заняла позиция «Воссоединение России с Крымом» [10, с. 103]. Более того, подтверждается вывод исследования ИС РАН 2009 г., показавшего, что историческое сознание молодежи продолжает оставаться вплетенным в историческое сознание предыдущих поколений [1, с. 31].

Вопросы 12, 13 посвящены представлениям россиян о друзьях и врагах России. «Друзьями» России можно называть те страны, которые в текущей геополитической реальности являются

наиболее дружественными нам государствами, в представлении россиян.

Как видно в таблице 1, в списке наиболее дружественных держав весьма немного стран постсоветского пространства: кроме традиционно дружественной нам Белоруссии в первую пятерку попали лишь Казахстан и Армения. Наиболее дружественными странами, кроме уже упомянутых, с точки зрения россиян, являются Китай, Индия, Япония, КНДР – все эти страны (за исключением разве что Японии) являются традиционными нашими партнерами еще с советских времен. Текущая геополитическая повестка также усиливает сложившуюся картину представлений: в целом, после введения антироссийских санкций был озвучен «поворот на Восток». Президент В.В. Путин, председатель правительства Д.А. Медведев и другие члены правительства регулярно встречаются с представителями вышеуказанных стран как в рамках двухсторонних встреч, так и на саммитах.

Теперь рассмотрим, какие страны, с точки зрения респондентов, наиболее враждебно относятся к России, или, иначе говоря, являются «врагами России» (таблица 2). Первое место занимают США: в среднем 62,6% считают эту страну враждебной России. На втором месте недружественных стран у респондентов г. Липецка и г. Саратова значится Украина (38,46% и 39,2% соответственно), а у респондентов г. Тамбова – Турция. Если Украина как и США не сходит с текущей информационной повестки, то появление в списке врагов Турции объясняется возникшим 24 ноября 2015 года инци-

дентом, связанным с уничтожением российского Су-24 в Сирии.

Остальные страны, попавшие в список, также весьма четко укладываются в нынешнюю информационную парадигму: Германия, Великобритания, Республика Польша, а также страны Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония). Стоит заметить, что ответы представителей студенчества полностью соответствуют опросам Левада-центра [2, 3]. В марте 2017 года было выявлено сохранение негативного отношения к США и ЕС, а также незначительные колебания при общей негативной позиции в отношении к Украине [8].

Таким образом, российская молодежь продолжает воспроизводить традиционные пространственные образы и стереотипы репрезентации России, демонстрирует определенный рост «экспансионистских» устремлений и сохраняет неопределенность во мнении относительно дальнейших политических и культурных границ Рос-

сии. Респонденты вкладывают в понятие «Россия» историческую и геополитическую коннотацию, видя необходимость возвращения территории к границам Российской империи или СССР. Исследование также выявило нарастание в сознании респондентов точки зрения относительно усиления федерального центра в сравнении с регионами. Вместе с тем, как показало исследование, российская молодежь сохраняет высокий уровень неопределенности в отношении понимания проблемы взаимодействия федеральных и региональных органов власти в стране. Исследование показало также и сохранение определенной гомогенности исторической памяти в России, а также выявило вполне ожидаемый набор «друзей» и «врагов» России, актуальный нынешней внешнеполитической повестке и информационной политике федеральных средств массовой информации.

Список литературы

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции и историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 5-36.
2. Друзья и враги России. 09.06.2009 г. Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2009/06/09/druzya-i-vragi-rossii/> (дата обращения: 11.12.2017).
3. Друзья и враги России. 05.06.2017 г. Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (дата обращения: 11.12.2017).
4. Колосов В.А., Вендина О.И. Геополитическое видение мира, идентичность и образы друг друга в представлениях молодых жителей Калининграда, Гданьска и Клайпеды // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С. 7-29.
5. Колосов В.А. Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // Вестник ДВГСГА. Серия 1. Гуманитарные науки. 2008. №1 (1). С. 72-91.
6. Ловушки памяти. 23.12.2016. Левада-центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2016/12/23/lovushki-pamyati/> (дата обращения: 11.12.2017).
7. Немчинов В.М. Эмпирическое исследование исторического сознания подростков в Германии и России // Славяно-германские исследования / А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг (ред.). М.: Наука, 2000. С. 598-608.
8. Россия и мир. Левада-центр. 10.04.2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/10/rossiya-i-mir-3/> (дата обращения: 11.12.2017).

9. **Покида А.Н., Зыбунувская Н.В.** Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98-107.

References

1. **Gorshkov M.K., SHeregi F.EH.** Molodezh' Rossii: demograficheskie tendencii i isto-riceskoe soznanie // Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2009. № 6. S. 5-36.
2. **Druz'ya i vragi Rossii.** 09.06.2009 g. Levada-centr [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2009/06/09/druzya-i-vragi-rossii/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
3. **Druz'ya i vragi Rossii.** 05.06.2017 g. Levada-centr [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
4. **Kolosov V.A., Vendina O.I.** Geopoliticheskoe videnie mira, identichnost' i obrazy drug druga v predstavleniyah molodyh zhitelej Kaliningrada, Gdan'ska i Klajpedy // Baltijskij region. 2014. № 4 (22). S. 7-29.
5. **Kolosov V.A.** Geograficheskie obrazy i geopoliticheskie predstavleniya: puti formirovaniya i podhody k izucheniyu // Vestnik DVGSGA. Seriya 1. Gumanitarnye nauki. 2008. №1 (1). S. 72-91.
6. **Lovushki pamyati.** 23.12.2016. Levada-centr [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2016/12/23/lovushki-pamyati/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
7. **Nemchinov V.M.** EHmpiricheskoe issledovanie istoricheskogo soznaniya podrostkov v Germanii i Rossii // Slavyano-germanskie issledovaniya / A.A. Gugin, A.V. Cimmerling (red.). M.: Nauka, 2000. S. 598-608.
8. **Rossiya i mir.** Levada-centr. 10.04.2017 g. [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/10/rossiya-i-mir-3/> (data obrashcheniya: 11.12.2017).
9. **Pokida A.N., Zybunovskaya N.V.** Dinamika istoricheskoy pamyati v rossijskom obshchestve (po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa) // Sociologicheskie issledovaniya. 2016. № 3. S. 98-107.

УДК 371.13

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
И АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРОЦЕДУР
СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ
АДАПТИВНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ**

Ю.В. Шмарион

Статья посвящена теоретическим основам социального проектирования образовательных систем, функционирующих в динамичной социально-экономической среде. Показана возможность процессной декомпозиции образовательных систем, на базе которой с помощью системного и синергетического подхода удастся построить модели и алгоритмы образовательных систем, обладающие свойством адаптации и самообучения.

Ключевые слова: образовательная система, адаптация, самообучение, процессный, системный и синергический подходы, моделирование, алгоритмизация.

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF MODELING
AND ALGORITHMIC PROCEDURES
THE SOCIAL DESIGN OF ADAPTIVE EDUCATIONAL SYSTEMS**

Yu.V. Shmarion

The article is devoted to the theoretical foundations of social design of the educational systems, functioning in dynamic socio-economic environment. The possibility is shown of the process of decomposition of educational systems, which through systematic and synergetic approach, we can develop models and algorithms for educational systems with the property of adaptation and learning.

Key words: educational system, adaptation, self-study, process, system and synergetic approaches, modeling, algorithmization.

Образовательная система (ОС), являясь частью быстро меняющегося общества, представляется сложной динамической социальной системой. Современная эффективная ОС, работающая в такой сложной среде, естественно, должна быть адаптивной на всех управленческих уровнях, что обеспечит ей возможность реализовать новые качества самообучения и саморазвития, которые послужат основой для возрастания упорядоченности и организованности ОС.

Активное изучение явления адаптации для решения прикладных управленческих задач приходится на начало XX века. Истоки исследования адаптации как общественного явления фрагментарно представлены в рамках классических концепций развития общества. В прикладных исследованиях европейских и американских социологов рассматриваются различные аспекты адаптационных возможностей личности, малых и больших социальных групп и более сложных социальных

структур. В 60-90 годы XX века отечественные социологи не уделяли внимания социальной адаптации. Отдавая должное труду ученых, которые занимались разработкой актуальных проблем социальной адаптации, следует признать, что до настоящего момента нет еще социологической теории адаптации, которая объединила бы и систематизировала зачастую достаточно разрозненные представления и конкретные знания о закономерностях адаптации социальных систем и человека.

О потребности в использовании принципов адаптации в рамках функционирования ОС и системы образования в целом приводят аргументированные доводы системно мыслящие представители педагогической науки и педагоги-новаторы.

Однако несмотря на потребности педагогической практики и объективное желание педагогов-практиков использовать алгоритмы адаптации социальных систем для создания и функционирования образовательных систем и комплексов систематизированное изложение теоретических основ адаптивных и саморазвивающихся ОС отсутствует.

Под адаптацией мы понимаем процесс приспособления социальной системы к внутрисистемным и внесистемным изменениям посредством модификации структуры, алгоритмов и параметров системы на базе регулярно поступающей количественной информации об управляемой системе и среде, в которой она пребывает. Причем, изменения структуры, алгоритмов и параметров системы осуществляются для достижения поставленной цели –

оптимального социального результата при ограниченных ресурсах. Адаптивные системы способны приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям работы, постоянно совершенствуя свою деятельность по мере накопления информации о функционировании самой системы и об изменяющейся внешней среде системы. В таких условиях неадаптивная система будет работать неудовлетворительно, а для того чтобы она работала эффективно, ее необходимо либо постоянно модернизировать, либо иметь неограниченные ресурсы для обеспечения ее работы.

Среди многообразия форм адаптивных систем наиболее часто встречаются оптимальные адаптивные системы.

Адаптивная образовательная система (АОС) может быть описана корректно в терминах системного и синергетического подхода. АОС является сложной многомерной динамичной социальной системой, что затрудняет множественные процедуры трансформации структур, алгоритмов и параметров системы. С позиций синергетического подхода для решения такой проблемы используют процедуру выделения параметров порядка, с помощью которых можно сравнительно просто описать сложную социальную систему, каковой является ОС. Мы полагаем, что интегральными параметрами порядка для ОС являются процессы. Процессная декомпозиция сделала проблему адаптивного социального проектирования и управления обозримой для решения. Процесс как параметр порядка в применении к текущему состоянию ОС определяется как системная совокупность действий,

входящая во все объекты, свойства и связи компонентов системы, ориентированная на получение результата. С помощью многоконтурной обратной связи осуществляется перестройка системных объектов, свойств и связей существующей системы, а также адаптация, обучение и самоорганизация системы.

Для социального проектирования АОС посредством системного анализа определяется соотношение между свойствами системных объектов и связями. Количественная информация о свойствах системы позволяет построить модель системы. А связи, ориентированные на реализацию конкретных функций, интегрируют объект управления и его свойства в системном процессе. В образовательной системе связи первого уровня функционально необходимы и определяют существом основного (педагогического) процесса. Мотивационной основой функциональных связей первого уровня являются стимулы. Функциональные связи второго уровня имеют социальную природу, и хотя они не являются функционально необходимыми, именно их наличие обычно значительно улучшает функционирование системы, способствует формированию адаптивных свойств ОС и достижению высокого качества образовательных услуг.

Социальное проектирование и социальное управление АОС предполагают широкое использование аппарата моделирования.

Образовательная система является сложной системой и может быть описана как "черный ящик" с n входами ($X_i, i=1\dots n$) и m выходами ($Y_j, j=1\dots m$),

что затрудняет процесс идентификации системы в целом. При построении модели такого сложного объекта всегда возникает проблема его декомпозиции. Для корректного разрешения проблемы интегральных параметров порядка ОС мы выберем процессы. Формулируя принцип приоритетности процессного анализа моделируемых образовательных систем и комплексов, подчеркнем, что в этом контексте ключевым словом является «моделируемых», а вспомогательным – «процессного». В процессном анализе нас не интересуют процессы образовательных систем как таковые, для нас важным является то, что процессы наиболее полно отображают динамику функционирования образовательных систем, могут быть описаны моделями, в которых, возможно, увязаны социологические характеристики с экономическими, технологическими и иными параметрами, определяющими сущность исследуемых процессов в ОС.

Таким образом, предлагаемая нами процессная декомпозиция позволяет говорить о моделируемых ОС. Именно в этом контексте сформулированный принцип приоритетности процессного анализа ОС, функционирующий в динамичной социально-экономической среде, представляется важной теоретико-методологической задачей, требующей проведения оригинальных исследований, устанавливающих связь между сложностью исследуемой системы и ее декомпозируемым множеством, дающим нам ключ к решению проблемы снижения сложности. В результате проведения подобного исследе-

дования синтез моделей подсистем ОС становится возможным и реальным.

Очевидно, что модели ОС необходимы, если ставится задача синтеза моделей подсистем ОС, для целей оптимизации, управления, адаптации. Отталкиваясь от априорных сведений об ОС, в соответствии со сформулированным нами принципом приоритетности процессного анализа моделируемых ОС необходимо выполнить этап процессной декомпозиции. Эта сложная процедура требует установления связи между сложностью ОС и ее допустимым декомпозируемым множеством.

Определение этой связи дает ключ к решению проблемы снижения сложности ОС. В такой постановке реализация принципа приоритетности процессного анализа ОС может быть сведена к решению задачи минимизации ее сложности. Согласно рекомендациям Л.А. Растригина [5, с. 85-86], упрощение задачи синтеза модели разумно вести по двум направлениям: каждый элемент декомпозируемой системы должен быть проще исходной (недекомпозируемой) системы и вместе с этим независимо от сложности элементов целесообразно проводить экспертное ранжирование входов и выходов каждого элемента. При этом Л.А. Растрингин полагает, что сложность должна учитывать лишь количество входов и выходов, а также должна быть монотонно возрастающей функцией от количества входов и выходов, при этом число входов сильнее влияет на сложность, чем число выходов и, наконец, функция сложности должна быть аддитивной, т.е. если ОС состоит из K подсистем, то его сложность равна сумме сложностей этих подсистем.

Рассматривая ОС как социальную систему, целесообразно выделить процессы внешние, связывающие вход и выход ОС, пронизывающие ее на протяжении всей деятельности ОС и выходящие на конечный результат, и процессы внутренние, не выходящие на конечный результат. Кроме того, процессная декомпозиция фокусирует свое внимание на выделении основных и вспомогательных процессов и определении характера их взаимодействия. Мы выделили следующие процессы: основные процессы (учебно-воспитательный, научный), вспомогательные (экономический, маркетинговый, хозяйственный) процессы и координирующий их функционирование управленческий процесс. Следовательно, данный вариант процессной декомпозиции обеспечивает $K=6$ и вместе с этим структура взаимодействия основных и вспомогательных процессов ОС и их связь со средой при функционировании позволяет утверждать, что для таких значений K будет удовлетворяться свойство аддитивности функции сложности.

Таким образом, решение практической задачи предварительного этапа процессной декомпозиции сделало проблему социального проектирования и управления ОС обозримой как для применения параметрических, так и непараметрических подходов к решению задач построения моделей подсистем ОС, которые будут использоваться для решения задач адаптивного его управления.

Предварительный этап процессной декомпозиции ОС позволил в среднем более чем в 20 раз снизить сложность синтеза моделей ОС. Каждый процесс

отражает соответствующую сторону динамики ОС и представляет собой упорядоченную совокупность работ, заданий во времени и пространстве, с указанием начала и конца и точным определением входов и выходов.

В основных процессах реализуются практически все виды социального взаимодействия всех социальных групп, участвующих в образовательном и научном процессах.

Во вспомогательных процессах ОС уровень интеракций имеет меньшую интенсивность, а также они имеют свою специфику и сущностную, и временную. Причем, от того, насколько эффективно функционируют вспомогательные процессы, будет зависеть продуктивность «работы» группы основных процессов, что обусловлено системной интеграцией в ОС основных и вспомогательных процессов.

Процессный взгляд на ОС как социальную систему позволяет системно и многомерно увидеть ее динамику во всем многообразии реализуемых процессов и тем самым выявить все аспекты социального влияния на основных участников образовательного процесса во внутри- и внесистемном контексте.

О необходимости рассмотрения процессов социальных систем впервые отмечал Т. Парсонс [6], однако в литературе по социальному управлению и проектированию ОС, базирующейся на структурно-функциональном методологическом подходе, в основном, внимание акцентируется на структурах, функциях, кадрах и незаслуженно мало уделяется внимания процессам. Так как структура легко представляется графически, в любой организации она доста-

точно прозрачна, обычно представляет собой определяемое статусной иерархией статическое распределение социальных взаимоотношений, сложившихся в ОС. Процессный же подход предполагает использование аппарата моделирования, выявления количественных однородностей, применения новых информационных технологий.

Отметим, что именно в рамках процессов наиболее четко проявляются атрибуты социального взаимодействия, социальные статусы, права и обязанности, социальные символы и значения приобретают свое динамическое наполнение. Процессы детерминируются ролевой иерархией, отражающей динамический взгляд на то, как образовательное учреждение оказывает образовательные услуги. Процессы имеют непосредственный выход на потребителей услуг, а также имеют связи с другими процессами.

Нам представляется, что процессный подход позволит одновременно использовать преимущества не только структурно-функционального и системного принципа научного мышления, но и диалектического подхода, позволяющего объективно оценить динамику процессов, выявить внутренние противоречия, определяющие тенденции развития. Это послужит хорошей основой для разработки алгоритмов адаптации, саморазвития ОС, так как ориентация на процессы имеет свои преимущества, создающие необходимые предпосылки для построения моделей подсистем, реализующих основные и вспомогательные процессы ОС. Естественно, что возможность применения аппарата моделирования позволит осуществлять социальное проектиро-

вание и социальное управление ОС, представляющих класс динамичных социальных систем, занимающих достаточно широкое поле регионального уровня системы образования.

Содержательные и формальные модели в реализации алгоритмов адаптации образовательных систем

На всех этапах функционирования ОС выбор альтернатив целесообразно осуществлять с использованием количественных оценок. Необходимо выделить в ОС не только все основные и вспомогательные процессы, их элементы и связи, но и дать каждому них правильные количественные оценки. Для такой ОС могут быть построены математические модели. Характерным для ОС является участие человека в реализации ее процессов и их корректировке. С использованием интеллекта человека осуществляются все процессы управления, обратные связи, функционируют сложные процессы адаптации, саморазвития и самоорганизации системы. Присутствие человека в реализации адаптационных механизмов наряду с широким использованием моделей и информационных систем мы считаем важным и необходимым условием создания адаптивных и саморазвивающихся ОС. Таким образом, можно утверждать, что адаптивные свойства ОС будут реализованы в полном объеме при оптимальном сочетании эвристических и формализованных алгоритмов адаптации, что естественно

потребуется широкого использования как содержательных, так и формальных моделей. По мере накопления опыта эксплуатации адаптивных алгоритмов содержательные модели будут переходить в разряд формальных, а их место будут занимать новые, описывающие на феноменологическом или качественном уровне функциональные связи третьего уровня, которые базируются на мотивах и согласованных ценностных ориентациях основных участников образовательного процесса. Этот преобразовательный процесс очень важен не только для социального проектирования и социального управления, но и для активной социологии управления в целом, так как будет способствовать ее переходу на количественный уровень абстракции при описании социальных процессов.

Теоретические основы адаптивных ОС

Адаптивные образовательные системы

Образовательная система будет адаптивной, если она адаптивна по входам, выходам и процессам, а также использует для управления адаптивные модели, описывающие основные и вспомогательные процессы. Функционирование такой системы осуществляется оптимально в соответствии с комплексным критерием – показателем эффективности деятельности системы

$F(X, Y, Pr, SV, SW, EK) \rightarrow \text{extremum}, \dots\dots\dots [7]$

где X – входы системы;
 Y – выходы системы;
 Pr – процессы системы;
 SV – свойства элементов системы;
 SW – связи системы;
 E – экономические показатели системы.

Для системного применения идей адаптации в горизонтальном (процессы) и вертикальном (структуры) разрезах ОС целесообразно выделить три основных вида адаптаций: параметрическую, структурную и целевую адаптации, связанные с управлением процессов, и параллельно ей рассматривать эти же виды адаптаций на организационно-управленческом уровне, которые затронут ролевую, функциональную, штатную и организационную

структуры ОС. Реализация указанных видов адаптации в горизонтальном срезе ОС позволяет говорить в целом о динамической (процессной) адаптации, а реализация в вертикальном срезе – о статической (организационно-управленческой). Выбор вида адаптации осуществляется по отклонениям выходов Y от требуемых целевых значений ОС Y^* . Классификация видов адаптационных подходов и методов ОС представлена в таблице 1.

Таблица 1

Виды адаптации образовательных систем

№	Соотношение Y^* и Y	Диапазон ΔY и вид адаптации	Место приложения механизма адаптации	
			Процессы ОС	Организационно-управленческая структура ОС
1	$Y^* = Y$	$\Delta Y = 0$ цель управления достигнута	Необходимости в изменениях нет	Необходимости в изменении нет
2	$Y^* \neq Y$	$\Delta Y \leq \Delta Y_{pa}$ Параметрическая (процессная и/или организационно-управленческая)	Уточнение параметров моделей в соответствии с алгоритмом адаптивной идентификации	Изменение ролевой структуры в ОС
3	$Y^* \neq Y$	$\Delta Y_{pa} < \Delta Y \leq \Delta Y_{sa}$ Структурная (процессная и/или организационно-управленческая)	Выбор наилучших структур моделей в соответствии с алгоритмом адаптивной идентификации	Изменение функциональной и штатной структуры ОС
4	$Y^* \neq Y$	$\Delta Y > \Delta Y_{sa}$ Целевая 1-го и 2-го уровня (процессная и/или организационно-управленческая)	Изменение ресурсов R , выделяемых на реализацию процессов. Корректировка целей управления	Изменение организационной структуры ОС

Параметрическая адаптация на процессном уровне обслуживает оперативный уровень адаптации, выполняя текущую идентификацию, уточнение параметров моделей в связи с текущими изменениями объекта и внешними воздействиями, при этом

структура моделей остается неизменной. На организационно-управленческом уровне решаются задачи уточнения ролевой структуры ОС. Например, создание с помощью адаптивного алгоритма технологически однородных студенческих групп и адап-

тация к ним содержания образования, что приводит к коррекции ролевой структуры ППС.

Структурная адаптация ОС связана с решением задачи стратегической идентификации. На уровне процессов – это построение концептуальной модели, выбор информативных переменных, оценка степени стационарности объекта, выбор структуры и параметров модели, оценка точности и адекватности модели реальному объекту. На организационно-управленческом уровне – это выбор рациональной функциональной и штатной структуры ОС, которая позволяет эффективно учитывать изменения в ОС и среде. Например, создание при факультетах подразделений дополнительного образования позволяет решить вопросы с набором абитуриентов, т.е. получить более качественный вход в ОС.

Целевая адаптация обслуживает высший иерархический уровень управления, создавая оптимальные предпосылки для адаптации и саморазвития ОС, реализующих управление активными объектами, которые могут формировать свою целевую функцию. Первый уровень целевой адаптации тактический, он обеспечивает коррекцию детерминированной цели в технологически разумных пределах. Второй уровень – стратегический, он обслуживает процессы саморазвития ОС, повышая уровень ее организованности и упорядоченности.

Теоретические основы построения алгоритмов адаптации ОС

Проектирование адаптивных ОС требует рассмотрения с общих позиций реализации принципа адаптации как при создании ОС, так и в процессе ее эксплуатации. Обобщенная схема адаптивной ОС представлена на рис.1.

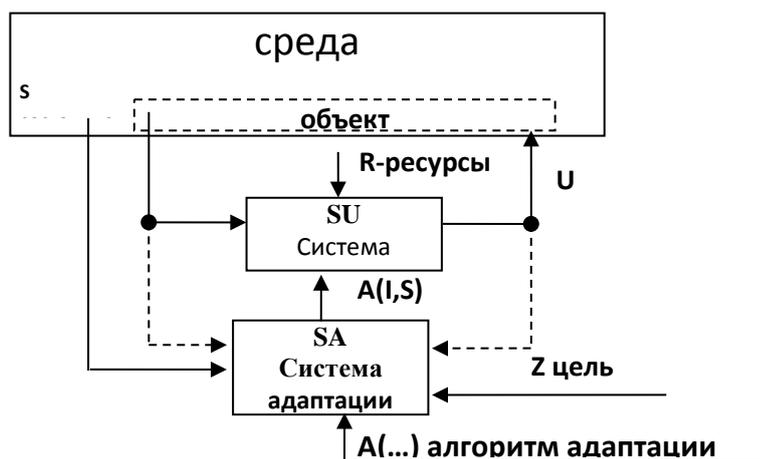

Рис. 1. Обобщенная схема адаптивной образовательной системы

ОС как объект управления является частью социально-экономической среды, состояние которой характеризуется информацией S (состояние об-

разования на этапах, предшествующих вузу; потребность в специалистах). ОС характеризуется входами X , выходами Y , совокупностью оптимальных управ-

ляющих воздействий U , с помощью которых при имеющихся ресурсах R достигается заданная цель Z (оценивается по уровню выхода системы Y). Основу функционирования ОС составляет алгоритм определения управления U - реакции системы управления ОС на изменения информации $I=\langle X, Y \rangle$. При изменении S могут изменяться характеристики, структура алгоритма управления, а возможно, и уточняться цели ОС. Изменения алгоритма управления определяются с помощью алгоритма адаптации $A(I, S)$ и в соответствии с критерием качества функционирования системы $Q(X, Y, E)$, где E - экономические показатели ОС.

При проектировании конкретной адаптивной ОС необходимо исследовать возможности всех видов адаптации на различных уровнях управления. Необходимо рассмотреть задачу отождествления переменных $R, Z, U, I=\langle X, Y \rangle$, функций $Q()$, $A()$ с основными психолого-педагогическими, социальными и иными характеристиками проектируемой ОС, составить выражения, устанавливающие связи между элементами ОС, уточнить ее функциональную схему.

Рассмотрим работу адаптивной ОС. Алгоритм определения U , надобность в котором связана с изменением $I=\langle X, Y \rangle$ и S , является основной характеристикой ОС. Для этого необходимо в формализованном, алгоритмическом или ином виде установить зависимость между X, Y и U . Как известно, эта связь называется моделью объекта $Y = \varphi(X, U, C, St)$, где St - структура модели, C - параметры модели. С помощью U объект переводится в требуемое целевое состояние Z , достижение кото-

рого оценивается по выходу Y . Так как ресурсы управления R всегда ограничены, то обычно цель формулируется в виде целевых требований: типа равенства $D(X, Y)=0$ (например, объем аудиторных занятий не должен превышать в среднем 27 часов в неделю), неравенства $H(X, Y) \geq 0$ (ППС должен иметь не менее 50% преподавателей со степенями и званиями), а также экстремальных требований (себестоимость должна быть минимальной). Ресурсные ограничения приводят к тому, что управление U всегда ограничено $U \in \{U\}_R$, где $\{U\}_R$ - множество управлений, ограниченное ресурсами R (финансовые, кадровые, временные, материально-техническое и другие). Обычно в такой ситуации поиск управления U сводится к решению экстремальной задачи [4, с. 17]. Необходимо минимизировать критерий качества функционирования системы $Q(X, Y, E) \rightarrow \min$ при известной модели $Y = \varphi(X, U, C, St)$ за счет варьирования $U \in \{U\}_R$. Если структура модели известна и неизменна, то параметр St можно опустить, и критерий качества представить в виде $Q(X, \varphi(X, U, C), E) \rightarrow \min$ при $U \in \{U\}_R$.

Практика проектирования адаптивных ОС показала, что трудоемкость процесса идентификации соизмерима с трудоемкостью процесса проектирования системы [7]. Алгоритмы управления ОС рождаются в недрах идентификации основных и вспомогательных процессов, а реализация управления в ОС обеспечивает алгоритмы идентификации не только необходимой информацией, но и способствует их совершенствованию.

Таким образом, идентификация и управление в ОС, взаимодействуя согласованно и синхронно, не только взаимно обогащают друг друга необходимой информацией, но и создают реальную возможность оперативно компенсировать текущие изменения характеристик ОС и среды. Характерным для современных ОС является стремление использовать рациональное сочетание формальных и неформальных (эвристических и экспертных) методов, что является спецификой проектирования и управления адаптивными ОС. Следовательно, в зависимости от вида модели ОС $\varphi(\dots)$ и уровня ее формализации задача поиска управления U будет решаться различными методами. Реализация в сложившейся ситуации найденного оптимального управления U должна обеспечить получение результата Z , достижение которого мы оцениваем по выходу ОС Y . Модели объекта того или иного вида позволяют определить ожидаемое значение $Y^* = \varphi(X, U^*, C)$. Из-за сложности ОС довольно часто имеет место разница между Y и Y^* $\Delta Y = |Y^* - Y$. По величине ΔY можем не только оценить эффективность управления, но и установить необходимость применения того или иного вида адаптации либо их комбинации, а также границы применимости различных видов адаптации (см. табл. 1).

Алгоритмы адаптации ОС

Дискретность реализации учебного процесса (расписание учебных занятий на неделю) такова, что при описании процессов ОС время в явном виде можно не учитывать. Следовательно,

при формализации основных и вспомогательных процессов ОС их можно рассматривать как статические объекты. Практика показала, что для описания ОС можно с успехом использовать линейные статические модели, с помощью которых получают адекватное описание процессов ОС, протекающих в технологически разумных интервалах.

Алгоритмы параметрической адаптации

Традиционно образовательный процесс реализуется дискретно в соответствии с расписанием занятий. Следовательно, в конце i -й учебной недели с помощью оперативной системы контроля знаний может быть получена полная выходная информация Y_i о достигнутом уровне знаний обучаемых. Оценка величины ΔY_i осуществляется дискретно, что позволяет предположить, что при $\Delta Y \leq \Delta Y_{ра}$ алгоритм параметрической адаптации будет иметь рекуррентный характер и обеспечивать уточнение параметров модели по мере поступления еженедельных данных о функционировании ОС. Пусть структура модели фиксирована, и на i -й неделе значения параметров модели равны C_i . На $i+1$ неделе получена информация о входах X_{i+1} , выходах Y_{i+1} и управлениях U_{i+1} . Информация о поведении объекта сопоставляется с реакцией модели $\varphi(\dots)$, наличие ΔY свидетельствует о необходимости уточнения параметров модели C_i на некоторую величину ΔC_{i+1} ($C_{i+1} = C_i + \Delta C_{i+1}$). Определение ΔC_{i+1} возможно по информации о X_{i+1} , Y_{i+1} , U_{i+1} . Для этого на $i+1$ неделе вычисляют

$q_{i+1}(C_i) = \varphi(X_{i+1}, U_{i+1}, C_i) - Y_{i+1}$ – невязку выходов модели и объекта.

Величина ΔC_{i+1} должна быть такой, чтобы минимизировать квадрат невязки любым из известных методов минимизации функции многих переменных. Для достижения заданного качества услуг с помощью алгоритма параметрической адаптации по накопленным данным уточняются параметры модели C_i . Это обеспечивает адаптацию модели ОС к изменяющимся $I = \langle X, Y \rangle$ и S и позволяет более точно определять управление U с учетом ограничений.

Параметрическая адаптация на организационно-управленческом уровне предполагает, что организационная и функциональная структура ОС остаются неизменными. Реакция на изменения $I = \langle X, Y \rangle$ и S осуществляется только за счет коррекций в ролевой структуре ОС, которая является важным инструментом адаптации управленческой структуры ОС к изменившимся условиям. В качестве критерия качества может быть выбран интегральный показатель ролевой структуры Q_{RS}^J , аддитивно учитывающий коэффициенты выраженности творческой, коммуникативной и поведенческой роли каждого i -го сотрудника ОС при решении j -й задачи. Формализация процедуры параметрической адаптации на организационно-управленческом уровне при решении j -й задачи и известных ограничениях на ресурсы сводится к $Q_{RS}^J \rightarrow \max$. Для определения ролевой структуры коллектива и ролевых характеристик сотрудников используются социально-психологические методы [2, 3]. При отсутствии формали-

зованного описания влияния ролевой структуры ОС на ее выходные характеристики используются эвристические методы поиска оптимального решения

Алгоритмы структурной адаптации ОС

Необходимость в структурной адаптации возникает тогда, когда изменения в самой ОС и в среде таковы, что параметрическая адаптация оказывается неэффективной, т.е. $\Delta Y_{PA} \leq \Delta Y \leq \Delta Y_{SA}$. Структурная адаптация предполагает наличие в ОС соответствующих резервов ресурсов R , позволяющих реализовать одну из нескольких структур моделей ОС в пределах допустимого множества структур. Реально используется одна структура модели, а остальные существуют виртуально. Инициация перехода структуры из виртуального состояния в реальное осуществляется по условию $\Delta Y_{PA} \leq \Delta Y \leq \Delta Y_{SA}$ на очередном шаге управления в соответствии с технологией перехода, без остановки основного процесса.

Говоря о природе структурной адаптации, следует отметить, что одной из причин изменения структуры модели являются ограничения, накладываемые на управления и переменные состояния, достижение граничных значений которых приводит к изменению структур моделей и целей ОС.

Практика показала, что если реализуются одновременно в рамках одной ОС несколько однотипных дидактических процессов, описываемых моделями разных структур, то наличие 10-20% резерва пропускной способности позволяет за счет перераспределения структуры входных потоков системы

достичь решения проблемы $\Delta Y_{PA} \leq \Delta Y \leq \Delta Y_{SA}$ (структурная адаптация входных потоков данных к имеющимся структурам дидактических процессов). Этого может оказаться достаточным для того, чтобы ΔY стало равным или близким к нулю.

Рассмотрим алгоритм адаптации для случая, когда имеется описание объекта несколькими моделями с известными структурами $(\varphi^i(\dots))$ – структура i -й модели и C^i – параметры i -й модели). В качестве критерия оценки эффективности той или иной структуры модели ОС обычно выбирают Q_{i+1}^j – квадрат невязки j -й модели на $i+1$ -м шаге управления до уточнения параметров модели C_i^j по результатам параметрической адаптации, так как, в противном случае, процедура параметрической адаптации может сделать невязку близкой к нулю.

Таким образом, совокупность квадратов невязок, полученных на каждом шаге управления для каждой структуры модели, может быть представлена в виде Q - матрицы квадратов невязки семейства моделей ОС. Подобные матрицы целесообразно иметь для X , Y , и U . Каждая из представленных в матрице Q невязок Q_i^j сама по себе малоинформативная. Необходим статистический материал, которым для структурной адаптации является каждая строка матрицы Q совместно с соответствующими строками матриц X , Y , U . Используя эти данные, а также в качестве критерия эффективности усредненный квадрат невязки каждой модели, вычисленный до коррекции параметров, выбирают структуру, обеспечивающую лучшее управление.

При обработке данных необходимо корректно использовать Q_i^j для шагов, далеко отстоящих от текущего.

Структурная адаптация на структурном уровне определяет возможности изменять в ОС функциональную и штатную структуры. Наличие невязки на выходе ОС, кроме указания на необходимость коррекции структуры модели основного процесса, свидетельствует о проблемах в функциональной и штатной структуре. Они, как правило, не имеют формального описания. Поэтому в их решении больше используются эвристические и экспертные методы.

Теоретические основы саморазвивающихся адаптивных ОС

Параметрическая и структурная адаптации обслуживают оперативный и тактический уровень управления. При $\Delta Y > \Delta Y_{SA}$ включается механизм целевой адаптации. Изменение целей, или адаптация объекта к достижимым целям (например, создание системы «вуз – колледж – школа», дающей экономию времени и повышение качества образования) неизбежно приводит к изменению в организационной структуре ОС, корректировке процессов, состава уровней, звеньев управления и структуры их связей, технологии управления с использованием принципов самообучения и саморазвития систем, базирующихся на адаптивных алгоритмах, рассмотренных выше.

Реализация этого уровня адаптации возможна с использованием саморазвивающихся адаптивных ОС.

Саморазвивающаяся адаптивная

образовательная система – это адаптивная ОС, в которой регулярно и эффективно с использованием принципов самообучения и саморазвития систем осуществляются процессы целевой адаптации, направленные на обеспечение со временем роста ее упорядоченности и организованности в соответствии с выбранным критерием развития образовательной системы.

В целевой адаптации необходимо выделять два уровня: целевая адаптация первого уровня (**ZA1U**) ориентирована на достижение ранее детерминированной цели, или множество целей или целевой функции (см. рис. 2).

Проще говоря, цель в основном остается прежней, она лишь незначительно уточняется с учетом специфики

конкретного объекта и выделенных ресурсов. Процессы и структуры ОС корректируются в технологически разумных пределах. Приведем причины, вызывающие необходимость целевой адаптации: объект не может достичь цели из-за неполного учета его активности; реальные входы объекта или ресурсы не позволяют достичь цели; изменение социального статуса обучаемого затрудняет учение.

Целевая адаптация второго уровня (**ZA2U**) предполагает наличие в системе управления ОС (см. рис. 2) второго контура целевой адаптации, который исследует социально-экономическую среду, выявляет области допустимых целевых решений из множества возможных.

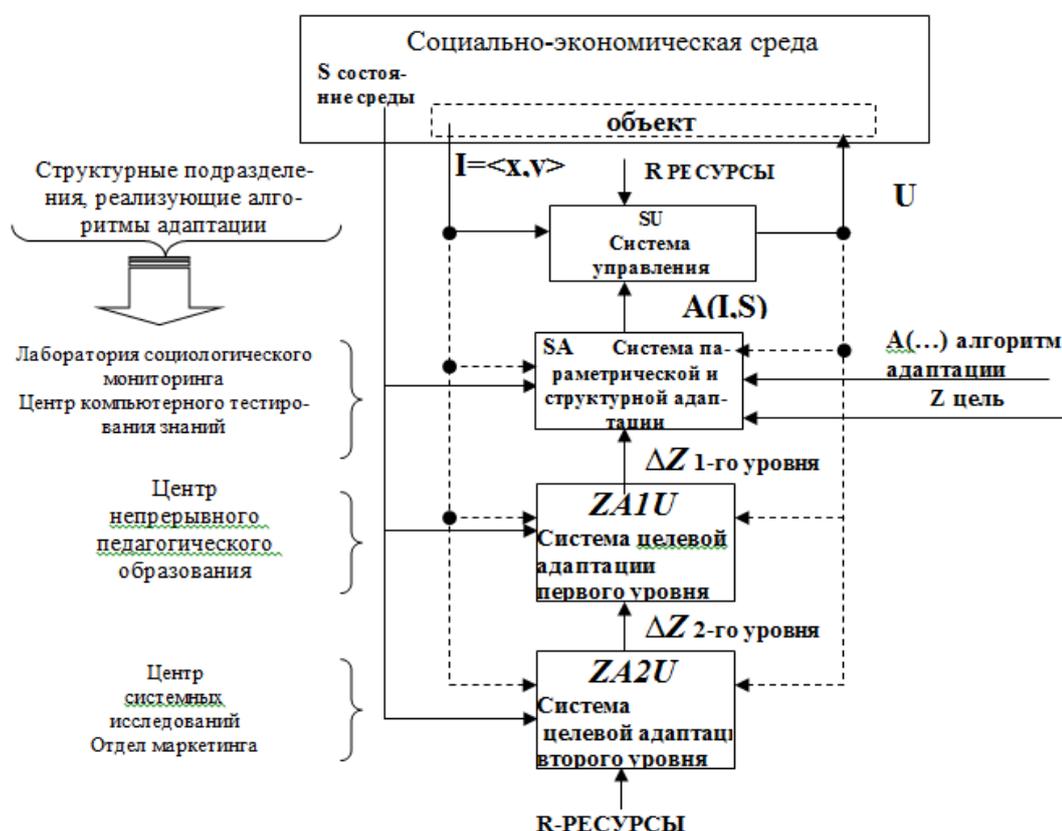

Рис. 2. Схема саморазвивающейся адаптивной образовательной системы

Проще говоря, цель в основном остается прежней, она лишь незначительно уточняется с учетом специфики конкретного объекта и выделенных ресурсов. Процессы и структуры ОС корректируются в технологически разумных пределах. Приведем причины, вызывающие необходимость целевой адаптации: объект не может достичь цели из-за неполного учета его активности; реальные входы объекта или ресурсы не позволяют достичь цели; изменение социального статуса обучаемого затрудняет учение.

Целевая адаптация второго уровня (**ZA2U**) предполагает наличие в системе управления ОС (см. рис. 2) второго контура целевой адаптации, который исследует социально-экономическую среду, выявляет области допустимых целевых решений из множества возможных.

Формулировка целей и их выбор, определение средств, необходимых для их реализации, критериев отбора вариантов из множества возможных – являются основными процедурами **ZA2U** в рамках вновь выявленной проблемы. В **ZA2U** центр тяжести целевых исследований переносится на поиск проблем, критических точек развития ОС, противоречий, так как именно разрешение противоречий является движущей саморазвивающейся силой для ОС. При выборе варианта решения на уровне **ZA1U** мы имеем характеристики процессов, структур и их модели, позволяющие оценить пригодность и эффективность принятого решения, а на уровне **ZA2U** такой информация нет и ее заменяют данные о среде другого рода (информация о других секторах рынка услуг, прогноз развития отрас-

лей экономики региона, информация о рынках труда, общая характеристика экономики домашних хозяйств региона). Эти данные требуют глубочайшего анализа, обобщения и позволяют сформулировать научно обоснованные ответы на следующие вопросы:

- В каком стратегическом направлении целесообразно развивать ОС?
- Что необходимо и какими способами могут быть достигнуты сформулированные цели? Насколько они реальны для данной ОС на данном этапе и достижимы ли вообще? Каковы ограничения при движении к цели?
- Что получит в плане развития ОС в результате достижения прогнозируемых целей? Насколько это выгодно ОС?

Ответы на эти вопросы требуют качественно-количественного социологического описания среды, позволяющего находить область допустимых решений из множества альтернатив решения проблемы. Единственного решения не будет. Появится множество примерно однозначных решений, из которых путем итераций с использованием интеллекта человека будет определено несколько приемлемых на данном этапе целей. Очевидно, что алгоритм **ZA2U** будет многошаговым и итерационным, основанным на идеях адаптации и самообучения систем с активным использованием интеллекта человека. Формальная часть алгоритма может быть реализована с использованием метода потенциальных функций, или иных методов распознавания образов [1]. Результатом работы этих методов должна быть решающая

или оценочная функция, значения которой будут существенно зависеть от эволюции ОС и ее социально-экономической среды. Эта функция с успехом может быть получена методом экспертных оценок.

Формулировка новых целей ОС, направленных на ее саморазвитие, – это взгляд в будущее, который предполагает, кроме всего прочего, и определение оптимально временного интервала, на котором будут прилагаться усилия и расходоваться ресурсы для достижения определенных целей. Целевая адаптация второго уровня предполагает наличие соответствующим образом упакованной, представленной в удобном для анализа и моделирования информации о будущих потребностях общества в целом и данного региона в отдельности, об оценке рынков образовательных услуг и рынков трудовых ресурсов, перспективах развития экономики региона, о лучших достижениях в области образовательных услуг в регионе, на федеральном и мировом уровне.

На этапе **ZAZU** формируется совокупность целевых требований к новой ОС, которая будет проектироваться и создаваться, если перспективные целевые требования будут приняты к исполнению. Таким образом, на этапе **ZAZU** рассматриваются существующая ОС и множество проектируемых ОС. Проектируемая ОС создается с помощью следующего алгоритма:

1. Оценка текущего состояния ОС.

Системный анализ состояния рынка услуг, рынка труда, ресурсов.

2. Определение множества целевых вариантов.

3. Количественно-качественная оценка целевых вариантов и ОС, их реализующих. Расчет основных параметров ОС. Выбор образа будущей ОС.

4. Разработка вариантов предполагаемой ОС (процессы, структуры, ресурсы).

5. Анализ вариантов и выбор оптимальной ОС. Оценка ее реализации по времени и ресурсам.

6. Утверждение новых целей. Социальное проектирование, создание ОС, опытно-промышленная эксплуатация. Коррекция и адаптация моделей ОС. Промышленная эксплуатация.

Представленный линейный алгоритм предполагает наличие на каждом этапе обратной связи, т.е. в нем предполагается итерационный процесс практически на каждом шаге.

Предложенные выше теоретические основы моделирования и алгоритмизации процедур социального проектирования адаптивных образовательных систем позволили решить множество практических задач [8], в том числе: оптимального формирования технологически однородных студенческих групп, подгрупп, потоков; разработки и внедрения адаптивного алгоритма выбора наилучшей педагогической технологии; оптимального формирования контингента образовательной системы и других.

Список литературы

1. Айзерман М.А., Браверман Э.М., Розоноэр Л.И. Метод потенциальных функций в задачах обучения машин. – М.: Наука, 1970. – 384 с.
2. Егоршин А.П. Управление персоналом. – Н. Новгород: НИМБ, 1999. – 624 с.

3. **Менеджмент, маркетинг и экономика образования** / Под ред. А.П. Егоршина. – Н. Новгород: НИМБ, 2001. – 624 с.
4. **Ойхман Е.Г., Попов Э.В.** Реинжиниринг бизнеса: Реинжиниринг организаций и информационные технологии. – М.: Финансы и статистика, 1997. – 340 с.
5. **Растрингин Л.А.** Современные принципы управления сложными объектами – М.: Сов. радио, 1980. – 232 с.
6. **Филиппов А.Ф., Давыдов Ю.А., Ковалев М.С.** Функциональный подход в социологии // Современная западная социология. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 380-383.
7. **Шмарион Ю.В., Кравец Д.И.** Организационно-управленческий аспект совершенствования учебно-воспитательного процесса при подготовке учителя трудового обучения // Тезисы докладов научно-практической конференции "Совершенствование подготовки учительских кадров в условиях реформы общеобразовательной и профессиональной школы". – Липецк: Ленинское знамя, 1985. С. 71-73.
8. **Шмарион Ю.В.** Проектирование образовательных систем (системно-контекстный подход). – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2003. – С. 171-190.

References

1. **Ajzerman M.A., Braverman E.H.M., Rozonoehr L.I.** Metod potencial'nyh funkcij v zadachah obucheniya mashin. – М.: Nauka, 1970. – 384 s.
2. **Egorshin A.P.** Upravlenie personalom. – N. Novgorod: NIMB, 1999. – 624 s.
3. **Menedzhment, marketing i ehkonomika obrazovaniya** / Pod red. A.P. Egorshina. – N. Novgorod: NIMB, 2001. – 624 s.
4. **Ojhma E.G., Popov E.H.V.** Reinzhiniring biznesa: Reinzhiniring organiza-cij i informacionnye tekhnologii. – М.: Finansy i statistika, 1997. – 340 s.
5. **Rastrigin L.A.** Sovremennye principy upravleniya slozhnymi ob"ektami – М.: Sov. radio, 1980. – 232 s.
6. **Filippov A.F., Davydov YU.A., Kovalev M.S.** Funkcional'nyj podhod v sociologii // Sovremennaya zapadnaya sociologiya. – М.: Izd-vo polit. lit-ry, 1990. S. 380-383.
7. **SHmarion YU.V., Kravec D.I.** Organizacionno-upravlencheskij aspekt sovershenstvovaniya uchebno-vospitatel'nogo processa pri podgotovke uchitelya trudovogo obucheniya // Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoy konferencii "Sovershenstvovanie podgotovki uchitel'skih kadrov v usloviyah reformy obshcheobrazovatel'noj i professional'noj shkoly". – Lipeck: Leninskoe znamya, 1985. S. 71-73.
8. **SHmarion YU.V.** Proektirovanie obrazovatel'nyh sistem (sistemno-kontekstnyj podhod). – Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo gos. un-ta, 2003. – S. 171-190.

Information about authors

Roman J. Batishev – "Center for Further Education of the Lipetsk Region", teacher-organizer of the educational-methodical and information-analytical department, head of the creative association "Laboratories of Social and Humanitarian Studies" Granite of Science" (Lipetsk, Russia).

Evgenii V. Belyaev – Ph.D. (History), docent, Vice-Rector of Center for Support of Gifted Children "Strategy" (Lipetsk, Russia).

Vladimir A. Volkov – Dr. Sci (History), professor, Moscow State Pedagogical University, Russian Academy of painting, sculpture and architecture (Moscow, Russia).

Vladimir I. Danilov – Ph.D. (Biology) local historian, member of the Lipetsk branch of the Russian geographical society (Lipetsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov – Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Dmitry S. Klimov – Ph.D. (Geography), docent, head of chair of geography, biology, chemistry Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Andrei A. Linchenko – Ph.D. (Philosophy), docent, researcher of Financial University, Lipetsk branch (Lipetsk, Russia)/

Vyacheslav V. Fomin – Dr. Sci (History), professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Tatyana B. Khoroshilova – Ph.D. (Pedagogy), chair of pedagogy, psychology and special education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Yuri V. Shmarion – Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Сведения об авторах

Батищев Роман Юрьевич – методист ЦБУДО «Центр дополнительного образования Липецкой области», педагог-организатор учебно-методического и информационно-аналитического отдела, руководитель творческого объединения "Лаборатории социально-гуманитарных исследований «Гранит науки» (г. Липецк, Россия).

Беляев Евгений Владимирович – заместитель директора по научно-методической работе ГОБОУ «Центр поддержки одаренных детей «Стратегия», кандидат исторических наук, проректор по научной работе и качеству (Липецк, Россия).

E-mail: gack1@yandex.ru

Волков Владимир Алексеевич – профессор Московского педагогического государственного университета; профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Данилов Владимир Иванович – краевед, член Липецкого отделения Русского географического общества, кандидат биологических наук (Липецк, Россия).

Земцов Леонид Иосифович – профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук г. Липецк, Россия).

E-mail: leozem@yandex.ru

Климов Дмитрий Сергеевич – доцент, заведующий кафедрой географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат географических наук (г. Липецк, Россия).

E-mail: geoklim@mail.ru

Линченко Андрей Александрович – доцент, научный сотрудник Финансового университета при Правительстве Российской Федерации» (Липецкий филиал), кандидат философских наук (Липецк, Россия).

E-mail: linchenko1@mail.ru

Фомин Вячеслав Васильевич – профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

E-mail: vfominv@mail.ru

Хорошилова Татьяна Борисовна – доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

E-mail: choroshilova27@mail.ru

Шмарион Юрий Васильевич – профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

E-mail: jbshmarion@mail.ru

Instructions for the Contributors/Authors

1. The Editorial Board accepts the submissions that correspond to the subject matter of the journal and which consist of original work (having topicality, scientific novelty of the original research and credibility of information) that has not been previously published and is not under consideration for publication elsewhere.
2. The Contributors are kindly asked to send their papers at gicr-lspu@yandex.ru where they are first reviewed and selected. The Editorial Board confirms the receipt of the manuscript within 3 days and it also registers the date of the receipt of the submissions, the name(s), place of work and contacts of the author(s) as well as the names of the materials sent.
3. The papers submitted which fully confirm to the requirements of the Editorial Board should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).
4. The Contributors are asked to send the following materials to the Editorial Board:
 - Manuscript in MS Word file entitled like in this example: Ivanov_article.
 - Information about the author(s) (**in Russian and English**) which includes surname, name and patronymic, place of work, occupation, academic degree, academic title, the scope of scientific interests and contacts (telephone number, e-mail address, postal address, zip, the title of the article). This file should be entitled like in this example: Ivanov_information.
 - Postgraduate students and external PhD students are to submit to the Editorial Board scanned evaluation reference from their research advisor whose signature must be duly certified. This file should be entitled like in this example: Ivanov_evaluation reference. Such evaluation reference must necessarily contain the phrase that the manuscript is recommended for publication.
5. **Papers sent must be thoroughly revised by the author(s) and fully comply with the requirements listed below. Otherwise, the paper is normally rejected.**
6. **Technical parameters:** the text is an MS Word file, font size – Times New Roman font, 14 pt throughout, single-and-a-half-spaced, 2-cm margins on all sides, 1-cm paragraph indention. The paper should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).
7. **UDC** should be set at the left margin.
8. **The heading of the article** in Russian and English should be centred, in capital letters, bold emphasis. The headings are expected to be short and informative, thus reflecting the thematic approach of the research conducted.
9. **Author's initials and surname** in Russian and English should be centred, in lower-case letters, bold emphasis.
10. The relevant line length of the **Abstract** printed in italics in Russian and English is up to 10 lines. The information given in the Abstract should cover the contents of the article (topicality, subject, object, methods and scientific novelty) rather than scientific problem.
11. **Key words** in Russian and English are normally 5-7 words and word combinations.
12. **References** are to be listed in alphabetical order. Authors should ensure that every item in the References at the end of the article includes the initials and the surname of the author/co-authors, the heading of the article, the place and the year of publication, publishing house, the number of the pages, and the page-number spans are to be provided for the articles taken from journals and collections of articles. **References should also necessarily be given in accordance with the rules of transliteration.**
13. **Footnotes** in square brackets should be numbered in accordance with the References at the end of the article which are cited in text and include the number of the page which is preceded by a comma. E.g. [5, p.321], [1,p.12; 8, p. 12-14].
14. **Tables** should have continuous page numbering and title and be referred to in the text of the article. E.g. (see Table 1).
15. **Figures** must be presented in a separate file and have captions. They should be referred to in the text of the article. E.g. (see Fig. 1).
16. **Formulae** are to be presented in MS Word Equation Editor and be separated only at the signs of "plus" and "minus" and sometimes "multiplication". These signs are repeated at the beginning and at the end of a separated formula. The formulae should have continuous page numbering in Arabic numerals. The number of each formula goes in parentheses at the right margin of the page.

Информация для авторов

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspru@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом до 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

- Файл со статьей. Название: Иванов_статья.

- Информация об авторе/авторах (**на русском и английском языках**). Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

- Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв.

В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – до 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – до 10 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовков, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см. рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Редактор-корректор – В.И. Буланова

Дизайн, графика – С.А. Бондарчук

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка – О.Е. Булхова

Перевод – О.А. Журавлева, Н.В. Орлова

Территория распространения – Российская Федерация.

Подписано в печать 18.12.2017 г.

Дата выхода в свет 29.12.2017 г.

Формат 70 × 108 1/16.

6,3 п. л.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1360.

Свободная цена

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».

398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.

<http://lspu-lipetsk.ru/giceros>

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor-corrector V.I. Bulanova

Translation O.A. Zhuravleva, N.V. Orlova

Design, graphics S.A. Bondarchuk

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Distributed in Russian Federation.

Signed to print 18.12.2017.

Date of publishing 29.12.2017.

Sheet size 70 × 108 1/16.

6,3 printed sheets.

Number of copies 100.

Order no. № 1360.

Free price

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia